A historical map of Central Europe, showing the Danube River and major cities like Vienna, Budapest, and Zagreb. The map is in a sepia tone and includes various geographical features and political boundaries.

ЮГОСЛАВИЯ В XIX ВЕКЕ

Очерки политической истории

Коллектив авторов

**Югославия в XX веке. Очерки
политической истории**

«Индрик»

2011

УДК 94(497)

ББК 63.3(4)

Коллектив авторов

Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Коллектив авторов — «Индрик», 2011

ISBN 978-5-91674-121-6

Книга отражает современный уровень изучения в России истории югославянских народов в XX в. В опоре на новейшую литературу и доступную источниковедческую базу прослеживается возникновение югославского государства в 1918 г., складывание его институтов и политической системы, большое внимание уделяется событиям Второй мировой войны, освещается период социалистической Югославии, который закончился так называемым югославским кризисом – распадом государства и чередой межэтнических гражданских войн. Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94(497)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-91674-121-6

© Коллектив авторов, 2011

© Индрик, 2011

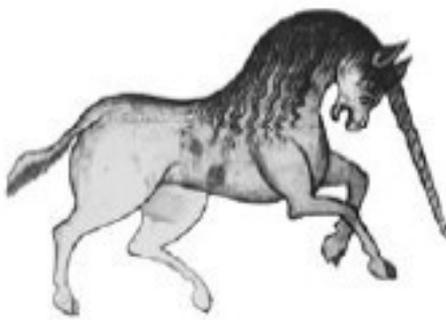
Содержание

Предисловие	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	48
Глава 3	62
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Югославия в XX веке: Очерки политической истории

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-01-16092д)

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук К. В. Никифоров (ответственный редактор),
кандидат исторических наук А. И. Филимонова
доктор исторических наук А. Л. Шемякин

Рецензенты:

кандидат исторических наук Л. В. Кузьмичева, доктор исторических наук Е. П. Серапи-
онова

Предисловие

XX век оказался переломным и трагическим для судеб всего человечества. Однако особые испытания выпали на долю стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Кроме мировых войн многие из них оказались втянуты еще и в невиданный социальный эксперимент, также перекалечивший судьбы миллионов людей и закончившийся полным крахом, распадом всех многонациональных государств – Советского Союза, Югославии и Чехословакии.

Не удивительно, что несколько лет назад Институт славяноведения РАН задумал серию работ, посвященную истории зарубежных славянских стран в XX в. С одной стороны, славянские народы оказались в центре всех политических катаклизмов, на которые оказался столь богатым минувший век. С другой стороны, влияние славянских народов на ход мировой истории в XX в. было «гораздо выше того удельного веса, который они имели в глобальном народонаселении»¹.

Это замечание справедливо и по отношению к Югославии. После Второй мировой войны страна постепенно заняла место в мире, несоизмеримо превосходившее ее реальный политический и экономический вес: родина альтернативной модели социализма, буфер между двумя враждебными блоками и даже один из лидеров третьего мира. Да и кровавый распад Югославии – повлиял не только на судьбу населявших ее народов, но и весьма существенно на складывание новой системы международной безопасности, пришедшей на смену ялтинско-потсдамскому миру. И конечно, история югославянских народов в XX в., в столетии, когда их судьба несколько раз менялась самым радикальным способом, заслуживает отдельного исследования.

«Югославия в XX веке. Очерки политической истории» – третий труд в задуманной серии. Уже увидели свет «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2003) и «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории в 2 кн.» (М., 2005). В стадии написания находится последний труд серии по истории Польши.

Перед авторами труда стояло множество проблем. И первая из них – само его название. Понятно, что существование Югославии (1918–1991) даже хронологически не покрывает весь XX век. Конечно, можно было назвать период до 1918 г. «На пути к Югославии», а период после 1991 г. «На пути из Югославии». Но это было бы значительным упрощением. В частности, начало XX в. для югославянских народов вовсе не исчерпывается стремлением к созданию единого государства. Хотя авторы далеки и от другой крайности – утверждений о том, что Югославия была искусственным государством, своего рода «исторической ошибкой».

После долгих дискуссий все-таки остановились на названии, включающим слово «Югославия». Любое название достаточно условно. Но так или иначе, три четверти XX ст. югославянские народы находились в составе общего государства, которое занимает в их истории прошлого века центральное место. К тому же давно замечено, что по своему внутреннему содержанию XX век оказался намного короче формальных хронологических рамок и фактически длился лишь от Первой мировой войны до краха коммунистической системы и распада биполярного блокового мира. А это как раз время существования Югославии.

Другая сложность – характер труда. Очерки истории Болгарии названы их авторами сборником, очерки истории Чехии и Словакии – коллективной монографией. Нашу работу мы бы определили срединной дефиницией, а именно как монографический сборник, благо такое определение уже получило хождение в научной среде. Монографический – в плане попыток глубины подходов и наличия общего замысла, сборник – так как каждый автор имел полную свободу при выборе темы и угла зрения на ту или иную проблему в заданных хронологических рамках. Точно так же авторы были полностью свободны в изложении своих взглядов и оценок.

Каждый изложил только собственную точку зрения. Впрочем, очерковый характер всех трудов серии именно это и подразумевает.

Кроме того, авторам не удалось равномерно осветить все проблемы, не достигнута и полная унификация всех разделов труда, как это было бы свойственно коллективной монографии. На это влияли степень изученности в России различных периодов истории югославянских народов в XX в., наличие необходимых специалистов, состояние документальной базы и ее доступность.

Предложенная работа, естественно, отражает и степень изученности конкретной проблемы или того или иного периода новейшей истории югославянских народов в зарубежных, прежде всего национальных югославянских историографиях. В последних – много работ, посвященных различным аспектам истории народов, входивших в состав Югославии. Однако на этом фоне легко заметить, что обобщающих трудов по истории всей Югославии существенно меньше. Можно сказать, что их совсем мало. Причем многое из написанного в период существования Югославии уже безнадежно устарело, а новые работы пишутся преимущественно с национальных позиций и посвящены национальной истории отдельных народов – словенцев, хорватов, сербов, македонцев и т. п.² Историю существовавшего в XX в. общего государства еще только предстоит написать ученым с территории бывшей Югославии. Как справедливо указано в одном из последних сербских трудов – написание истории Югославии для исторической науки по-прежнему остается вызовом³.

И если с точки зрения накопленного в историографии фактического материала с первой половиной XX в. дело обстоит еще относительно терпимо, то социалистический этап в истории Югославии изучен совсем слабо. И в любом случае вся история Югославии XX в. нуждается в современном осмыслении. Это справедливо и в отношении истории Второй мировой войны на территории Югославии – казалось бы не забытой исследователями в предыдущий период. Однако новые документы и отмена цензуры заставляют нас взглянуть на многие моменты совершенно по-новому.

В отечественной историографии обобщающей работы по новейшей истории югославянских народов до сих пор не написано. Единственный труд – двухтомная «История Югославии», датированная еще 1963 г. Повествование в нем доведено лишь до 1945 г.⁴ В конце 80-х годов прошлого века в Институте славяноведения была предпринята попытка написания кратких историй стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но по Югославии запланированный труд выйти в свет так и не успел.

В советское время заниматься послевоенной «ревизионистской» Югославией было намного труднее, чем историей других европейских социалистических стран, разрешение на публикацию любой книги, связанной с современной югославской проблематикой, даже после нормализации советско-югославских отношений давалось фактически на уровне ЦК КПСС. Многим изданиям присваивался гриф «ДСП» – «для служебного пользования». А открытый доступ, по существу, ограничивался двумя коллективными монографиями Института экономики мировой социалистической системы (ныне – часть Института экономики РАН), которые так и назывались «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»⁵.

Оживление в изучении послевоенной Югославии в отечественной исторической науке началось уже во время «перестройки» в Советском Союзе⁶, а затем и вовсе пали многие старые запреты. Однако разразившийся югославский кризис на время отвлек на себя основное внимание российских историков⁷. Теперь настало время вернуться к собственно истории Югославии в XX в.⁸, создать первый обобщающий труд. Но, естественно, авторы не претендуют на окончательные оценки, они скорее провоцируют дискуссию. Повторим, труд отражает уровень развития современной российской югославистики. Процесс познания продолжается, высказанные взгляды открыты для любых уточнений и иных точек зрения.

Книга подготовлена в Институте славяноведения РАН авторским коллективом в составе: к.и.н. А.С. Анিকেев, Л.Я. Гибанский, д.и.н. Е.Ю. Гуськова, к.и.н. А.Б. Едемский, к.и.н. Л.А. Кирилина, д.и.н. К.В. Никифоров, к.и.н. А.А. Силкин, к.и.н. А.И. Филимонова, к.и.н. В.Б. Хлебникова, д.и.н. А.Л. Шемякин, к.и.н. М.Л. Ямбаев.

Идея написания серии трудов, посвященных истории славянских народов в XX в., принадлежит члену-корреспонденту РАН В.К. Волкову. Он же собрал авторский коллектив для написания работы по новейшей истории Югославии и сам собирался написать ряд разделов. К сожалению, судьба распорядилась иначе. Горько сознавать, что Владимир Константинович не увидит опубликованного труда, но этот труд – еще одно овеществленное свидетельство того, что его дела и память о нем продолжают жить.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 05-01-01297а).

Примечания

1 Волков В.К. Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 297.

2 См., например: *Bilandžić D. Hrvanska moderna povijest. Zagreb, 1999; Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.*

3 *Pisati istoriju Jugoslavije. Viđenje srpskog faktora. Beograd, 2007. S. 5.*

4 История Югославии в двух томах. М., 1963. Т. II.

5 Социалистическая Федеративная Республика Югославия / отв. ред. Л.А. Никифоров. М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия / отв. ред. Л.А. Никифоров. М., 1985.

6 См., например: *Гибанский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987; Кузнецовский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990; Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991; Гиренко Ю.С. Сталин-Тито. М., 1991.*

7 См., например: *Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.*

8 За последние по истории Югославии в XX в. годы вышли: *Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; Едемский А.Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; Силкин А.А. Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб., 2008.*

Часть I

Югославянские народы и государства в начале XX в.

Глава 1

Сербия

Майский переворот 1903 г. Вступление в XX ст. явилось для Сербии не только очередным шагом по лестнице времени; события начала девятисотых, сыграв роль революции, изменили всю историю страны. И, в первую очередь, Майский переворот 1903 г. А век XIX уходил в прошлое, вместе с людьми, которые столь долго его олицетворяли: Йованом Ристичем¹, митрополитом Михаилом², экс-королем Миланом Обреновичем³. Смерть последнего (29 января 1901 г. в изгнании, в Вене) особенно символична. После нее многим стало ясно, что дни династии сочтены – не случайно, что впервые мысль о заговоре против короля Александра зародилась в головах молодых сербских офицеров в конце того же года... Но почему кончина отца послужила смертным приговором его наследнику? Для ответа на этот вопрос вернемся чуть назад, в эпоху «владановщины» (1897–1900), когда сын и родитель практически вместе управляли страной, а отношения между ними являли (по крайней мере на публике) образец гармонии, чего на самом деле не было и в помине.

* * *

В октябре 1897 г. давний и верный сторонник Обреновичей Владан Джорджевич возглавил очередное внепартийное правительство. Основой идеологии «октябрьского режима» стал лозунг: «Сербия превыше всего», что на практике означало буквальное удушение политических партий и усиление личной власти монарха¹. Тогда же Милан Обренович (закулисный архитектор нового режима) окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армией. На этом посту он провел военную реформу, которую сербские историки считают успешной – связанные с ней позитивные нововведения не могли не проявиться в судьбоносные годы (1912–1918)².

Нас, однако, больше интересует другая сторона медали, а именно: место армии в государстве, на которое ее вознес командующий, и то, как он это сделал.

Вполне очевидно, что кроме чисто военной составляющей, в реформе сербской армии имелся и выраженный внутренний подтекст – Обренович IV строил из нее опору трона. А это, последнее, не могло не быть в условиях тогдашней Сербии рискованным делом. Ведь еще в 1883 г., подавив с помощью армии Тимокское восстание, т. е. втянув оную в политику, он в какой-то мере превратил династию в ее заложницу.

На рубеже веков этот «внутренний» компонент только усилился. Став во главе армии, Милан (на правах отца короля) выбивал для нее из бюджета суммы, ранее и не снившиеся военным министрам. При этом ему было абсолютно безразлично, из каких иных статей изымаются средства. Было увеличено жалование; награды и всевозможные доплаты сыпались на

---

¹ Ристич Йован (1831–1899) – премьер-министр (1873, 1878–1880 и 1887) и министр иностранных дел (1867, 1872–1873, 1875, 1876–1880 и 1887) Сербии; регент княжеского (1868–1872) и королевского (1889–1893) достоинства; многолетний лидер Либеральной партии; академик.

² Михаил (Йованович; 1826–1898) – митрополит Сербский и архиепископ Белградский (1859–1881, 1889–1898).

³ Обренович Милан (1854–1901) – князь (1868–1882) и король (1882–1889) Сербии.

офицеров, как из рога изобилия. Милан поднял значение военных в обществе, по сравнению со «штафирками», там даже, где этого делать не следовало. И, соответственно, милитаризация «октябрьского режима» только усиливалась, а армия становилась «государством в государстве». Королем этого теневого государства и был Милан Обренович. Его так и называли – «король армии»³. Увеличив прием в Военную академию, он сформировал многочисленный корпус лично ему преданной военной молодежи, для которой стал буквально «идолом». Значение же Александра Обреновича – настоящего короля, не вмешивавшегося в дела вооруженных сил, в глазах офицерства падало⁴.

При этом «тимокский синдром» (его продолжали сознательно культивировать) глубоко засел в сознании офицеров. «Мы – армия. Это организованная оборона страны от агрессии извне и гарант внутреннего порядка... И если нам, как военным, долг велит защищать отечество от внешних врагов, то почему нам не защищать его и изнутри»⁵, – говорили будущие заговорщики. А гарантия «внутреннего порядка», или защита трона Обреновичей, ассоциировались у них теперь с лояльностью *одному* «королю армии»⁶. «Мы обожали короля Милана»⁷, – признавались взводные и ротные командиры.

И как только пути отца и сына разошлись, армия, а точнее – молодое поколение офицеров, выпестованное и прирученное Обреновичем-старшим, сделало свой выбор.

Тому же, что они разошлись, в немалой степени способствовал сам экс-король и его неумные амбиции, которые совсем не ограничивались чином армейского генерала, придуманном специально для него. Еще до встречи с сыном в Париже осенью 1897 г., где и был решен вопрос о возвращении Милана, тот принялся выяснять «деликатный» вопрос – носил ли основатель династии, князь Милош, титул «верховного вождя», как в свое время Карагеоргий⁸... Поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе (да к тому же – родном отпрыске) были сродни мине, закладываемой в основание династии. Поскольку было очевидно, что король-сын тяготеет растущим влиянием и жесткой волей родителя, который «чем увереннее и сильнее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию над всем и вся»⁹.

Понятно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, собственноручно заложенная Миланом Обреновичем, «рванула» в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин – король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну. Мало того, опасаясь за свою власть в случае несанкционированного возвращения Милана (а у того было немало сторонников – не только в армии, но и в политических кругах, – которые призывали его вернуться), Александр приказал пограничной страже застрелить отца в случае попытки пересечь сербскую границу.

«События 29 мая 1903 г. невозможно отделить от личности Милана Обреновича, – констатировал прекрасный знаток той эпохи Милан Йованович-Стоимирович, – ибо заговор родился в тот момент, когда разнеслась весть, что его сын дал команду убить отца, если он силой попытается перейти границу Сербии»¹⁰. То же подтвердили и сами молодые заговорщики¹¹. Причем, пока Милан Обренович был жив, они предполагали «всего лишь» изгнать короля Александра с супругой из Сербии и вернуть отца, но после его смерти – через полгода после разрыва с сыном – судьба последнего была решена иначе. Потому-то в конце 1901 г. в белградских казармах и на конспиративных квартирах впервые и прозвучало: «Смерть королю!»⁴... Классик сербской исторической науки Слободан Йованович глубоко прав, утверждая: «Верные королю, пока любят, офицеры были готовы изрубить его в момент озлобления».

---

⁴ Один из главных заговорщиков Дамнян Попович заявил в октябре 1910 г. во время очередного «кризиса на престоле»: «Если бы король Милан остался жив, не было бы и 29 мая» *QKujoeutij*. Дневник / приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1. С. 204).

И далее – «Обреновичи не смогли превратить королевское достоинство в святыню для офицеров, перед которой они преклоняются безотносительно к тому, кто является его носителем. Они создали армию, но без подлинно воинской идеологии»¹².

* * *

Помолвка, а затем женитьба короля Александра на Драге Машин (23 июля 1900 г.) вызвали в стране подлинный шок. Взять в супруги вдову, старше на 12 лет – было по сербским патриархальным понятиям непристойно и для простого обывателя, не говоря уже о монархе¹³. Столичные жители (особенно офицеры) к тому же доподлинно знали, что у госпожи Машин – бывшей фрейлины королевы Натальи – отнюдь не безупречное прошлое. Потому, как зафиксировал в дневнике Милан Миличевич, «протестовали все, даже те, кто еще вчера равнодушно смотрел на изгнание граждан из страны»¹⁴. Министры подали в отставку, а экс-король написал из Вены сыну: «Наша династия пережила много ударов, но твое решение стало бы для нее роковым... И ежели оно неизменно, то мне остается лишь молиться Богу за мое отечество. Тому правительству, которое бы тебя, из-за столь легкомысленного шага, выгнало из Сербии, я первый бы рукоплескал»¹⁵.

Александр отдавал себе отчет в непопулярности своей женитьбы, но он полагал возможным вернуть авторитет короне посредством изменения политического курса. В стране назревали перемены.

И уже при так называемом свадебном министерстве Алексы Йовановича был ограничен полицейский террор, а по случаю дня рождения королевы Драги объявлена амнистия радикалам, осужденным по делу об Иванданском атентате 1899 г. Но самым важным поворотом в политике Александра стало сближение с Россией. Тем более, что главный проводник австрийского влияния в Сербии – Милан Обренович – находился за границей, и по признанию монарха (в передаче российского поверенного в делах П.Б. Мансурова), «о возвращении его в Сербию и о восстановлении политического влияния не может быть и речи»¹⁶. Что, заметим, давно было главным условием Петербурга для «реанимации» нормальных отношений с Белградом. Мало того, страшась возможного противодействия отца, король обратился за помощью в Департамент полиции – русские тайные агенты, сняв в Вене квартиру напротив апартаментов Милана по Johannes gasse, следили за всеми его передвижениями.

Поведав Мансурову о решении вступить в брак с Драгой еще до официального о том объявления, и полагая, что ему «придется преодолеть некоторые неблагоприятные впечатления», король обратился «для полного удовлетворения народа» к императору с просьбой сохранить по отношению к нему «преемственное право крестного отца»¹⁷. В ответ он и обещал дать своей политике новое направление: «Сохранение для нее опоры в охранительных элементах, но уничтожение при этом гнета и произвола во внутренней политике и устранение всего, что мешало бы сближению с Россией, – во внешней»¹⁸. В Петербурге снисходительно отнеслись к просьбе крестника отца императора, и 16 июля в Белград ушла телеграмма министра иностранных дел, графа В.Н. Ламздорфа – «Государю императору благоугодно было Всемиловнейше выразить согласие на принятие, в качестве Августейшего кума, участия в бракосочетании короля Александра»¹⁹. Король был счастлив: на свадьбе Николая II представлял Мансуров. Народ же сербский увидел в том знак покровительства России. По оценке Н.В. Чарыкова, занявшего весной 1901 г. пост российского посланника в Сербии, это «было время расцвета вновь возрожденной русско-сербской дружбы»²⁰... Но медовый месяц длился, увы, недолго. Хотя сербский монарх и держал свое слово²¹.

В марте 1901 г. правительство А. Йовановича ушло в отставку – вместо него был сформирован объединенный радикально-напредняцкий кабинет во главе с умеренным радикалом Мишей Вуичем. Известно, что с конца XIX в. Радикальная партия являлась искренним союзником России, и такое возвышение Вуича было гарантией русского влияния в Сербии... Правда, король не упустил и своего интереса. Обусловив приход к власти радикалов и дарование новой конституции их альянсом («фузией»⁵) с преданными династии напредняками, ему удалось посеять смуту в рядах Радикальной партии, из которой выделилась группа младорадикалов, составившая основу будущей Независимой радикальной партии.

В апреле того же года король октроировал так называемый «Апрельский Устав», в котором впервые в сербской политической практике вводилась двухпалатная система – Скупщина и Сенат, что явилось воплощением давнишней идеи Напредняцкой партии, желавшей с помощью верхней палаты защитить страну от «тирании ассамблей». И уже летом состоялись выборы в обе палаты, абсолютное большинство в которых получили старорадикалы – сторонники «фузии». Об оживлении политического процесса в Сербии свидетельствует и тот факт, что осенью 1901 – весной 1902 г. было принято или заново отредактировано немало законов, в том числе – о выборах, собраниях и общественных организациях, общинах, устройстве армии, Государственном Совете, средних школах, государственных монополиях, лесах, железной дороге...

Развитие страны, как видим, возвращалось в регулярное конституционное русло, что и было обещано Петербургу. У короля возникла идея совместного с Драгой визита в Россию. Прием их русской императорской четой придавал бы «сомнительной» сербской королеве исконную легитимность. Со времени свадьбы, Александр Обренович не переставал мечтать о вожденной поездке в Россию – тем более, что и русский двор поначалу был настроен весьма благосклонно.

Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. В конце лета 1900 г. было объявлено, что королева Драга беременна, – хотя многие сведущие люди знали, что это в принципе невозможно. Впавший в эйфорию монарх трепетал в ожидании наследника или наследницы престола, а подданные заваливали дворец дарами – один из его покоев был буквально забит колыбелями, которых будущей матери нанесли целых 43 штуки. Но время шло, а дитяти все не было. Наконец, иностранные доктора осмотрели Драгу, и в апреле 1901 г. вынесли вердикт: «Рождения ребенка нельзя ожидать». Беременность была признана «ложной»²²... Вспыхнул грандиозный скандал, а русский двор, с самого начала относившийся к «положению» Драги с подозрением (с подачи королевы-матери Натальи Обренович), стал откладывать уже согласованный было визит в империю.

Повторим – своей поездке в Россию король придавал огромное, если не сказать, решающее, значение. И «странные» заминки с определением ее сроков, допускаемые российскими властями, расстраивали его не на шутку. В состоянии, близком к срыву, и не надеясь больше на дипломатов, Александр Обренович пошел на прямое нарушение всяческого этикета, попросив в октябре 1901 г. отправиться в Петербург «на разведку» самого начальника русской секретной агентуры на Балканах полковника А.И. Будзиловича, которого хорошо знал со времен организации слежки за экс-королем Миланом в Вене и охраны собственного семейства в Белграде. При этом посланец короля был снабжен специальным письмом от русской Миссии²³.

Однако, это откровенное (хотя отчасти и извиняемое отчаянием) игнорирование принятого порядка ведения дел привело к прямо противоположному результату. По сообщению сербского посланника в Петербурге Стояна Новаковича, «граф Ламздорф не пожелал и гово-

---

⁵ Фузија (сербск.) – союз, альянс, объединение.

ритель с прибывшим о главном предмете его вояжа», назвав сам факт вмешательства полицейского чина в сферу высшей дипломатии «impardonnable»²⁴...

Прямого отказа сербской королевской чете на поездку в Россию и на сей раз не последовало – ее продолжали держать в неведении по прежней формуле: «посещение императорского двора в принципе решено, оно состоится в удобное для того время»²⁵. 13 июня 1902 г. граф Ламздорф послал в Белград телеграмму о том, что Александр с супругой будут приняты осенью в Ливадии²⁶. Казалось, все препятствия преодолены – так, по крайней мере, считали русские дипломаты; в то же самое уверовал и король. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучала весть о болезни императрицы Александры Федоровны, следствием чего стала отмена уже намеченного визита²⁷. А 1 октября Ламздорф в телеграмме новому посланнику в Сербии Н.В. Чарыкову привел подлинные слова государя: «О поездке четы вообще больше не может быть речи. Одного короля мы когда-нибудь примем»²⁸.

В высказывании Николая II обращает на себя внимание неприкрытая неприязнь к королеве Драге. Что и почему изменилось в его отношении к ней за два с небольшим года? Ведь в июле 1900-го (не будучи, конечно, «русской фавориткой» в буквальном смысле, как ее подчас именуют сербские авторы²⁹) она представляла известный интерес для русской политики. Не зря оценка дипломатов, что «принятое королем Александром решение сочетаться браком с православной сербской уроженкой не лишено некоторых политических преимуществ», обрела тогда высочайшее одобрение³⁰.

Уже упоминалось, что случай с ложной беременностью королевы нанес сильный удар по ее престижу – с одной стороны, открылась возможность (пусть даже не прямой умысел, а всего лишь возможность) аферы, никогда и никем в сообществе европейских монархов не прощаемой. С другой же – подтвердились слухи о бесплодии Драги, что жестко поставило вопрос о престолонаследии. А в сентябре 1902 г., в прямой связи с последним, пошли слухи о намерении короля провозгласить наследником престола ее брата – никчемного Никодия Луневицу. Вряд ли они соответствовали реальным планам Александра, но резко отрицательный настрой в обществе в отношении монаршей четы, несомненно, усилили. Российская миссия подробно извещала о том Петербург, подчеркивая, что «семья королевы Драги в Сербии крайне непопулярна, особенно мужские члены ее»³¹.

Ко всему прочему добавились интриги. При дворе Романовых имелось мощное анти-сербское лобби в лице пресловутых «черногорок», дочерей Николы Черногорского – Анастасии и Милицы. Постоянно интригуя, они чернили Драгу, добиваясь результата, – не случайно первой охладела к идее ее приема именно императрица³². С.Ю. Витте прямо говорил об этом: «Когда государь был в Ялте, король Александр, по-видимому, хотел приехать к нему с женой с визитом, но визит был отклонен, что произошло не без интриг черногорок». И далее о них же: «Замечательно, что когда король Александр женился на бывшей фрейлине своей матери, сделав, таким образом, *mesalliance*, то черногорка № 2 (Анастасия Николаевна. – А.Ш.) говорила, что король дурно кончит»³³.

Под влиянием Александры Федоровны (ее мнимая «болезнь» была плохо скрытым демаршем) и Николай II склонился к отказу от приема сербской четы. Тем более, что политическая заинтересованность Петербурга в Драге, которая, повторимся, в какой-то мере ощущалась в момент свадьбы, уже отсутствовала – экс-король Милан (этот, по выражению Александра III, «подлец», «мерзавец» и «скот»³⁴, гарантом невозвращения коего в Сербию и являлась новоиспеченная королева⁶), почив в Бозе, более не беспокоил.

⁶ «Личное мое впечатление, – доносил П.Б. Мансуров в Петербург сразу же после свадьбы монарха, – то, что король Александр доволен освободиться от присутствия своего отца... В этом, несомненно, поддерживает его пока королева, а в

Несмотря на это, подчеркнем особо, – неожиданный для многих (после многомесячных-то обещаний) отказ сербам во встрече менее всего напоминал продуманную дипломатическую комбинацию; то был скорее спонтанный шаг императора, продиктованный женским капризом. Но именно он и стал роковым для династии Обреновичей...

С одной стороны, отмена визита привела к правительственному кризису – кабинет Вуича подал в отставку, мотивируя свое решение тем, что «царь не благоволит к сербскому режиму». С другой – обрушила почти до нуля авторитет Александра и Драги в народе, во многом державшийся как раз на представлении о русском покровительстве. И с третьей (все по той же причине) – окончательно развязала руки заговорщикам.

После отставки Вуича к власти пришло правительство радикала Перы Велимировича, министра общественных работ в прежнем кабинете. Король делал вид, что радикально-напредничкая «фузия» и ее программа по-прежнему пользуются его доверием. Но всем было ясно: П. Велимирович – это временная фигура. Не прошло и месяца, как Александр (20 ноября 1902 г.) назначил на пост нового премьера генерала Димитрие Цинцар-Марковича. Он возглавил «нейтральный» кабинет, что означало возвращение монарха к личному правлению. Российский посланник Н.В. Чарыков во время аудиенции во дворце открыто заявил ему – переход к реакции может иметь для династии губительные последствия³⁵. И как в воду глядел...

7 декабря в белградском официозе была опубликована программа нового правительства (читай – личного режима). С точки зрения внутренней политики она предполагала коренную ревизию Основного закона и роспуск Сената, что в действительности означало желание короля отменить Устав 1901 г. и вернуть в силу конституцию 1869 г. Не менее показательны и новации в сфере внешней политики. По привычке твердя о развитии «братских связей с Россией», авторы программы главный акцент сделали все же на «важности соседских интересов», которые связывают Сербию с Австро-Венгрией, почему отношения между ними и «должны укрепляться». Поворот был налицо... Вот только внутренних сил для его поддержки не осталось. Да и внешние отнюдь не спешили жать протянутую Белградом руку. Вена, в частности, была по горло сыта внешнеполитическими кульбитами сербского монарха, чтобы снова ему поверить и взять под крыло. Она промолчала, словно ожидая чего-то³⁶.

* * *

Тем временем, заговор против королевской четы продолжал разрастаться. Его «молодые» инициаторы, предводимые капитаном Драгутином Димитриевичем-Аписом, вошли в контакт с отставными старшими офицерами: полковником Александром Машиным (брат первого мужа королевы Драги) и генералом Йованом Атанацковичем, а также с политиками, действиями коих руководил бывший министр внутренних дел и горячий сторонник экс-короля Милана Джордже Генчич. Была установлена связь и с проживавшими в Швейцарии Карагеоргиевичами.

отношениях к последней короля заключается ключ настоящего положения» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 489 (1900 г.). Л. 64 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 1/14 августа 1900 г.)). И далее, две недели спустя, он же: «В твердости по отношению к отцу поддерживает короля, несомненно, и королева, которая заявила мне, что отказалась принять лиц, искавших обратиться к ней с ходатайством о ее посредстве к примирению короля с его отцом» (Там же. Д. 2861 (1900 г.). Л. 85 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 15/28 августа 1900 г.)).

⁷ Показательно, что после неудачи с Петербургом король Александр намеревался нанести визит в Вену – вместе с королевой Драгой, естественно. Однако император Франц-Иосиф уклонился от прямого ответа, и вопрос сей так и «не продвинулся» вплоть до Майского переворота (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. 1 (1903 г.). Л. 166 (Н.В. Чарыков – В.Н. Ламздорфу. Белград, 11 марта 1903 г.)).

Несколько раз в течение года заговорщики планировали покушение на монарха, но все их планы неизменно срывались – предчувствуя опасность, Александр Обренович отменил свое участие в любых публичных торжествах.

А ситуация в стране накалялась – в конце марта 1903 г. в Белграде состоялась массовая демонстрация ремесленной молодежи, переросшая в антиправительственную акцию. Причем и повод-то для нее вряд ли мог считаться серьезным – молодые люди протестовали против требований полиции клеить на их легитимации фотографические карточки. Но именно она как бы сублимировала то напряжение, в каком жила Сербия в начале девятисотых... Демонстрация напугала монарха – нервы не выдержали, и он дал команду стрелять. Пролилась кровь. А затем, в течение ночи, произвел два переворота. Первым – отменил на час конституцию, распустив скупщину, Сенат и дезавуировав ряд законов; другим – вернул ее в силу. У бельгийского посланника, пославшего отчет об этом в Брюссель, министр запросил: «В своем ли он уме?»³⁷.

То была агония... И ставка на открытую диктатуру. Начинался бег на скорость – король готовил введение осадного положения и проскрипционные списки, а столичные заговорщики вызывали из провинциальных гарнизонов своих поделльников. Обстановка достигла точки кипения. Вечером 29 мая Цинцар-Маркович подал в отставку, сохранив свое честное имя, а спустя несколько часов был разыгран финальный акт затянувшейся драмы.

Итак, в 1 ч. 15 мин. ночи отряд офицеров-заговорщиков – числом 28 человек, ведомый Драгутином Димитриевичем, двинулся быстрым шагом из Офицерского дома по направлению ко дворцу. Примерно в 2 ч., разоружив охрану и взорвав двери, они вломились в королевские покои, где после долгих поисков обнаружили монаршую чету. Изрешетив Александра и Драгу пулями, пьяные офицеры сбросили их тела из окна во двор. Параллельно с этим две группы отправились выполнять другую задачу – ликвидировать премьера Д. Цинцар-Марковича, военного министра генерала Милована Павловича, министра внутренних дел Велимира Тодоровича. Около 2 ч. ночи (одновременно с нападением на дворец) резня началась. Премьер и военный министр были убиты, а министр полиции тяжело ранен. Кроме них жертвами кровавой ночи стали братья королевы – Никола и Никодие Луневицы...

Заметим, что несмотря на кажущуюся «прозрачность» путча, ряд его важных деталей интерпретирован исследователями неверно, чему подтверждением служат хотя бы слова последнего живого заговорщика (в роковом мае 1903 г. – безусого подпоручика) Боривое Йовановича, сказанные им более полувека спустя: «О том, что произошло 29 мая, писалось очень произвольно и неполно. Подлинная история еще не написана. И у Драгиши Васича⁸ немало неточностей»³⁸. Мы не будем уточнять здесь все нюансы заговора, оказавшиеся вне исследовательского интереса, – сам жанр работы не позволяет слишком углубляться в отдельные сюжеты. Однако об одном мифе (из тех многих, что густым шлейфом тянутся за всяким атентатом) нельзя не сказать. Речь идет о распространенной в сербской публицистике и мемуарах, а иногда проскальзывающей даже в серьезных научных трудах, версии о причастности России и ее представителей к организации переворота⁹.

⁸ Работа Драгиши Васича «Девятьсот третий год» (*Vasich D. Devetsto trejta*. Београд, 1925) – это единственная по сей день и самая полная монография, посвященная непосредственно перевороту.

⁹ Так, сестра убиенной королевы Драги Обренович, Анна Миличевич-Лулевица, всерьез полагала, что «Чарыков организовал даже некий „русский клуб“, где под видом изучения русского языка сербские офицеры осваивали историю заговоров». И в итоге – русским «удалось найти восемь десятков подонков, которые согласились лишиться жизни короля, королеву и двух ее братьев» (*Миличевич-Лулевица А. Моја сестра краљица Драга*. Београд, 1995. С. 132–133). И супруга погибшего премьера (Д. Цинцар-Марковича) Мария тоже «ощущала» участие в трагедии «руки Петербурга». По ее утверждению, Н.В. Чарыков желал «использовать движение офицеров в интересах России» и предполагал «оказать моральную поддержку готовящейся перемене династий и свержению Обреновичей» (*Цинцар-Маркович. М. Пред 29. Мај 1903. // Политика. 1926 г. 29. октобар. Бр. 6646*)... Что говорить, если такой авторитетный исследователь, как В. Казимирович, даже и не сомневался, что «Чарыков был повязан с некоторыми заговорщиками и знал, что они замышляют» (*Казимирович В. Црна рука. Крагујевац, 1997. С. 68*).

Материалы российских архивов *ничем* не подтверждают данную версию – весть о путче, несмотря на все кружившие по Белграду слухи, о которых в Петербурге были наслышаны, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Действительно – не странно ли, что донесения посланника, военного агента и шефа балканской тайной агентуры в свои столичные канцелярии различались по ряду важных деталей³⁹. Сам император Николай II назвал случившееся «неслыханной мерзостью»⁴⁰. И присовокупил – «Удивительно, как внезапно совершился этот переворот»⁴¹¹⁰. Добавим и то, что еще 25 мая агент русской тайной полиции Александр Вейсман, приехав из Софии в Белград, предупредил своего тезку Обреновича о готовящемся комплоте⁴².

Насчет отношения к сербской чете высших кругов России и *действительной* для них «внезапности» случившегося, весьма наглядна запись в дневнике А.Н. Куропаткина о его беседе с графом Ламздорфом после возвращения того из балканского турне (зима 1902 г.) – внимания на него в историографии обращено почему-то незаслуженно мало. Так вот, повествуя о вынесенных им о Сербии впечатлениях, министр заметил: «Король неглуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален... Драга – немолодая, полная, но все же красивая женщина. Умна. Держится России. Ее желательно приласкать». И далее, в изложении Куропаткина: «Ламздорф полагает, что какой-либо знак внимания сербскому королю, например, назначение его шефом одного из русских полков к 29 декабря¹¹, очень бы обрадовало короля и помогло сближению с нами. Говорил о том вчера с государем. Его Величество выразил мнение, что не лучше ли это сделать на 6 мая¹²»⁴³.

Вполне очевидно, что и сам визит Ламздорфа в Сербию (наряду со всеми иными резонансами), и столь «благоприятные» предположения, касательно ее короля и королевы, были попыткой изгладить то неприятное ощущение, что осталось у них после отказа в высочайшей аудиенции. Какое уж тут планированное убийство? Но, увы, не успели.

Вся надуманность тезиса о «руке Петербурга» особенно наглядно проявляется в бытовых мелочах. Российский военный агент, полковник Генштаба И.Н. Сысоев – сосед генерала Милована Павловича по лестничной клетке¹³ – проснулся в роковую ночь, по его собственным словам, «от сильнейшего шума»: это отряд заговорщиков прибыл для ликвидации министра⁴⁴... Вдумаемся, разве мог *военный человек* (предположим хоть на секунду, что он был в курсе готовящихся событий) «дождаться» их, мирно почивая в собственной постели? Вряд ли такое вообще можно представить.

И в данной связи понаблюдаем за поведением австро-венгерского посланника в Белграде, барона Константина Думбы, – а о возможном и, естественно, тайном участии Вены в событиях той ночи говорилось немало. О чем свидетельствует и статья видного научного авторитета⁴⁵. Так вот, через *десять минут* после убийства королевской четы, по признанию самого дипломата, он уже был в курсе дела. Часа не прошло, и мы видим Думбу, беседующего в дворцовом

Как и его старший современник – Т. Кацлерович: «Царский посланник Чарыков был ознакомлен с планом заговорщиков. 29 мая он наблюдал из окна русской миссии за происходящим в королевском дворце, ожидая, что офицерский путч ликвидирует Александра по типу былых переворотов при русском дворе» (*Кацлеровић Т.* Мартовске демонстрације и мајски преврат. Београд, 1950. С. 66). И академик М. Экмечич в своем новейшем труде указывает: «Есть вероятность, что следы убийства ведут в Петербург, но они не единственные, о которых можно говорить с уверенностью» (*Екмечич М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 320).

¹⁰ Ср. с традиционно сербским взглядом: «Россию, между прочим, события 29 мая не удивили. Она и так имела их в виду» (*Драшковић М.* Преторшанске тежње у Србици. Београд, 2006. С. 35).

¹¹ 29 декабря 1902 г. – двадцатипятилетие освобождения Ниша сербскими войсками в ходе Сербско-турецкой войны 1877–1878 гг. В связи с данным юбилеем русский император послал королю Александру свои поздравления (*Војводић М.* Петроградске године Стојана Новаковића. Београд, 2009. С. 60).

¹² 6 мая – день рождения Николая II.

¹³ В сербской литературе встречается утверждение, будто бы соседом М. Павловича был «русский посланник Чарыков», *естественно*, «хорошо осведомленный о том, что готовилось Александру и Драге» (*Тушина З.* Таше Београда. Београд, 2002. С. 229).

парке с главным стратегом переворота полковником Машиним. Получив необходимые гарантии и связавшись с австрийскими консулами в провинции, посланник успокоился⁴⁶...

Политическое развитие Сербии в 1903–1914 гг. Особенности сербского парламентаризма. Военный переворот 29 мая 1903 г. открыл новую страницу в истории страны. С «самодержавием» (самодурством) и австрофильством последних Обреновичей было покончено. Начиналась эпоха «конституционности и национальной внешней политики» Карагеоргиевичей. Кроме того (что, наверное, самое важное), кроваво, но завершилась-таки вековая распря двух «народных» династий – сербская версия войны Алой и Белой розы, – которая, по выражению одного из лидеров Радикальной партии Стояна Протича, «отбросила Сербию на пятьдесят лет назад и затруднила консолидацию народных сил для нормального развития страны»⁴⁷.

И, действительно, вступив первой на Балканах на путь освобождения, Сербия забуксовала, теряя историческое время. Внутренняя борьба (подстегиваемая этим соперничеством, почему и окрашенная нередко в династические тона) обескровливала страну, которую просто рвали на части... И какая же сверхзадача, – спрашивается, – при этом была решена; как использовала сербская элита данный ей шанс конвертировать преимущество темпа в качество? Да почти никак, и... «народные силы» уходили в гудок внутренних склок вместо действенной работы по «нормальному развитию страны». Не зря один из умнейших людей независимой Сербии, экс-премьер Милан Пирочанац заметил летом 1886 г.: «Династия Обреновичей правит почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, которые должны были быть решены еще прошлыми поколениями»⁴⁸.

Попробуем теперь проследить развитие *новой* страны – в условиях отсутствия роковой династической распри, когда, наконец, появилась долгожданная возможность для «консолидации народных сил».

* * *

В национальной науке этот относительно краткий период истории королевства (1903–1914) весьма часто трактуется как «золотой век сербского парламентаризма»⁴⁹. А кое-кто из авторов, уточняя данное понятие, считает, что в начале XX в. сербы вообще «создали современную (modern) систему парламентской демократии»; сама же страна в плане политическом «вплотную приблизилась к европейским образцам»⁵⁰¹⁴. На первый взгляд, так оно и было – постоянно действовала демократическая конституция 1903 г., в рамках которой функционировала парламентская система, а Петр Карагеоргиевич, в отличие от последних Обреновичей, не вмешивался в политическую борьбу. Однако появился новый, и весьма значимый, антиконституционный фактор. Это – посадившие его на трон заговорщики, сильно повлиявшие на ход политического процесса.

Система партий также претерпела серьезные изменения. В 1904 г. окончательно оформился раскол в среде сербских радикалов: его первые симптомы проявились еще в 1901 г. Независимая радикальная партия (младорадикалы) стала на ноги, сформировав год спустя свой первый кабинет. Либеральная партия трансформировалась в Народную. В 1906 г. была реанимирована Напредняцкая партия¹⁵. Кроме того, на сцену вышли две «классовые» организации – Социал-демократическая партия и Крестьянское согласие.

---

¹⁴ В «Новой истории сербского народа» всерьез утверждается, будто после принятия конституции 1903 г. в Сербии был «почти воплощен идеал британской демократии – двухпартийная система» (Нова историја Српског народа. Београд; Лозана, 2000. С. 188).

¹⁵ В 1896 г. Напредняцкая партия была распущена своим руководством.

Все эти трансформации внесли определенную динамику в политическую жизнь страны, однако по ряду базовых позиций ситуация оставалась прежней. Какой же? Для объяснения опять вернемся в последние десятилетия XIX в. Это нам, кстати, поможет и при ответе еще на один важнейший вопрос: превратилась ли Сербия кануна Первой мировой войны в «современное европейское государство», каким ее опять-таки видят многие сербские историки⁵¹, и что логично вытекает из тезиса (или точнее – из мифа) о «золотом веке»?.. Или правы очевидцы-иностранцы, писавшие на основании увиденного, что «парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер»⁵², поскольку «процесс усвоения европейской культуры и политических идей не мог пройти в ней безболезненно. Здесь оказалось много наносного, поверхностного, часто люди гнались за ложным блеском, увлекались самообольщением»⁵³¹⁶.

Впрочем, то было едино для всех Балкан: «На странах Ближнего Востока можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы и идеи, а иногда только имена заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи... Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов»⁵⁴. И, соответственно, на каждом шагу – лишь «внешний лак цивилизации»⁵⁵, под коим живут «старые обычаи, корни которых теряются в глубоком прошлом»⁵⁶.

Кто же, в самом деле, прав? Попытаемся разобраться...

* * *

Известно, что спустя всего два с небольшим года после Берлинского конгресса, даровавшего Сербии независимость, в стране появились первые политические партии – Народная радикальная, Напредняцкая (от *сербск.* напредак – прогресс) и Либеральная. 1881-й год так и назвали «годом партий»⁵⁷. Сам факт появления «современных» партий в Сербии – причем вслед за их возникновением на Западе¹⁷ – трактуется рядом авторов, как важный шаг на пути модернизации (европеизации) страны⁵⁸.

Линии водораздела между сербскими партиями проходили по возрастному и идеологическому принципам, которые в значительной мере переплетались⁵⁹. В момент конституирования партий либералы в среднем достигли 50-летнего возраста, напреднякам в среднем было по 41, а радикалам – по 31,5 году⁶⁰. Соответственно и идеологические предпочтения их вождей тесно соотносились с теми доктринами, что доминировали в странах, где они обучались в свое время. Либералы, учившиеся в 1850-е годы в Берлине, Гейдельберге, Мюнхене, были связаны с консерватизмом Средней Европы и национальными движениями в Италии и Германии. Отсюда их национализм и использование в своей конституционной практике государственно-правовой традиции германских монархий (в первую очередь Пруссии) – конституционных, но не парламентских, где рядом с народным представительством функционировала никак ему не подотчетная и авторитарная исполнительная власть⁶¹. Пик политического влия-

---

¹⁶ Современник-серб писал в 1910 г. схоже: «Патриархальная среда должна была за краткое время пережить и переварить то, что формировалось на Западе веками. Она этого не могла. Все это и привело к тому, что мы сейчас, несмотря на все громкие заявления, не являемся европейским государством по сути, но только внешне» (Цит. по: Стојановић Д. Србија и демократка. 1903–1914. Београд, 2003. С. 378).

¹⁷ Первой партией – постоянной избирательной организацией, поставившей себе целью бороться за дело большинства под знаменем определенной идеологии, – стал Либеральный комитет в Бирмингеме во главе с Дж. Чемберленом, вокруг которого в 1877 г. (всего за четыре года до рождения сербских партий) сложилась Национальная либеральная ассоциация (См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия// Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 678–679; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 96–98; Стојановић Д. Србија и демократка... С. 247).

ния либералов пришелся на 1869–1880 гг. В этот период они почти непрерывно управляли Сербией. Их главным историческим достижением стало обретение страной независимости.

Напредняки – эти «сливки» сербской интеллигенции, – получавшие образование в основном во Франции, находились под влиянием идей классического, прежде всего – французского, либерализма⁶². Более всего на свете они желали, по словам одного из их лидеров Стояна Новаковича, «сделать из сербского народа европейский народ, а саму Сербию превратить в европейское государство»⁶³. Призванное в октябре 1880 г. князем Миланом Обреновичем к власти напредняцкое правительство с Миланом Пирочанацем во главе и сделало ставку на прямое *заимствование* (а не *приспособление*, как то было у либералов Ристича), т. е. «пересадку» результатов западного опыта в местную почву⁶⁴ – причем без учета ее адаптивных способностей, что означало коренную ломку традиций собственного народа. По свидетельствам очевидцев, напредняки собирались «насадить в Сербии европейскую культуру»⁶⁵ и при этом «насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»⁶⁶.

Их правление продолжалась в Сербии до 1887 г., сопровождаясь перманентным внутренним кризисом, кульминацией которого стало знаменитое Тимокское восстание (ноябрь 1883 г.) – политика «шоковой терапии», по выражению современного автора⁶⁷, привела страну на грань гражданской войны. В основе конфликта, в который оказались втянутыми как монарх, так и широкие народные массы, лежало отношение к Европе и современной европейской цивилизации⁶⁸.

Мощное сопротивление модернизационным акциям сербских ультралибералов оказали радикалы. Они были младше напредняков на десятилетие и формировали свои взгляды уже в условиях критики либерализма в Европе, вплотную соприкоснувшись с учением русских народников, с которым познакомились в Швейцарии на рубеже 60-70-х годов XIX в.⁶⁹ В ответ на вызов властей радикалы во главе с Николой Пашичем провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, отождествив ее с только что обретенной свободой. Их концепция прогрессивного развития Сербии базировалась на твердом убеждении в необходимости сохранения всех важнейших институтов и норм *традиционного* уклада жизни (каковые объявлялись ценностями для сербского народа непреходящими) и соответственно на стойком неприятии пути Европы и ее образцов⁷⁰. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, – писал в конце 1880-х годов вождь радикалов, – но, идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁷¹.

«Очередь» Радикальной партии управлять Сербией (не считая краткого периода пребывания у власти в 1889–1892 гг.) пришла после физического уничтожения династии Обреновичей в 1903 г.

Второе важное различие между партиями в Сербии состояло в неоднородности их социальной основы. В то время как либералы и напредняки объединяли городскую интеллигенцию, государственных чиновников центрального и окружного уровня, часть высшего церковного клира, а также крупнейших торговцев и богатых сельских хозяев; радикалы заручились поддержкой львиной доли крестьян, мелких чиновников, низшего духовенства, сельских учителей и врачей.

Отсюда проистекала и явно неравномерная численность партий, равно как и специфика их организации. Напредняки и либералы являлись крайне малочисленными партиями – наподобие политических клубов, которые, бывало, даже распускались (как это произошло с напредняками в 1896 г.), чтобы затем реанимироваться вновь. Они не имели серьезных организационных структур, апеллируя к личным качествам и былым заслугам своих предводителей. Если воспользоваться типологией М. Дюверже⁷², то они напоминали европейские *кадровые* партии.

В отличие от них сербские радикалы являлись типичной *массовой* партией. Ее организация, которую еще до формального основания апробировал Пашич⁷³, опиралась на жесткую иерархическую вертикаль: от первичных партячеек в каждой общине, через систему срезских (уездных) и окружных отделений, до Центрального комитета – как вершины всей пирамиды. Демократические отношения между различными уровнями такой пирамиды быстро заменились отношениями субординации – в условиях строгой, почти военной, дисциплины⁷⁴. Во главе же ее находился непререкаемый лидер – вождь, кем однажды и навсегда (почти на полвека) стал Никола Пашич...

Следует подчеркнуть, что несмотря на внешне схожие условия формирования с европейскими аналогами (и здесь, и там – прямая связь с регулярным созывом высшего представительного органа), сербские политические партии серьезно отличались от них в ряде *сущностных* элементов. От чего это зависело и к чему приводило?

Во-первых, от принципиальной разницы характера обществ в развитых странах Европы, с одной стороны, и в патриархальной Сербии, с другой. Высочайшая степень социальной гомогенности сербского народа – более 87 % крестьян примерно равного имущественного состояния при фактическом отсутствии буржуазии и аристократии – давала мало простора для деятельности партий в европейском их понимании, которые по дефиниции должны были представлять интересы отдельных социальных групп или классов. «Политические партии, – подчеркивает в данной связи А.Н. Медушевский, – стали новой реальностью конца XIX – начала XX в., отразив выход на историческую арену широких народных масс, их неоднородность, рост социальных противоречий, раскол общества на слои с различными, а то и противоположными интересами, которые нуждались в особом представительстве»⁷⁵.

В Сербии «раскол общества на слои» еще не произошел, и, следовательно, почва для становления *классической* многопартийности была зыбкой. Радикалы действительно вывели «на историческую арену» крестьянство, но практически все оно, по причине нерасщепленности внутрикорпоративных интересов, оказалось под их знаменами. «Та быстрота, – отмечает Л. Перович, – с какой они покрыли всю страну сетью своих партийных комитетов, равно как и немногочисленность двух других сербских партий – Либеральной и Напредняцкой, – показывает, что гражданское общество в Сербии 80-х годов XIX в. находилось еще в зачаточном состоянии»⁷⁶.

Политическим следствием данного положения стало то, что при запуске парламентского механизма столь высокая социальная однородность общества не могла не трансформироваться в монополию «народной партии», или радикалов, выражавших интересы подавляющего большинства населения. После принятия конституции 1888 г. все так и произошло. Несмотря на провозглашенный парламентский режим, в Сербии в 1889–1892 гг. сложилось по сути однопартийное «радикальное царство», по выражению современника⁷⁷, – типичный пример *партийного государства*, когда Корона и другие политические организации низводились до положения маргинальных придатков новой «абсолютной» власти⁷⁸.

Именно к такому типу «парламентаризма», заметим к слову, – т. е. к тотальной, вечной и *ничем* (даже законом) не ограниченной гегемонии победившего большинства¹⁸ – соратники Н. Пашича всегда и стремились⁷⁹... Таким образом, и здесь мы солидарны с О. Попович-Обрадович, «в начальный период парламентского правления в Сербии фактически сложилась система политического монизма»⁸⁰.

---

¹⁸ Известный либеральный деятель Алимпие Васильевич, говоря об особенностях режима начала девяностых, точно подметил, что «радикальный кабинет предпочел силу (большинства – А.Ш.) свободе» (*Vasuljevich* А. Моје успомене / приред. Р. Љушић. Београд, 1990. С. 155).

И во-вторых, если согласиться с понятием парламентаризма, как неотъемлемого элемента либеральной доктрины, состоящего в признании обществом необходимости «публичной дискуссии», то в Сербии, как мы уже видели, для нее не существовало ни социальных оснований в виде отдельных общественных групп – возможных субъектов такой дискуссии, ни желания победившей партии идти хоть на какой-то компромисс с оппонентом. Отношение сербских партий (причем всех, без исключения) «к другому» в корне разнилось от того же в Европе и было связано с особенностями политической культуры.

Все дело в том, что немногочисленная сербская элита воспринимала свою роль как «миссию», и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим грешили радикалы, всерьез отождествлявшие себя со *всем* сербским народом) полагала одну лишь себя спасительницей Сербии¹⁹, относясь «к другим» не как к оппонентам, но как к непримиримым врагам. Соответственно, и политику эта партия понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную борьбу с теми, кто не разделяет ее позицию⁸¹. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей партийная борьба и приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало.

П.А. Кулаковский с полным правом писал И.С. Аксакову в начале 1880-х годов: «Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»⁸². Не он один констатировал сей факт. Сербский судейский чиновник Никола Крстич также зафиксировал в своем дневнике: «Да, у нас есть политические партии, но они готовы перерезать друг друга»⁸³. А Владан Джорджевич – экс-лидер «октябрьского режима» – с горечью вспоминал: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших друг с другом в кровавый клинч нескольких партий, каждая из которых претендовала на то, что именно она – хранитель сербского патриотизма»⁸⁴.

Все точно. К примеру, политический «террор большинства», царивший в период правления радикалов в начале 1890-х годов, сменился после их отставки не менее жестким курсом меньшинства. Не имея поддержки в народе, либеральное правительство Йована Авакумовича предприняло самые зверские меры, вплоть до расстрела неугодных, дабы вытеснить своих противников из локальных органов власти накануне «парламентских» выборов 1892 г., каковые проводились под жесточайшим прессом полиции⁸⁵.

Такие взаимоотношения «верхов» органично дополнялось действиями «снизу» – смена партийных режимов часто сопровождалась уже не политическим, а физическим террором. Так, в 1887 г., после прихода к власти либерально-радикального блока, имел место буквальный линч напредняков – «народный вздох», – когда по всей Сербии прокатились погромы, и было убито 150 человек⁸⁶. И в мае 1889 г., уже в Белграде, продолжилось «линчевание» тех же напредняков прорадикально настроенной толпой. Причем инцидент этот был благосклонно воспринят, если не санкционирован, Костой Таушановичем, новым министром внутренних

---

¹⁹ Один из вождей радикалов, Пера Тодорович вспоминал впоследствии, как в начале бурных 1880-х годов в партийной среде складывалось «убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и ее счастье. Мы – это те, кого историческое провидение выбрало, чтобы принести ей возрождение» (См.: *Тодоровић П. Ближи односи с краљем Миланом // Тодоровић П. Српска ствар у Огарој Србији. Успомене на краља Милана / приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 275*)... С другой стороны, либералы думали с точностью наоборот. Член их руководства, профессор Панта Сречкович утверждал в разговоре с русским путешественником: «Единственно серьезный государственный человек у нас – это, бесспорно, Ристич... Пашич, конечно умный человек, но только для себя, в обыкновенных житейских делах... У него таланты не государственного деятеля, а заговорщика, ловкого агитатора. Если Сербия теперь разорена, то обязана она этим никому другому, как радикалам и отчасти напреднякам» (*Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 337–338*). Другими словами – виноват кто угодно, только не мы.

дел из радикалов⁸⁷. А всего за десятилетие 1887–1896 гг. погибли 384 члена Напредняцкой партии⁸⁸²⁰.

Спрашивается, как же объяснить наличие в Сербии столь жесткого внутреннего антагонизма, доходившего до неприкрытых и, порой, массовых зверств?

Ответ, думается, в первую очередь связан с тем, что на рубеже веков сербское общество во многом сохраняло традиционно-патриархальный характер. Предпринятая в начале 1880-х годов напредняцкой властью попытка пришпорить развитие страны, по сути захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отречением в 1889 г. Милана Обреновича. «Инстинкты массы, – писал современник, – все больше восставали против модернизации государства»⁸⁹. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного народного движения, традиционалисты-радикалы смели горстку реформаторов. Их предводитель С. Новакович позднее констатировал: «Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем то соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого»⁹⁰.

А раз так, то печальная судьба сербских «западников» не кажется неожиданной. Напротив – она объективна. Согласно «диагнозу» гостя из России, «для претворения формул либерализма в жизнь в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»⁹¹. Всего-то! Сословие же среднее – этот людской ресурс любого прогресса, имело мало шансов народиться и массово развиваться у сербов, ибо, по словам Милана Обреновича, они «уважали только три занятия – быть пандурами²¹, чиновниками и крестьянами»⁹². Последними, понятно, в подавляющей части. Отсюда – их негативное отношение к «урбанизации»: «Пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»⁹³. Соответственно, и *городскую культуру* они принимали в штыки. «Крестьяне бунтят на сходках: не хотим людей в пальто», – писал очевидец в 1905 г.⁹⁴ А радикальный официоз, «Самоуправа», призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города, этого гнезда инородщины»⁹⁵.

Вместе с тем, город – в представлении «заведенного» радикалами крестьянства – был не только синонимом модернизации (той самой «инородщины»), но и средоточием государственной системы – экономически немотивированной, насильственной машины, десятилетиями державшей сербское село под тяжким надзорно-налоговым прессом. Во время Тимокского восстания 1883 г. эти антисистемные настроения низов проявились в требовании перебить всех, носящих униформу и получающих жалованье⁹⁶. Как видим, скрытая до поры до времени ненависть к «мундиру» трансформировалась чуть позже в неприятие городского костюма вообще: в 1889 г. толпа в Белграде закидывала камнями всех, чья одежда и поведение напоминали интеллигентов-напредняков. Двумя же годами ранее (на селе) селяки-радикалы в первую очередь «линчевали» представителей местных напредняцких *властей*: функционеров общин и полицейских чиновников⁹⁷²².

²⁰ Не прекращались подобные «инциденты» и во время «золотого века». Димитрие Джорджевич пишет: «Сразу же после переворота начались гонения на напредняков; в провинции дело доходило до физических расправ и даже убийств их лидеров, что вызывало у членов партии страх, психоз и желание воздержаться от политических выступлений» (*Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906–1911*. Београд, 1962. С. 36)... Не оттого ли, предположим, и возобновили напредняки свою деятельность, как политическая партия, только в 1906 г.

²¹ Пандур (*сербск.*) – стражник, полицейский.

²² Русский путешественник-очевидец и видный славист П.А. Ровинский подчеркнул, что сербы «не терпят *навязывания* и особенно через полицию, которая у всех в страшной ненависти» (*Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. С. 72).

Без понимания этого исторически-негативного отношения крестьянства к любой *навязанной* власти²³ (а радикалы в своем отрицании *всех* правительственных новаций лишь усиливали степень его ненависти к чиновникам – представителям и проводникам государственной воли²⁴), невозможно объяснить столь высокий градус его же антимодернизационного настроения – «закрытое общество» противилось хоть малейшей попытке приоткрыть себя, особенно если таковая предпринималась «сверху»...

Итак, первопричиной внутреннего столкновения в Сербии был идеологический конфликт, особенно обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в дихотомии: «либеральная идея – традиция», органично перекликаясь со знаменитым русским спором «западников» и «славянофилов»⁹⁸.

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии находилась на столь «европейском» уровне, также была связана с патриархальностью – этим основным качеством сербского социума рубежа веков. В условиях, когда *местечковая* лояльность превалировала над *национальной*, а «патриархальные личные связи и равенство еще не успели заместиться безличными отношениями, которые порождает индустриализация»⁹⁹ (по точной дефиниции британского интеллектуала из 1918 г.), политическая партия воспринималась как одна семья, *parteiengenossen* – как братья, а партийный лидер – как отец.

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных ссор, наполняло ее излишними эмоциями и страстями. Тем самым опрощалось, становясь слишком «фамильярным», и отношение к государству – сам его образ переходил из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате, находившиеся у власти партии, теряя дистанцию по отношению к нему, нередко смешивали общий и частный интерес. Государство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где и личных амбиций. И... компромисс был невозможен. Потому и сама политика, повторим, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта»²⁵, но как «война всех против всех». И, как следствие такого подхода, постоянные столкновения позиций (разница между которыми была зачастую совсем не принципиальной!), хаос и нестабильность являлись характерными чертами политического процесса в Сербии. В таких условиях *авторитарная* политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности измениться и дорасти до высот толерантности; следовательно, идея безконфликтного решения проблем была обречена на не востребованность¹⁰⁰...

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, базируются на личностных, а не на формальных принципах, то чувство долга к своему ближнему кругу (родственников, земляков, друзей), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах представлял не как представитель *своего* сообщества, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж, как заметил в 1912 г. Йован Жуйович – академик и министр, – «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»¹⁰¹.

²³ По мысли Р. Самарджича, несмотря на то, что «Сербское княжество, чей аппарат заменил турецкий, и означало для крестьянина достижение независимости, за которую он дрался веками», он «не желал мириться с тем, что кто-то вмешивается во внутренний уклад его жизни, причем вмешательство это шло в основном по линии возрастания, в виду потребностей государственного строительства, его же налоговых обязательств» (*Самарџић Р. Идеје за српску историју*. Београд, 1989. С. 21).

²⁴ Накануне Тимокского восстания, во время тайного собрания радикального руководства, его член из крестьян Димитрие Катич провозгласил: «Всех чиновников – под нож!» (*Тодоровић П. Крал*) Милан и Радикална странка // *Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији*. Успомене на крала Милана. С. 212).

²⁵ «Образ врага», пишет В.Г. Федотова, «есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес»; в отличие от него, «рационализация конфликта» – это «согласование интересов» (*Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы*. М., 1997. С. 161).

Отсюда же и различие в восприятии *права* и *справедливости*, присущее сербам, которые, «часто считают несправедливым даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»¹⁰². Формальная процедура в их разумении убивала человечность. Но это, с одной стороны. С другой – в самом таком подходе сквозило практическое отрицание права, а потому и конфликты, увы, столь частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках юридических процессов, а в лобовых столкновениях. Почему и были так «популярны» политические убийства. Вспомним хотя бы расстрел Еврема Марковича, весьма «странную» смерть в тюрьме его супруги Илки и Елены Кничанин, ликвидацию лидера контрзаговорщического движения в армии капитана Новаковича и Салоникский процесс, когда на основании явно сфабрикованных улик был расстрелян экс-глава заговорщиков, полковник Драгутин Димитриевич. Какая «судьба»! Человек, преступивший закон и уничтоживший последних Обреновичей, сам затем пал от руки несправедливой власти.

Как видим, *насилие* в различных проявлениях (причем – и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития Сербии²⁶. В чем, собственно, в свете сказанного выше, нет ничего удивительного...

И еще одно объяснение столь *своеобразной* культуры участников политического процесса в Сербии. Оно тесно связано с особенностями менталитета сербов.

Как известно, многовековые конфликты с Турцией привели к формированию у них *конфронтационного* сознания, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса «освобождения и объединения сербов» (что *всегда* оставалось для той же Радикальной партии задачей первой; в том числе и после появления в 1878 г. на сербской границе Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и занявшего Боснию и Герцеговину), такое сознание экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Потому-то и рассматривали соратники Пашича напередняков – сторонников модернизации и проводников *про австрийского* курса, – как новых Бранковичей, или (говоря языком более ранней эпохи), как «внутренних турок». Им радикалы отказывали даже в праве на патриотизм. «Люди, которые довели Сербию до Сливницы²⁷, – твердил их лидер, – не могут упоминать о национальной политике, о сербском освобождении и достоинстве Сербского королевства»¹⁰³.

Этот подход также можно понять: всего за сорок с небольшим лет (1875–1918) страна пережила шесть войн и два восстания. И, соответственно, мир для ее граждан (не важно, внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона: друг – враг, свой – чужой, мы – они...

* * *

После столь долгого экскурса вернемся к нашему тезису о том, что «золотой век сербского парламентаризма», несмотря на демократизацию политического процесса в результате смены династий и принятия конституции 1903 г., сохранил «родовые черты» прошлой эпохи – «по ряду базовых позиций ситуация оставалась прежней».

Во-первых, партийная разделенность в стране по-прежнему не соответствовала политическим пристрастиям граждан. На всех предвоенных парламентских выборах обе радикальные партии стабильно получали 70–75 % голосов¹⁰⁴. Народ не воспринимал старо- и младорадикалов как что-то принципиально отличное друг от друга – их раскол трактовался в его сознании всего лишь как столкновение личных амбиций в едином радикальном пространстве. Так что

²⁶ В монографии Л. Перович целый раздел назван: «Насилие как константа» (см.: *Perović L. Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI)*. Beograd, 2006. S. 384–420).

²⁷ В ноябре 1885 г. вторгшаяся в пределы Болгарии сербская армия потерпела у села Сливница сокрушительное поражение.

былая, сложившаяся еще при Обреновичах, раздвоенность населения страны на *радикалов* и *не-радикалов*, оставалась актуальной вплоть до 1914 г., когда младорадикалы впервые вошли в антипашичевский предвыборный блок с напредняками и Народной партией. Тем самым, начинали складываться предпосылки для *реального* политического плюрализма и перехода партии Н. Пашича в оппозицию¹⁰⁵. Однако реализации этой, имевшей, вроде бы, перспективу, тенденции помешало начало Первой мировой войны. Очередные выборы не состоялись, и еще четыре года, т. е. до конца существования независимой Сербии в 1918 г., вождь старорадикалов оставался в кресле премьера.

Во-вторых (что органично вытекает из первого пункта), разделительные линии в стране и в начале XX в. проходили по *идеологическим*, а не по *социальным* швам, как то было характерно для европейской партийно-политической практики. Сербские социал-демократы, а равно Крестьянское согласие, претендовавшие на роль классовых партий, так и остались маргинальными организациями, поскольку большинство ремесленников определилось в пользу независимых радикалов; крестьянство же, как и прежде, стояло за партию Пашича.

В-третьих, отношения большинства и меньшинства в парламенте были столь же традиционными: большинство всеми средствами стремилось навязать свою позицию; меньшинство же агрессивно демонстрировало, что по каждому поводу имеет отличный от власти взгляд²⁸. Обструкции оппозиции с блокированием кворума (по принципу чем хуже, тем лучше), нецензурщина, оскорбления действием – вполне рядовые явления в скупщине во время «золотого века сербского парламентаризма»²⁹. А как иначе, ведь по суждению М. Протича – одного из авторов весьма претенциозной «Новой истории сербского народа», «динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии»¹⁰⁶. Дефиниция, заметим, столь же броская, сколь и мало что в политической жизни Сербии после 1903 г. объясняющая³⁰.

Следствием же такой «борьбы» были частые роспуски парламента – ни один его состав не доработал отведенный ему по конституции срок.

И, наконец, в-четвертых, политическим гегемоном на протяжении всего периода 1903–1914 гг. оставалась старорадикальная партия во главе со своим харизматическим лидером

²⁸ Никола Пашич, будучи сам далеко небезгрешен (о чем мы скажем ниже), точно охарактеризовал поведение оппозиции в одной из своих речей: «Это, братья, политика упрямства (в оригинале – *штата*). Слепленные ненавистью к своим политическим противникам они забыли об интересах страны» (Сто говора Николе Пашича. Вештина говорништва државника / приред. Б. Станковић. Књ. 1. Београд, 2007. С. 326).

²⁹ Отдавал себе отчет в «специфичности» сербского парламентаризма и король Петр, десятки лет проживший в Швейцарии и прекрасно знакомый с «классической» его моделью. По словам английского журналиста, интервьюировавшего монарха в сентябре 1903 г., тот не скрывал разочарования: «Немалая проблема состоит в том, что люди, его окружающие, не обладают подлинно парламентскими понятиями и ощущениями, а каждая партия и фракция считает, что конституционные свободы даны исключительно ей» (Посланство Краљевине Србије у Великој Британији – Министарству иностраних дела Краљевине Србије. 11/25. IX.1903. г. // Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914 / приред. А. Раденић. Београд, 1991. Књ. 1. Свеска 1. С. 496). Да и вообще «качество» сербского политического класса Петр Карагеоргиевич оценивал весьма критично – 5 апреля 1905 г. российский посланник К.А. Губастов доносил в МИД о разговоре с ним: «Перейдя к внутренним сербским делам, Его Величество откровенно заметил, что ему пришлось во многом разочароваться относительно сербских деятелей. Судя их издали, он не думал, что они были так деморализованы, поверхностны и легкомысленны. Причины эти он видит, отчасти, в самом характере сербов, но, главным образом, в печати, которая имеет на общество и на народ развращающее влияние» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2869 (1903–1906 гг.). Л. 133).

³⁰ Дефицит политической борьбы, как мы уже видели, не наблюдался в Сербии никогда. А потому, при полном отсутствии политической культуры, она и после 1903 г. не могла стать «главным критерием парламентской демократии»... Более объективные (по сравнению с авторами «Новой истории сербского народа») сербские исследователи осознали это уже давно: «Несмотря на то, что идеологических причин для острого идеологического соперничества не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности в использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И вскоре стало ясно, что многие сербские политики просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри них самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особой разницы – шла ли речь о жизненных государственных интересах или второстепенных вопросах» (Вучковић В. Унутрашње кризе у Србији и Први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 175).

Николай Пашичем. При этом, и вождь, и партия мало изменились как в своем «мессианстве» («Я уверен, что одна только Радикальная партия способна сохранить и усилить Сербию, а также реализовать все наши идеалы»¹⁰⁷, – писал Пашич в 1907 г.³¹), так и в восприятии демократии, парламентаризма, политического плюрализма и других европейских институций и идей. Так, они по-прежнему рассматривали демократию как *ничем* не ограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм как институционализацию такого права; решительно отвергая при этом плюрализацию власти и считая одних лишь себя выразителями интересов народа¹⁰⁸. И, соответственно, те, кто думал иначе, оставались для радикалов врагами, а не оппонентами, компромисс с которыми был исключен начисто. Старый концепт «партийного государства», увитый отныне в парламентский флер, по-прежнему был стержнем радикальной политической культуры¹⁰⁹³².

Что ж, народ сербский действительно поддержал претензии радикалов, каковые, правда, были далеки от *европейских* подходов. Вершителями судеб королевства стали Н. Пашич (этот, по выражению Л.Д. Троцкого, «абсолютный властитель Сербии»¹¹⁰) и его радикальная генерация, которым, следовательно, удалось нейтрализовать анархичность низов, «примилив их с государственной идеей». Таким образом, национальное согласие в стране вызревало после 1903 г. на основе чисто *традиционных* понятий о власти и ее носителях¹¹¹...

В заключение отметим, что, при вполне корректном соблюдении парламентской формы (в 1903–1914 гг. в Сербии не произошло ни одного переворота), политическое содержание институтов парламентаризма и их функционирование заметно отступали от базовых принципов (да и самой природы) классического парламентарного государства. Причина тому очевидна – и в эпоху «золотого века» сербский социум сохранял свой аграрно-патриархальный характер; в нем практически отсутствовал *средний класс*. И, следовательно, начало парламентской практики в стране предшествовало становлению в ней гражданского общества, что шло вразрез с опытом Европы, где все происходило с точностью до наоборот: там именно гражданин стоял в центре политики¹¹². А значит – «парламентская форма» и ее реальное содержание расходились весьма значительно¹¹³.

Прав А. Вебер, заявив: «Там, где отсутствуют предпосылки, парламентское правление невозможно, либо, по меньшей мере, оно действует плохо»¹¹⁴. В том же, что предпосылки эти в Сербии действительно еще не созрели, мало кто из современников-интеллектуалов сомневался. Так, в сентябре 1895 г. Никола Крстич отметил в поденных записках: «И сегодня у нас нет достаточно элементов для парламентской жизни»¹¹⁵. А Владимир Вельмар-Янкович, чуть позднее, окрестил конституционную практику своей страны «суррогатом европейского парламентаризма»¹¹⁶.

* * *

Еще одной «слабостью» сербского парламентаризма, как уже говорилось, было резкое усиление политического веса «людей в погонах», которые открыто вышли на авансцену серб-

---

³¹ Важно заметить, что данная цитата взята нами из *черновика* выступления Пашича в скупщине. В самом выступлении она не прозвучала (что видно из сборника речей вождя радикалов). И следовательно, здесь мы можем говорить не о банальном демагогическом приеме, а о реальном убеждении.

³² Логика радикалов, при объяснении ими концепции «партийного государства», предельно проста. «Разве крестьянское государство может реализоваться как-то иначе, кроме единственного способа, когда государственная власть поставлена на службу крестьянской же партии?», – задавали они риторический вопрос. Но зачем в принципе это им было надо? Есть у них и на то ответ: «Такое партийное понимание государства облегчило бы примирение крестьянских масс с государственной идеей» (*Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 1 // Сабрана дела С. Јовановића. Београд, 1990. Т. 6. С. 108*).

ской политики после Майского путча. Как утверждал Коста Стоянович, «одобрение этого события всей страной, которой надоели частые эксперименты короля Александра, окуражило заговорщиков, подтолкнув к тому, чтобы под новой династией укрепить свое положение и расширить влияние»¹¹⁷. Такое их «положение и влияние» (когда – больше, когда – меньше, но на протяжении *всего* «золотого века») проявлялось в политической борьбе, провоцируя постоянные кризисы, заставляя партии в жесткой междоусобице апеллировать к этому *внеконституционному* фактору за помощью, что не раз ставило под серьезную угрозу саму парламентскую систему.

Наряду с должностями в «революционном» правительстве Йована Авакумовича (Й. Атанацкович – военный министр; А. Машин – министр общественных работ), ликвидаторы Обреновичей заняли руководящее положение в войсках и королевской гвардии, из них был сформирован и корпус адъютантов монарха. Петр Карагеоргиевич, таким образом, оказался заложником своих «компаньонов» – как цинично выразился один из них¹¹⁸, без одобрения которых не решался ни один вопрос. Гражданские власти были вынуждены принимать меры.

И здесь следует добавить, что жестокая расправа с королевской четой вызвала нескрываемое негодование в Европе. Особенно усердствовал Лондон. Отозвав своего представителя из Белграда, он фактически заморозил с новым сербским режимом все отношения – до суровой экзекуции заговорщиков¹¹⁹. Многие другие европейские дворы последовали его примеру. В законопослушном Старом Свете не могли примириться с тем, что Народная скупщина Сербии единодушно одобрила заговор, а кралеубийцы – вместо наказания за нарушение присяги – получили отпущение грехов, став заметными фигурами в армии, гвардии, на государственной службе... И, понятно, что, кроме правовых резонов, имело место в той реакции и оскорбленное монархическое чувство – Александр Обренович, пусть и представлявший маленькое балканское королевство, был одним из «братьев» в единой семье венценосцев³³.

Открытый дипломатический бойкот со стороны предводимых Великобританией западных стран (Россия и Австро-Венгрия не пошли на разрыв отношений с Белградом, признав вскоре новую династию) обернулся для Сербии серьезным падением внешнего престижа. Заговорщический вопрос, как видим, приобретал уже иное – *международное* – значение.

Решить его (да и то чисто внешне), дабы угодить Англию, властям удалось лишь к весне 1906 г. А до того, в течение трех лет, в стране шел процесс формирования и кристаллизации новой конфигурации политических сил; выстраивания их отношений в рамках конституционно-«парламентской» системы, сложившейся после переворота. Правительства в эти годы были слабы и недолговечны (с мая 1903 по апрель 1906-го их было *восемь*¹²⁰), а кризисы сотрясали сербский парламент с пугающей регулярностью. В основе их, несмотря на конкретные поводы, лежала неурегулированность отношений по трем линиям: скупщина – король, скупщина – кабинет, кабинет – армия¹²¹. Каждый тянул на себя... Такая ситуация усиливала активность и влияние неконституционных факторов – дворцовой камарильи и заговорщиков. И, соответственно, «разводила» оба конституционных – монарха, тесно в то время с ними связанного, и парламент.

В апреле 1906 г. обстановка несколько стабилизировалась – Пашич смог сформировать гомогенный радикальный кабинет, обладавший серьезной поддержкой, и убедить короля Петра отправить пятерых заговорщиков из старших офицеров (Дамняна Поповича, Алек-

³³ Показательный пример – находясь в 1916 г. в Париже, принц-регент Александр Карагеоргиевич (военный предводитель героической Сербии!) не был принят своим «союзником» – бельгийским королем Альбертом. Не странно ли? Раймон Пуанкаре записал 28 марта в дневник: «Я спросил Броквилля, может ли он мне частным образом сказать, почему король отказался от визита сербского принца? „Я не знаю причины, – ответил Броквилль, – но догадываюсь о ней. Когда бельгийское правительство сочло нужным наградить принца военным крестом, король не дал на это своего согласия, и я понял, что он возлагает на нынешнюю династию вину в убийстве короля Александра“» (Пуанкаре Р. На службе Франции. М., 1936. Т. 2. С. 294).

сандра Машина, Луку Лазаревича, Петра Мишича, Джордже Костича) в отставку, которую новое правительство «сопроводило» щедрыми отступными. В ответ на это английский двор посчитал кризис в британо-сербских отношениях исчерпанным. И, как следствие, в Белград возвратился посланник Эдуарда VII.

Заметим, что эту свою работу по консолидации *парламентского* фактора Пашич начал значительно раньше. И путем ряда закулисных комбинаций, на какие он был редкостный мастер, ему удалось вывести монарха из-под влияния так называемой «камарильи», заглавные роли в которой играли Живоин Балугджич – личный секретарь короля, и Яков Ненадович – близкий родственник, представлявший до переворота 1903 г. его интересы в Вене. Оба являлись откровенными австрофилами, и, случалось, что в Вене о решениях белградского правительства узнавали раньше, чем они доводились до сведения органов власти внутри страны. Потеря такого источника информации (король по настоянию Пашича отставил обоих уже в 1905 г.) была для Балль-Платца серьезным ударом.

И прежде всего потому, что межгосударственные отношения Сербии с Австро-Венгрией после переворота стали неуклонно ухудшаться, чему причиной было резкое сужение базы политического австрофильства в самой стране. С ликвидацией династии Обреновичей и самороспуском напредняков она, словно шагренева кожа, ужалась до минимума. Новые центры влияния (заговорщики и представленные в скупщине партии – в первую очередь, националисты-радикалы) отличались антиавстрийским настроением. Таким образом, в Вене явно ошиблись, рассчитывая на внешнеполитическую лояльность короля Петра, который, кстати, чем дальше – тем больше царствовал и меньше правил.

Дело, порой, доходило до прямой конфронтации – так было с вопросом о крупном займе Сербии, когда Австрия желала обеспечить преимущества своих банкиров, или в дискуссиях о новом торговом договоре, где Белград стремился эмансипироваться от ее былой опеки. И, наконец, в знаменитом споре о покупке артиллерийских орудий. Отказ правительства радикалов закупать пушки у чешской «Шкоды» и размещение заказа во Франции (на фирме «Шнейдер-Крезо») привели к началу так называемой «Таможенной войны» 1906–1911 г... Мы не будем здесь углубляться во внешнеполитические сюжеты, сделав это позже, подчеркнем лишь одно – сколь тесно переплетались в политической жизни страны внутри- и внешнеполитические аспекты.

И уже следующий *международный* кризис имел далекоидущие для *внутренней* истории Сербии последствия. Проведенная Веней в 1908 г. аннексия Боснии и Герцеговины способствовала новой активизации экс-заговорщиков. Правда, на сей раз – в основном «молодых». Под неформальным началом Д. Димитриевича-Аписа, они еще весной 1906 г. проявили себя более национально зрелыми, когда поддержали увольнение старших товарищей, считая, что те участвовали в перевороте из личных побуждений и корысти. Их самих уже тогда занимал глобальный вопрос: судьба всего сербства. В соответствии с балканскими традициями, они организовали в 1911 г. тайное общество «Объединение или смерть» – знаменитую «Черную руку»¹²². В центр ее деятельности было поставлено (как явствует из названия) объединение сербского и других югославянских народов в единое государство.

И уже сама эта, столь радикально заявленная, цель новой организации не могла не привести к столкновению с властью, которая стремилась соотносить национальную политику с реальными международными условиями. Разочаровавшись в институциях и принципах парламентского государства, не дававших, как они полагали, возможности скорого решения сербского национального вопроса, и видя в них один лишь источник перманентных межпартийных склок, основатели «Черной руки» выступали с позиций централизма, милитаризма и авторитарного национализма и, чем дальше – тем больше, становились угрозой гражданскому правлению. Их печатный орган (газета «Пьемонт») в первом же номере от 3 сентября 1911 г. обвинил все без исключения партии «в аморализме, бескультурье и непатриотизме». Единственным лекар-

ством объявлялся «централизм» – с опорой на армию¹²³. Особо жесткие филиппики доставались от газеты правящим старорадикалам и их лидеру Пашичу... Перед нами – очередной пример столь привычного для политической культуры Сербии «мессианства». Проявившегося, кстати, и в отношении «заговорщиков» к династии и монарху. В 1909 г. они высказали намерение добиваться «смены» теперь уже Карагеоргиевичей!¹²⁴ А годом позже Апис выступил за отречение короля Петра под предлогом того, что радикалы, якобы, «ведут страну к полному краху, а у него не хватает сил, чтобы отстранить их от власти»¹²⁵. Как видим, единожды нарушив присягу, харизматичный офицер был готов и далее свергать «неугодных» королей...

Итак, как справедливо заметил Я.В. Вишняков, «после основания „Черной руки“ интересы правящей партии и заговорщиков окончательно разошлись»¹²⁶. Слишком по-разному (при единстве стратегического курса на освобождение и объединение сербов и общей же прорусской ориентации) смотрели военные и гражданские на тактические и функциональные задачи власти. Внутренний кризис в стране нарастал, разразившись после балканских войн (1912–1913) и обнажив всю объективную слабость сербского парламентаризма.

Поводом к эскалации конфликта стал знаменитый «спор о приоритете» в новых (т. е. вошедших в состав королевства в 1913 г.) областях. Указ «О старшинстве в Новой Сербии гражданских властей над военными», изданный по инициативе С. Протича – министра внутренних дел и старого друга Пашича, предполагал введение «первенства» гражданских чинов во всех торжественных случаях; и, бывало, что, при явном нежелании «элитного» чиновничества ехать на службу в Богом забытую «новую» глушь, какой-нибудь срезский (уездный) начальник лет 25–28 оказывался там на разных церемониях старше полкового командира в штаб-офицерском звании. И все это в условиях действия осадного положения. Такая ситуация в *конкретных* проявлениях, действительно, была нетерпимой. Однако, «заговорщики» решили использовать ее для лобовой атаки на правительство.

Тем более, что во время и после балканских войн офицерство стало вести себя в Старой Сербии и Македонии крайне независимо. По словам русского военного агента, полковника В.А. Артамонова, «военные, реабилитированные войной, высоко подняли голову»¹²⁷. Настолько высоко, что, когда во время кризиса в отношениях с Болгарией по поводу раздела территорий, захваченных у турок в ходе Первой балканской войны, раздался слух, будто Пашич готов отдать их часть Софии, они открыто пригрозили кабинету¹²⁸, а член «Черной руки», Люба Йованович-Чупа, *от имени организации*, высказал премьеру, что «они изрубят его в куски на Теразиях, если он хоть что-то уступит болгарам»¹²⁹.

Воспользовавшись очередной такой ссорой (на сей раз возвращенного из отставки командира Вардарской дивизии Дамьяна Поповича с окружным начальником за право на первое место в церкви, завершившейся демонстративной отставкой комдива), после чего, собственно, и был выпущен указ «О старшинстве», заговорщики потребовали его отмены и предоставления сатисфакции «униженным» офицерам. Пашич отказался идти на уступки. В ответ те вступили в альянс с парламентской оппозицией (независимыми радикалами) с целью *любой ценой* – вплоть до переворота – сместить премьера. В своих личных амбициях и эгоистичных резонах независимцы пошли на этот тайный сговор с «Черной рукой», тем самым компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, – подчеркнул В. Вучкович, – оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем»¹³⁰.

Кульминацией далеко зашедшего «спора о приоритете» стали роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король, после консультаций с оппозицией, 29 мая 1914 г. возвратил ему мандат на власть – для их организации. А 11 июня обнарудо-

вал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением.

Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г. Гартвиг. Именно он настойчиво рекомендовал монарху оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Как видим, в борьбе с «Черной рукой» – этим мощнейшим *антиконституционным* участником сербской политики – «парламентский» режим формально устоял, но... при поддержке другой *нелигитимной* силы – российской императорской миссии. Что, впрочем, было характерно для всей истории независимой Сербии, на протяжении которой, по дефиниции С. Йовановича, Петербург и Вена «являлись такими же факторами нашей политической жизни, как и „домашние“ партии»¹³¹.

А, тем временем, начиналась новая предвыборная кампания – увы, всего за две недели до выстрела в Сараево...

Внешняя политика Сербии в 1903–1914 гг. «Человек вечной войны». 1903 год, как уже отмечалось, стал водоразделом в международной политике Сербии. Устранив австрофилов Обреновичей и добившись «демократизации» внутреннего порядка, новым властям предстояло «переложить руль» и заняться делами национальными – чем реанимировалась «прадедовская задача сербского освобождения и объединения»¹³², оказавшаяся на время в тени. Ее решение стало основным смыслом всей политической деятельности Радикальной партии и ее лидера Николы Пашича.

О «смене вех» высказался и сам Пашич в разговоре с влиятельным священником из города Ужице, радикальным ветераном Миланом Джуричем вскоре после переворота. «Вот, Никола, мы завершили все дела – завоевали свободу, гарантировали влияние Народной скупщине, посадили на престол короля Петра. А сейчас мы можем отойти в сторону и провести остаток жизни в спокойствии», – подводил итог борьбе с Обреновичами поп Джурич. «Э, нет, – последовал ответ, – все, что мы сделали, само по себе еще ничего не значит. Это только предпосылка для нашего самого главного и грандиозного дела – национального освобождения и объединения. И теперь мы должны целиком посвятить себя ему»¹³³. Такой «поворот» был сделан, а значит – приоритетами в государственной политике становились задачи внешнеполитического, психологического и технического обеспечения сербских национальных амбиций; подготовки страны к маячившим пока в отдалении решающим событиям. А в том, что они грядут, сомнений у Пашича не было никогда.

Важнейшим же внутренним смыслом «поворота» оказался решительный переход к русофильству в политике, что органично корреспондировало с ее новой *национальной* парадигмой. Еще в далеком 1887 г., в письме соратнику, Пашич расставил все нужные акценты: «Боснию и Герцеговину, а также другие сербские земли в Австро-Венгрии, мы не сможем вернуть самостоятельно, т. е. без помощи России, но Македонию мы в состоянии спасти для Сербии и без военного содействия России»¹³⁴. В конечном итоге, так и случилось...

Приход к власти в Сербии пророссийски ориентированных элементов не мог не привести к ухудшению ее отношений с Австро-Венгрией, которая крупно обманулась, сделав ставку на короля Петра, не игравшего, повторим, заметной политической роли. В ответ, со стороны Вены последовала настоящая (хотя и явно запоздавшая) «газетная» атака с жесткой критикой Белграда по поводу Майского переворота. И уже в сентябре 1903 г. посланник К.Думба констатировал в одном из донесений, что ситуация в сербоавстрийских отношениях «настолько плоха, насколько это может быть»¹³⁵.

Новые сербские власти пытались эмансипироваться от тесной опеки Дунайской монархии двумя путями. С одной стороны, Белград активизировал свои отношения с соседями и, в частности, с Болгарией, пойдя на заключение с ней в 1905 г. секретного таможенного союза

(что было своеобразным прологом Балканского союза 1912 г.). Это стало для Вены, дотоле практически полностью контролировавшей внешнюю торговлю Сербии, полнейшей неожиданностью. Она приняла меры, пригрозив распространением своего ветеринарного законодательства на сербский скот – основу экспорта страны. То было давней и проверенной практикой; не зря же говорилось: чтобы победить Сербию, «Австрии надобно всего лишь мобилизовать своих ветеринаров». И... угроза возымела действие – в марте 1906 г. правительство Н. Пашича смягчило свою позицию, отодвигая на второй план положения таможенного союза с Болгарией и стимулируя переговоры с Венной о заключении торгового договора¹³⁶. Такую «покладистость» можно объяснить и тем обстоятельством, что именно тогда Россия, потерпев поражение в Японской войне и пребывая в состоянии внутренней смуты, ослабила свое присутствие на Балканах.

Но в этот самый момент новая проблема осложнила австро-сербские отношения. Яблоком раздора явился крупный заказ на артиллерийские орудия, который Белград разместил во Франции, а не (как всегда ранее) в Чехии. Пытаясь удержать Сербию под контролем, Австро-Венгрия оказывала на нее сильнейшее давление с целью обеспечить размещение заказа на собственных заводах, угрожая при негативном ответе закрытием венгеро-сербской границы. Пашич – глава кабинета, инициировавшего вопрос о закупке пушек, – без колебаний ответил отказом³⁴, хотя и осознавал, что такое решение грозит стране таможенной войной. Парламентская оппозиция, из опасения закрытия границы, требовала от радикального правительства уступок, но их не последовало. Отдать заказ на вооружение Вене значило для сербского премьера лишь одно – стать ее заложником. И он был оставлен французам... Австро-Венгрия закрыла границу с Сербией. Началась таможенная война, длившаяся вплоть до 1911 г.

Вене, однако, не удалось заставить Белград капитулировать, в чем сказались его новая внешнеполитическая ориентация. Ведь, привязав «маленький сербский плот (как тогда говорили) к мощному русскому кораблю», Пашич тем самым сумел подтянуть его и к могучей эскадре под названием «Антанта».

С помощью Франции была модернизирована пищевая промышленность – основа экономики страны. Возводились бойни, холодильники, консервные заводы. Свой скот сербы начали сбывать не в живом (как раньше в Австро-Венгрии), а в готовом виде. И покупатели нашлись. Сербской тушонкой, к примеру, снабжались британские базы в Египте и на Мальте – даже Германия допустила ее на свой рынок... Соответственно, убытки Сербии оказались во много раз меньше, чем полагали внутренние и внешние оппоненты. Она в значительной степени освободилась от экономической зависимости от Австро-Венгрии, куда теперь вывозила лишь 30 % своего экспорта, в отличие от 80–90 % в «предвоенные» годы.

Похожая ситуация сложилась и в вопросе о государственном займе, из средств которого предполагалось финансировать закупку орудий и постройку железных дорог.

После изнурительной – как скрытой, так и явной, вплоть до рукоприкладства, – борьбы деньги (95 млн. фр.) были в конце 1906 г. получены от финансовой группы, главную роль в которой играли французские банки. На них сербы купили у «Шнейдер-Крезю» 49 полевых и 15 горных батарей, а также по 280 снарядов на каждый ствол¹³⁷...

Таможенная война была для Сербии тяжелым испытанием, но еще более тяжким стал Боснийский кризис, связанный с аннексией в 1908–1909 гг. Боснии и Герцеговины. Целью ее было стремление Вены укрепить свою гегемонию на Балканах и в восточной Адриатике, а также переориентировать собственное югославянское движение, отдавая себе отчет в том, что

---

³⁴ Австро-венгерская дипломатия прекрасно понимала все «значение» Пашича при решении вопроса о сербском вооружении в ее интересах – еще в январе 1905 г. посланник Думба писал в Вену, министру Голуховскому: «Если мы вообще хотим сделать что-то для „Шкоды“, то прежде всего должны свалить Пашича» (Цит. по: *Borheviuh D.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије. 1906–1911. С. 67).

Белград становился для последнего все более притягательным. Аннексия была ускорена и из-за Младотурецкой революции в Стамбуле, которая вернула в силу конституцию 1876 г., – ее действие формально распространялось на территорию всей империи, включая оккупированную провинцию. Вместе с тем Австро-Венгрия вывела свои гарнизоны из Новипазарского санджака (Рашки), возвратив его Турции, – так было легче сохранить буферную зону, разделявшую Сербию и Черногорию.

В Сербии аннексия вызвала мощную волну протестов. Общество всколыхнулось – в стране создавались пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту «сербского дела». Правительство требовало предоставления Боснии и Герцеговине автономии и раздела Новипазарского санджака между двумя сербскими королевствами. Одновременно оно обратилось к России, вставшей на сторону сербов. Однако, в марте 1909 г., принимая во внимание неготовность России к войне, Германия ультимативно потребовала от нее санкционировать акцию Австро-Венгрии, дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное вторжение Вены в Сербию, при содействии Берлина. Угроза опять-таки подействовала – Петербург был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый status-quo¹³⁸.

Сербия отступила. Но отступление было временным. В отблесках последнего триумфа Габсбургов уже являлась тень древнего царя Пирра.

Наглядна позиция Пашича, который во время Боснийского кризиса не входил в правительство. Он выступил за жесткий отпор аннексии, говоря о возможной защите сербских национальных интересов и с оружием в руках. Так, на закрытой сессии скупщины 10 октября 1908 г. он прямо высказался за войну с Австро-Венгрией¹³⁹, чем проявил себя как прекрасный психолог. С одной стороны, его решительный «частный» настрой импонировал общественному мнению, оскорбленному в национальных чувствах. С другой же, – когда чуть позднее министр иностранных дел Милован Милованович, с подачи дипломатов Антанты, начал задумываться о территориальных компенсациях за аннексию (на что бы Вена, может быть, и пошла) он решительно восстал против любых сделок. «Пусть на теле сербского народа останется живая рана!», – подчеркнул Пашич, желая сохранить высокий национальный тонус сербов для будущего реванша.

Кто знает, возможно, он вспоминал тогда площадь в Париже, где стояли статуи женщин по числу провинций Франции, две из которых, олицетворявшие Лотарингию и Эльзас, без малого сорок лет были укутаны черным крепом – в напоминание французам об отторгнутой части Отечества.

Должно отметить, что о «реванше» Пашич не забывал никогда. Даже в моменты унижений. Побывав в конце 1908 г. с чрезвычайной миссией в Петербурге и не получив там ожидаемой поддержки, он подошел к своему делу с другой стороны – договорился о визите в Россию короля Петра, никогда еще не посещавшего мировых столиц. Такой визит состоялся в 1910 г. и имел весьма позитивные для отношений двух стран последствия.

Короля и сопровождавшего его Пашича встречали в Киеве, Москве и Петербурге почти по-родственному¹⁴⁰. А спустя год в Петергофе состоялась свадьба королевны Елены Петровны и князя императорской крови Иоанна Константиновича – сына известного поэта и многолетнего президента Академии наук К.Р.³⁵ Пашич мог быть доволен – русский и сербский дворы породнились. По точной оценке Л.В. Кузьмичевой, «брак этот был символическим – признание равнородности династий Карагеоргиевичей и Романовых знаменовало русскую поддержку Сербии и ее короля»¹⁴¹. Петербург и Белград стали еще ближе. В том числе и политически.

³⁵ Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915) – внук Николая I и племянник Александра II.

Боснийский кризис имел рубежное значение для балканских стран. Во-первых, он похоронил возможность в принципе близких отношений Белграда и Вены, сделав их окончательно неприятелями. Во-вторых, в условиях дальнейшего ослабления Турции, привлек внимание к Балканам великих держав, стремившихся укрепить свои позиции в отдельных государствах региона, которому придавалась важная роль в стратегических раскладах как Тройственного союза, так и Антанты. И, наконец, исходя из первых двух посылок, подтолкнул балканских политиков к сотрудничеству друг с другом – в целях защиты от Австро-Венгрии, с одной стороны, и освобождения христианских областей Европейской Турции, с другой¹⁴².

Завязались тайные переговоры, и в октябре 1912 г. Сербия, Греция, Болгария и Черногория, заключив соглашение, объявили войну Турции. Главным стержнем нового Балканского союза был сербо-болгарский союзный договор, подписанный 13 марта, по которому предусматривалось их совместное выступление против турок и последующий раздел Македонии. С другой стороны, в случае нападения на Сербию Австро-Венгрии, болгары обязывались предоставить в помощь Белграду армию в 200 тыс. штыков¹⁴³. Но последнего не случилось, ибо союзники разыграли «Турецкий гамбит».

К началу войны Сербия имела сильную, хорошо и *вовремя* вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. Многолетний заместитель Пашича по финансам и близкий его друг еще с 70-х годов XIX в. Лаза Пачу говорил Л.Д. Троцкому, обозревавшему в качестве корреспондента военные коллизии тех лет: «Наши финансы в прекрасном состоянии. Мобилизация обходится нам в миллион динаров ежедневно. Мы сделали значительные запасы золота и спокойно смотрим навстречу завтрашнему дню. На шесть месяцев нас хватит»¹⁴⁴. Словом, каждый *спокойно* делал свою работу³⁶. И даже конституционный режим, в отличие, скажем, от Болгарии, на время войны не был отменен.

Плоды такой подготовки оказались впечатляющими. Сербские войска выиграли ряд крупных сражений Первой балканской войны: при Куманово, Битоле, Прилепе и т. д. Особенно в них отличились артиллеристы, вооруженные теми самыми орудиями, за которые в свое время «на смерть» бился Никола Пашич. Однако не все оказалось гладко – пробившиеся на побережье и занявшие порты Алесслио и Дураццо (без выхода к морю Сербия просто задыхалась) сербские части были вынуждены их оставить – из-за угрозы Австро-Венгрии, которая объявила частичную мобилизацию. Это привело, по мнению политиков и военных, к необходимости частичного пересмотра договора с Болгарией и, в частности – сохранения за Сербией долины Вардара (занятой сербами, но по договору должной отойти к болгарам), как единственного удобного пути к порту Салоники. Болгары же, не выполнившие, кстати, ряд положений договора, встретили предложение о ревизии его текста в штыки¹⁴⁵. При этом сами выдвинули территориальные претензии к грекам – относительно Салоник и юго-восточной Македонии. Напряжение в отношениях между союзниками росло. Надвигалась гроза.

Она и разразилась в ночь на 30 июня 1913 г., когда болгарские войска атаковали сербские позиции на реке Брегалница. Началась Вторая балканская война. Болгарии в ней, кроме Сербии и Греции, противостояли Румыния и недавно побежденная Турция. Боевые действия закончились быстро. И в результате – София потеряла почти все, что приобрела накануне. Бухарестский мирный договор от 10 августа 1913 г., юридически закрепивший итоги обеих войн, признал за Сербией Вардарскую Македонию и Старую Сербию (нынешние Косово

---

³⁶ «Белград был спокоен, – писал русский очевидец. Не слышно не криков, ни песен, ни пьяных разглагольствований. Каждый занят – занят так сильно, что для страха за исход войны, для тревоги за близких, даже если и чувствуются они где-то в глубине души, не остается уже времени. Бояться некогда – некогда и скорбеть... Война так реальна, настолько захватывает все сферы жизни, что из кровавой трагедии она превратилась в громадную общественную работу... Эта простота, эта сосредоточенность и деловая напряженность импонируют больше, чем какие бы то ни было речи, демонстрации и песни» (*Вольский Ст. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. С. 536–537*).

и Метохию и часть Рашки)... Таким образом, южный «аспект» сербского национального вопроса, в том виде, как его понимало руководство страны, был решен.

После громких сербских побед на полях балканских войн конфликт Вены с Белградом становился *в перспективе* неизбежен. Австро-Венгрия не желала терпеть у своих границ усилившееся королевство, само существование которого пробуждало у ее югославянских подданных центробежные настроения. Целостность двуединой монархии во многом зависела теперь от того, сможет ли она сломить резко возросшую сербскую силу и нейтрализовать ее влияние. Заручившись поддержкой Германии, Вена ожидала повода для «похода на юг». Сараевский атентат показался ей довольным...

* * *

А теперь зададимся вопросом: в чем был секрет этих столь впечатляющих побед? В принципе, ответ очевиден.

Говоря о состоянии умов в Сербии накануне балканских войн, мы упомянули, что «моральный дух народа был как никогда высок». И, действительно, мобилизация армии завершилась «в рекордные сроки и при идеальном порядке»¹⁴⁶, причем на призывные пункты, по словам наблюдателя, «явились все, кто только мог передвигать ноги, – призываемые и *непризываемые*». «В течение трех дней, – подводил он итог, – явилось 95 % призывных, через неделю их было 98 %; лишь 2 % оказалось больными, но и из этих многие явились, прося их взять, в надежде поправиться в дороге»¹⁴⁷. Повсюду в стране мобилизация вызвала всеобщее ликование¹⁴⁸. «Все три призыва мобилизованы, – писал очевидец событий из сербов, – начинается радость и взаимные приветствия; невозможно замыслить, что речь идет об отправке на фронт, где кладутся жизни, а не на сватовство»¹⁴⁹. И зоркий русский глаз подметил сей же факт: «На всех станциях было много резервистов... Настроение у всех очень бодрое, а, главное, совершенно спокойное, как будто они ехали на самое обычное дело»¹⁵⁰. «Вы думаете, что слышен был плач матерей, жен, сестер, отправляющих своих близких на возможную смерть, – вторил ему соотечественник. Нет, если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы, ее сейчас останавливали, пристыжая: „Как не стыдно плакать – такое святое дело“. Устыженная отвечала: „Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освобождать наших братьев; плачу от того, что дождалась это увидеть“»¹⁵¹.

Как видим, война и впрямь пользовалась «необыкновенной популярностью»¹⁵², что, впрочем, было предсказано давно – в период Боснийского кризиса Никола Пашич заявил: «Война будет популярна и бестрепетна к жертвам»¹⁵³. И неважно с кем – с австрийцами или с турками... Итак – «война, которую желали все»¹⁵⁴, как выразился современный автор. Но снова вопрос – в чем же причина таких настроений?

В своей известной работе академик М. Экмечич утверждает, что после смены династий в 1903 г. в Сербии произошел «переход элитарного типа национализма в массовый»¹⁵⁵. Аргументацию своему заключению он черпает в том, что, на основании демократической конституции 1903 г. и избирательного права, большинство мужского населения получило возможность участвовать «в элементарной политике» – а это является одним из необходимых условий для «эволюции национального движения в массовый тип». Другое условие – грамотность, *как минимум*, трети населения. И хотя, как известно, число грамотных накануне балканских войн не превышало 30 %, историк полагает, что «в действительности читать могло даже более трети населения, а потому „читательская революция“, как это условие названо в литературе, в Сербии после 1903 г. имела место». И в результате – «*современный* человек, вдохновленный наци-

ональной идеей, воспринимает такую эволюцию как участие в жизни суверенного государства, которое зависит и от него. Он больше не является пассивным наблюдателем»¹⁵⁶.

Что касается массового участия мужского населения «в элементарной политике», то выше мы постарались показать чисто *традиционное* «качество» такого участия, как, впрочем, и самой политики.

Относительно же более чем трети грамотного населения и особенно «свершения» в сербском обществе «читательской революции», следует заметить, что и цифра 30 % кажется нам завышенной, поскольку в аграрной, патриархальной Сербии мотивация для получения образования еще *не созрела* – традиционный образ жизни предполагал, что большинство детей проследует путем своих родителей, наследуя их занятия и обычаи³⁷. Для чего «домашнее воспитание» было куда важнее полученного на стороне (в школе) абстрактного знания, которое весьма «мало соотносилось с нуждами народа, его нравами и условиями жизни»¹⁵⁷ и, соответственно, – не применялось на практике. Будучи не востребовавшимся, оно не являлось повседневной необходимостью, что, в свою очередь, не могло не повлиять на судьбу *номинально* грамотных людей. Речь здесь идет о типичном для всех традиционных обществ феномене «вторичной неграмотности»¹⁵⁸. Проиллюстрируем нашу мысль.

Так, в 1908 г. члены Шумадийского учительского общества опрашивали в окрестностях Крагуеваца сельскую молодежь, десять лет назад окончившую начальную школу. И были вынуждены констатировать, что «у огромного большинства парней и девушек исчезло почти все полученное в школе знание, а многие вообще разучились читать и писать, поскольку за время, прошедшее после школы, не написали ни единого слова и ничего не прочли». Но то, что «они были в состоянии, мучительно и обливаясь потом, вывести свой автограф, переводило их в категорию грамотных»¹⁵⁹. Таковы были критерии, определяющие *качество* «читательской революции»³⁸. Важно подчеркнуть, что указанный «феномен» отличался в Сербии стабильностью: мы можем наблюдать его со времени первых поездок русских путешественников в 60-е годы XIX в.¹⁶⁰ и далее – на рубеже веков¹⁶¹. Следовательно, и в самом сербском социуме к началу балканских войн *по сути* мало что изменилось.

Поэтому, как нам представляется, объяснять «необыкновенную популярность» войны у сербов, прибегая к категориям и значениям *современного* (modern) общества (а «массовый национализм» к таковым, несомненно, относится) не совсем корректно. Разгадку ее следует искать в стереотипах *традиционного* мышления.

Начнем с его носителей. Напомним, что до Первой мировой войны доля крестьянства в структуре населения Сербии никогда не опускалась ниже 87 %¹⁶². При этом оно было наделено землей достаточно равномерно, вследствие чего разделение интересов в его среде протекало крайне медленно. К тому добавим и неполную социальную структуру. Сербское общество было лишено аристократии и буржуазии. В нем имелось как бы два полюса: малочисленная (вышедшая из «низов») элита и однородная крестьянская масса – главный хранитель ценностей традиционного сознания.

Городские жители, доля которых в населении Сербии составляла 12 %, так и не смогли консолидироваться в мещанское сословие – стать носителями буржуазности³⁹, но на протяже-

³⁷ «Зафиксированная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранящаяся в живой памяти и передаваемая механизмами неуказанных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс» (Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60).

³⁸ Этот пример подтверждает типологически емкий вывод Э. Геллнера – «Аграрное общество не обладает ни ресурсами, ни мотивами, необходимыми для того, чтобы грамотность распространялась широко, не говоря уже о том, чтобы она стала всеобщей» (Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 150).

³⁹ По словам наблюдателя из России, «серб остается по преимуществу земледельцем и свинопасом, а если судьба выбра-

нии всей эпохи независимости оставались весьма размытой категорией. «Как трудно было сказать, где кончается сельская тропа и начинается городская улица, – пишет тот же М. Эмечич, – так же мало кто мог определить, где проходит граница между крестьянином и жителем города»¹⁶³.

Согласно принятому в 1873 г. «Закону о народном благосостоянии», вводился гарантированный и никем не отчуждаемый аграрный минимум, определявшийся количеством земли, которое крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней своего труда. Данный принцип существовал и позднее – в 1907 г. радикальное правительство Пашича в очередной раз продлило действие закона об аграрном минимуме, защищавшего крестьянина от угрозы пауперизации, ограничивая возможность земельных спекуляций и концентрации земли в немногих отдельно взятых руках⁴⁰. Тем самым, он затруднял распространение в Сербии капитализма и становление соответствующего ему типа мышления¹⁶⁴. И в результате, как констатировал русский ученый в 1915 г., «Сербское королевство может быть названо и доныне страной почти исключительно мелкого и среднего землевладения»¹⁶⁵.

Эта патриархальная модель общества (согласно старой формуле: *сербский народ – сообщество равных*) не была для соратников Пашича некоей самоцелью. В условиях незавершенности процесса всесербского освобождения и объединения она становилась средством и формой консолидации сербов королевства, поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа – важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство, как видим, отождествлялось в глазах радикалов с национальным единством... И эта их политика в нужное время увенчалась полным успехом – объясняя подоплеку всеобщего подъема, захлестнувшего Сербию в начале Первой балканской войны, русский корреспондент писал: «В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а, следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, а экономическое развитие не успело вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми»¹⁶⁶.

Теперь о самом мышлении. Известно, что одной из базовых традиционалистских установок является идея *преемственности*, т. е. «солидарности поколения живущего с поколениями умершими»¹⁶⁷, или «участия минувших поколений в современности»¹⁶⁸.

Особо наглядно оно проявлялось в подходе родителей к воспитанию детей, когда, по наблюдению П.А. Ровинского, отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу – на вечные времена слава, Буку Бранковичу – проклятие, а турку и швабу нужно посечь голову»¹⁶⁹. И снова следует подчеркнуть, что с течением времени в данной системе воспитания мало что изменилось. Спустя почти полвека после путешествия Ровинского другой русский автор констатировал: «Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия... Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига, и в честь их слагаются песни»¹⁷⁰.

Образованные сербы, признавая явный перекокс «героического» воспитания, тем не менее объясняли его необходимость: «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших

сывает его из обычной сферы родительского дома, то он охотнее всего обращается к чиновничьему или военному делу. Собственно мещанское сословие поэтому вполне чуждо сербскому народу» (*Вейнберг Е.* Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. С. 473).

⁴⁰ Радикалы всегда высоко оценивали этот закон. По мнению Аврама Петровича, «им обеспечено само существование нашего, в основном земледельческого, народа. И следовательно, в Сербии не может быть бездомных, которых есть немало во всех других странах» (*Петрович А.* Успомене / приред. Л. Перовић. Горњи Милановац, 1988. С. 43).

детей готовить вместо гуманных граждан – диких солдат, потому что нам еще грозит война с турками... с которыми нужно мериться тем же оружием, каким и они пользуются против нас»¹⁷¹. Этот мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях. Уже известный поп Милан Джурич с *парламентской трибуны* требовал от учителей так воспитывать детей, «чтобы они знали заветную мысль (об освобождении и объединении сербства. – А.Ш.), знали о косовских героях и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово». Или другой его пассаж – «Мать пасет овец или жнет ячмень и пшеницу, но при этом поет сыну песню и готовит его к отмщению Косова»¹⁷².

Как видим, *героическое* начало закладывалось в сербских детей с младых ногтей, что не могло не сказаться на формировании их мироощущения, какое всегда оставалось сугубо конфронтационным, в рамках оппозиции свой-чужой. И когда *чужие* менялись, т. е. когда к туркам после 1878 г. добавились «соседи» из-за Савы и Дуная, отношение к ним оставалось столь же жестким и одномерным. В «Катехизисе для сербского народа» читаем: «Кто неприятель сербов? – Самый главный враг сербов – Австрия... Что нужно делать? – Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага... Кто друг сербов и Сербии? – Единственный искренний и надежный друг сербов, который был и есть – это великая и мощная Россия. В чем же долг каждого серба? – Любить свое отечество и монарха и умирать за них, уважать своих друзей и ненавидеть врагов»¹⁷³.

Такой подход проявляет себя особенно контрастно в сравнении с другим – как раз *современным* – типом мышления. Иллюстрации ради, приведем диалог Владана Джорджевича (воспитанного в Европе и отнюдь не фанатика-радикала, вроде М. Джурича) с чешским национальным деятелем Франтишекком Ригером. На замечание Ригера о том, что «австрийское ярмо становится для чешского народа слишком тяжелым», собеседник задал естественный для *всякого* серба вопрос: «Почему же тогда чешский народ не сбросит его?». На что был получен характерный ответ: «Народ, у которого почти в каждом втором доме стоит пианино, не поднимает революций»¹⁷⁴. Перед нами – два наглядных проявления двух систем мышления⁴, когда вторая «стремится приспособить идеал к реальности», а первая – «осуществить на практике неосуществимый идеал»¹⁷⁵.

Кстати, о фортепиано. В 1898 г. (двадцать лет спустя после беседы Джорджевича и Ригера) в старой сербской столице Крагуеваце имелось одно-единственное пианино, принадлежавшее переселенцам из Срема¹⁷⁶. Музыкальные запросы сербов из королевства были иными – героические песни, исполняемые на гусях, помогали им усиливать «участие минувших поколений в современности». Современник так описал финал исполнения одной из них: «А когда дело дошло до Бука Бранковича, что выдал царя на Косове, и пропел ему певец: „Проклят будь и род его и племя!“ – „Проклят!“, крикнули все и повскачили с мест, как будто ища изменника, предавшего сербство»¹⁷⁷.

И, как вполне закономерный итог, – страна производит «впечатление какого-то полувоенного лагеря», что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении»¹⁷⁸. В результате – «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность»¹⁷⁹.⁴¹

⁴¹ Прошли десятилетия, но в мышлении одних и других опять же ничего не изменилось. В начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист писал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий... Многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо... но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом». В ответ на это, гость вспомнил о своей встрече с мэром города Праги, «когда он показывал

И, действительно, коллективный портрет серба второй половины XIX – начала XX в. вполне можно было подписать – *Homo Militans*¹⁸⁰, или «человек вечной войны», как его окрестили русские очевидцы¹⁸¹. Явления такого рода (*Humanitas Heroica*) свойственны культурам «пограничья», каковым издавна были Балканы, формируя своеобразную этику поведения и идеалы героизма. Характерными чертами «образцового» защитника своего этноса и культуры в условиях *иноцивилизационного* соседства являются те, которые объединены «драматизмом мученичества»¹⁸².

Именно здесь, как представляется, корни «популярности» войны у сербов⁴².

Поэтому-то, когда настала пора решающих схваток – во имя *отмщения Косова*, – они (словно доказывая мысль В.О. Ключевского, что «цементирующая сила – традиция и цель»¹⁸³), как один, пошли в бой, да так, что выдавшие виды русские дивились: «Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных». И в глазах провожающей сына матери «ни единой слезинки». В них только одно: «Напред, сине, с Богом!»¹⁸⁴⁴³.

Как и несколько лет спустя, во время Первой мировой войны, только сербская женщина, думается, могла написать сыну, оказавшемуся в австрийском плену: «Я все мыслю, что, если тебя все же пленили, то ты, наверное, был ранен и не мог защищаться. Но, сынок, если ты сдался сам и при том даже не был ранен, домой не возвращайся. Ты осрамишь наше село, которое возложило на алтарь отечества жизни восьмидесяти трех героев из ста двадцати, призванных в армию. Твой брат Милан погиб у Рудника. Должно быть, он был счастлив, когда видел, как его старый король стреляет из первых рядов»¹⁸⁵.

* * *

В заключение, возвращаясь к поставленному вопросу о степени «европейскости» Сербии, сошлемся на мнение Л.В. Кузьмичевой, которая с полным правом констатирует, что «неопределенность сроков решения задач расширения государственных границ (и *постоянная* готовность к тому. – *А.Ш.*) – это один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутрисоциальной жизни»¹⁸⁶.

Добавим лишь, что наиболее проницательным современникам такой диагноз был ясен сразу. Осенью 1880 г. П.А. Кулаковский делился с Ап. А. Майковым: «„Царство Душана не дает сербам спать“, – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим

народный банк, который обошелся чуть ли не в четыре миллиона франков. Я спросил, как может маленькая Чехия возводить такие дворцы, которые считались бы роскошью даже в России или во Франции. Он ответил, что положение России и Чехии несравнимо... Чешский крестьянин знает, что он окружен со всех сторон немцами, которые хотят задавить его самосознание, ему тяжело, его надо подбодрить. Вот и строятся дворцы для обслуживания народных нужд, чтобы показать народу его силу и мощь его единения. Каждая такая постройка есть новая крепость, она придает крестьянину веру в самого себя, в свои силы и укрепляет его дух» (*Комаров Г.В.* В Белград на Пасху // Русские о Сербии и сербах. С. 575).

⁴² Сербский историк Б. Глигориевич в книге о короле Александре Карагеоргиевиче привел свидетельство литератора Велько Петровича, который накануне балканских войн писал, что «Сербия возжелала войну, поскольку ее уже не было больше тридцати лет. За это время выросли новые поколения, уже не помнившие войны, но только слышавшие о ней от стариков. А в рассказах тех звучали и упреки молодым за недостаток патриотизма и слабость к западной культуре с ее комфортной жизнью без жертв» (*Глигоричевић Б. Крал*) Александар Карађорђевић. Београд, 2002. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. С. 76)... На эти упреки «новые поколения» сербов и ответили осенью 1912 и летом 1913 гг. Причем в чисто «традиционном» ключе – как завещали старики.

⁴³ В 1912 г. супруга российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига сообщала из Белграда в Москву: «Только что хоронили чиновника министерства иностранных дел Ковачевича, тело которого привезли в кусках из-под Куманова. Старик-отец перед прощанием обратился к сыну со словами: „Прощай, юнак, ты видишь, я не плачу, ступай с миром к престолу Всевышнего и скажи царям Душану и Лазарю, что Косово поле освобождено“. Это был единственный сын старика» (Центральный исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 31; *Козлов В.Ф.* Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX в. М., 2001. С. 51).

историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя; заставляет их больше мечтать и меньше делать... Как хотите, но это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно»¹⁸⁷.

Примечания

- 1 Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела С. Јовановића. Београд, 1990. Т. 7. С. 13–17. См. также: Рајић С. Владан Ђорђевић. Београд, 2007.
- 2 Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 163–166.
- 3 Там же. С. 12.
- 4 См., например: Младеновић Б. Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића // Нововековне српске династије у мемоаристици. (Зборник радова). Београд, 2007. С. 367–368.
- 5 Рукописно одељење Матице Српске (далее – РОМС). Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Заверенички разлози».
- 6 Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 326. См. также: Милићевић М. Реформа војске Србије... С. 21.
- 7 РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».
- 8 Милићевић М. Реформа војске Србије... С. 8, 59; Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 71.
- 9 Каљевић Љ. Моје успомене. Београд, 1908. С. 55.
- 10 РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Краљ Милан од Ивањданског атентата до смрти и непосредно после ње».
- 11 Там же. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».
- 12 Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 365.
- 13 Младеновић Б. Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића... С. 368.
- 14 Архив Српске академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Бр. 9327. Свеска XVI (2). Дневник Милана Милићевића (запись от 6 и 7 јула 1900 г.).
- 15 Там же... Подробнее о реакцији Милана Обреновича на помолвку сына см. Крстић П. Кнез и краљ Милан у мемоаристици // Историјски часопис. Београд, 2007. Књ. LIV. С. 207–208.
- 16 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 2861 (1900 г.). Л. 85 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 15/28 августа 1900 г.).
- 17 Там же. Л. 10 об. – 11 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 6 јула 1900 г.).
- 18 Там же. Л. 34 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 13/25 јула 1900 г.).
- 19 Там же. Л. 46 (В.Н. Ламздорф – П.Б. Мансурову. Петербург, 16 јула 1900 г.).
- 20 Charykow N. Glimpses of High Politics. Through War & Peace. 1855–1929. London, 1931. P. 232.
- 21 Поповић Н. Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 45.
- 22 Столић А. Краљица Драга Обреновић. Београд, 2009. С. 155–166.
- 23 Архив Србије (далее – АС). Фонд Стојана Новаковића. Бр. 1245 (М. Вујић – С. Новаковићу. Београд, 20. октобра 1901.). См. также: Војводић М. Петроградске године Стојана Новаковића (1900–1905). Београд, 2009. С. 25–26; Столић А. Краљица Драга Обреновић. С. 173–174.

- 24 АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 172 (С. Новаковић – Александру Обреновићу. Петроград, 12. новембра 1901.).
- 25 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. III (1901 г.). Л. 131 об. (Н.В. Чарыков – В.Н. Ламздорфу. Белград, 21. новембра 1901 г.).
- 26 Там же. Д. 495. Ч. II (1902 г.). Л. 51 (В.Н. Ламздорф – Н.В. Чарыкову. Петербург, 13. јуна 1902 г.).
- 27 Там же. Л. 161 (В.Н. Ламздорф – Н.В. Чарыкову. Петербург, 4. септембра 1902 г.).
- 28 Там же. Ф. Канцеларија. Д. 13 (1902 г.) Л. 397 (В.Н. Ламздорф – Н.В. Чарыкову. Петербург, 24. септембра 1902 г.).
- 29 См.: Столић А. Краљица Драга Обреновић. С. 175; Казимировић В. Црна рука. Крагујевац, 1997. С. 146.
- 30 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2861 (1900 г.). Л. 2.
- 31 Там же. Д. 492. Ч. III. Л. 11–12 об. (Б.Н. Евреинов – В.Н. Ламздорфу. Белград, 17. септембра 1901 г.).
- 32 Столић А. Краљица Драга Обреновић. С. 172–173.
- 33 Витте С.Ю. Воспоминания. Таллинн; М., 1994. Т. 2. С. 254.
- 34 См.: Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 37, 39, 45 (записи от 3, 6 и 20. фебруара 1894 г.).
- 35 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 496 (1902 г.). Л. 248 об. – 249 (Н.В. Чарыков – В.Н. Ламздорфу. Белград, 5. новембра 1902 г.).
- 36 См.: Војводић М. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 455–457.
- 37 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 499 (1903 г.). Л. 101 об.
- 38 РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».
- 39 См.: Шемякин А.Л. Убиение генерала Павловича. Как в Белграде расстреливали георгиевского кавалера // Родина. 2007. № 9. С. 67.
- 40 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. I (1903 г.). Л. 337.
- 41 Там же. Л. 367.
- 42 Семиз Д. Један руски савремени докуменат о 29. маја // Нова Европа. Књ. XVI. Бр. 7. 11. октобра 1927. С. 228; Вишняков Я.В. «Котел с расплавленным металлом». К чему привел сербов Майский переворот 1903 г. // Родина. 2003. № 10. С. 82.
- 43 Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 93 (запись от 25. децембра 1902 г.).
- 44 Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 30 (И.Н. Сысоев – В.П. Целебровскому. Белград, 4. јуна 1903 г.).
- 45 См.: Екмечић М. Аустро-Угарска обавештајна служба и Мајски преврат // Историјски часопис. Београд, 1985. Књ. XXXII. С. 141–168.
- 46 Казимировић В. Црна рука. С. 15–16.
- 47 См.: Један новинар (С. Протић). Политичка размишљања из историје наших дана // Дело. Београд, 1894.
- 48 Пироћанац М. Белешке / приред. С. Рајић. Београд, 2004. С. 292.
- 49 Поповић М. Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С. 282–283; Историја Српског народа. Београд. 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; Екмечић М. Стварање Југославије. Београд. 1989. Књ. 2. С. 546; Живојиновић Д. Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; Исти. Успон и пад српске идеје. Београд, 1995. С. 27; Исти. The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // Balcanica. Vol. XXXVI. Belgrade, 2006. P. 131, и др... Схожие оценки популярны и в мировой литературе. См., например: Dragnich A. Serbia, Nikola Pasic and Yugoslavia.

Rutgers University Press. New Branswick, New Jersey, 1974. P. 70; Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 20–22; *The Serbs and their Leaders in the Twentieth Century*. Ashgate Publishing Limited. Aldershot, Brookfi eld, 1997. P. 2; Павловић С. Србија. Историја иза имена. Београд, 2004 (перевод с английского оригинала). С. 98, и др.

50 Протић М. Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата. Београд, 1990. С. 137... Весьма близкое мнение содержится и в: Dragnich A. *The Development of Parliamentary Government in Serbia*. New York, 1978. P. 106.

51 См.: Батаковић Д. Успомене Панте Драшкића у српској мемоарској литератури // Драшкић П. Мемоари / приред. Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19; Љушић Р. Милан Обреновић // Љушић Р. Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С. 142; Нова историја Српског народа. Београд; Лозана, 2000, и др.

52 Троицкий Л.Д. Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 526.

53 Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 337.

54 Троицкий Л.Д. Балканы и Балканская война... С. 510.

55 Мале А. Дневник са српског двора. 1892–1894 / прев. и приред. Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 204.

56 Дарам М. Кроз српске земље (1900–1903) / прев. и погов. написао В. Милановић. Београд, 1997. С. 140.

57 Тодоровић П. Крвава година / приред. Л. Перовић. Београд, 1991. С. 90.

58 См.: Протић М. Српске политичке странке после уједињења (1918–1919)... С. 137; Нова историја Српског народа. С. 188, и др.

59 Љушић Р. Политичке генерације у Србији // Српске политичке генерације. 1788–1918. Београд, 1998. С. 9–35; Столић А. Страначка генерација 1878–1903 // Там же. С. 105–113.

60 Stokes G. *Politics as Development. The Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia*. Durham; London, 1990. P. 201.

61 См.: Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1926. Књ.1. С. 25; Протић М. Успон и пад српске идеје. С. 109; Вебер А. Идеи к проблемам социологије државе и културе // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. М., 1999. С. 86–89.

62 Stokes G. *Politics as Development*... P. 297; Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада. XVII–XX века. М., 1995. С. 66.

63 АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 548. Л. 1.

64 О реформаторској дејателности напредњакaв поdrобнее см.: Petrovich M.B. *A History of Modern Serbia. 1804–1918*. New York; London, 1976. Vol. 2. P. 416; Трифуновић М. Историја

Радикалне странке (Од постанка до 1903.). Београд, 1995. С. 84; Батаковић Д. Србија на Западу: о француским утицајима на политички развој модерне Србије // Сустрет или сукоб цивилизација на Балкану. Београд, 1998. С. 317; Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998. С. 59; Шемјакин А.Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. М., 2000. С. 228–255; Перовић Л. Милан Пироћанац – западњак у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Београд, 2003. Књ. 3. Улога елита. С. 11–72.

65 Овсянный Н.Р. Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.

66 Лавелэ Э. де. Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 1. С. 204.

67 Павловић С. Србија. Историја иза имена. С. 86.

68 Поdrобнее об этом см.: Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 10; Шемјакин А.Л. Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деце-

нији независности // Српска политичка мисао. 1997. Бр. 1–2; Деспотовић Љ. Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови-Сад, 2003. С. 193.

69 См.: Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Књ. 3; Шемякин А.Л. Никола Пашич и русские социалисты в Цюрихе (1868–1872) // Токови историје. Београд, 1997. Бр. 1–2; Трговчевић Љ. Планирана елита. Београд, 2003.

70 Об идеологии Радикальной партии подробнее см.: Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Књ. 3; Поповић-Обрадовић О. О идеолошком профилу радикала 1903–1914. // Токови историје. 1994. Београд, 1995. Бр. 1–2. С. 59–76; Мијатовић Б. Основни погледи напредњака и радикала током 80-их година XIX века // Српска политичка мисао. 1996. Бр. 1–4. С. 241–259; Шемякин А.Л. Идеологија Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; Мишкова Д. Сърбският радикализъм през XIX в.: страници от историята на балканския популизъм // Токови историје. Београд, 1999. Бр. 1–4. С. 36–68; Деспотовић Љ. Српска политичка модерна...; Стојановић Д. Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003.

71 АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615–1–27.

72 См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 116–122.

73 Шемякин А.Л. Идеологија Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). С. 165–167.

74 Јанковић Д. Рађање парламентарне демократије. Политичке странке у Србији XIX века. Београд, 1997. С. 428.

75 Медушевский А.Н. Проблемы современной демократии // Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 11.

76 Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. С. 120.

77 Тодоровић П. Огледало. Знаке из прошлости / приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 206.

78 Подробнее о функционировании «радикального режима» в 1889–1892 гг. см.: Шемякин А.Л. Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81.

79 См.: Поповић-Обрадовић О. Идеја и пракса уставности у Србији 1869–1914: између либералне и народне државе // Русија, Србија, Црна Гора. Хелсиншке свеске. Београд, 2000. С. 43; Шемякин А.Л. Традиционно общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) СПб., 2004. С. 33–35; Стојановић Д. Србија и демократија... С. 322–347; Иста. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 133.

80 Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији... С. 48.

81 Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије... С. 130–132.

82 Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф. 572. Д. 44. Л. 27 об. (Белград, 3 марта 1882 г.).

83 Крстић Н. Дневник. Јавни живот. IV / приред. М. Јагодић. Београд, 2007. С. 267 (запись от 12 ноября 1895 г.).

84 РОМС. Бр. М.14.045. Ђорђевић В. Успомене: културне скице из XIX века. Књ.3. «У војсци». XI.

85 См.: Маријан В. Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији. Београд, 1996.

86 Антић Ч. Кратка историја Србије. Београд, 2004. С. 83.

87 Подробнее об этом см.: Трифуновић М. Историја Радикалне странке (Од постанка до 1903.). С. 198–200.

- 88 См.: Марковић С. Гроф Чедомил Мијатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.
- 89 Николајевић Д. Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.
- 90 Новаковић С. Бугарско-српски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Мемоарски листићи. Београд, 1907. С. 2.
- 91 Троцкий Л.Д. Балканы и Балканская война... С. 510.
- 92 См.: Вуксановић-Анић Д. Са капетаном д'Ормесоном 1877. 22 дана у двоколицама кроз Србију. Београд, 1980. С. 34.
- 93 Вейнберг Е. Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. С. 473.
- 94 АСАНУ. Бр. 12877. См. также: Жујовић Ј. Дневник / приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1. С. 246.
- 95 Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 1941. 20. јануар. Бр. 1144.
- 96 Тимочка буна 1883. Грађа / приред. Д. Тодоровић и Љ. Поповић. Београд, 1986. Т. VI. С. 154 (документ 899).
- 97 Приватни живот код Срба у деветнаестом веку / приред. А. Столић и Н. Макуљевић. Београд, 2006. С. 74.
- 98 Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelomu vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006. S. 393.
- 99 Лафан Р. Срби – чувари капије. Предавања о историји Срба. Београд, 1994. С. 271.
- 10 °Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије... С. 130.
- 101 Жујовић Ј. Дневник. Т. 1. С. 226.
- 102 Јовановић С. Осећање правде у динараца // Јовановић С. Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С. 43.
- 103 Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872–1891) / приред. Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 333.
- 104 См.: Поповић-Обрадовић О. Политичке странке и избори у Краљевини Србији 1903–1914. Прилог историји страначког плурализма // Србија у модернизацијским процесима XIX–XX вв. Београд, 1994. С. 333–348.
- 105 Там же. С. 344; Стојановић Д. Србија и демократија... С. 300.
- 106 Нова историја Српског народа. С. 189.
- 107 АСАНУ. «Pasic collection». Бр. 14924/22.
- 108 Стојановић Д. Србија и демократија... С. 259–267.
- 109 Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији... С. 425.
- 110 Троцкий Л.Д. Балканы и Балканская война... С. 517.
- 111 См.: Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 191–196.
- 112 Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији... С. 422.
- 113 Никифоров К.В. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3. С. 10.
- 114 Вебер А. Идеи к проблемам социологии государства и культуры... С. 91.
- 115 Крстић Н. Дневник. Јавни живот. IV. С. 262 (запис от 17 септембра 1895 г.).
- 116 Велмар-Јанковић В. Поглед са Калемегдана. Оглед о београдском човеку. Београд, 1992. С. 101.
- 117 АСАНУ. Бр. 10133. Стојановић К. Слом и васкрс Србије. С. 231.
- 118 Казимировић В. Црна рука. С. 151.
- 119 Подробнее о кризисе в англо-сербских отношениях см.: Растовић А. Велика Британија и Србија. 1903–1914. Београд, 2005.

- 12 °См.: Владе Србије (1805–2005). Београд, 2005. С. 201–214.
- 121 Ђорђевић Д. Парламентарна криза у Србији 1905. године // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 158.
- 122 Подручје об историји тајној организацији «Црна рука» см.: Казимировић В. Црна рука; Вишняков Ј.В. Балкани: хватка «Црној руци» // Војно-историјски журнал. 1999. № 5. С. 34–47.
- 123 Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука» // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1997. С. 316–317.
- 124 Љушић Р. Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. С. 223; Жујовић Ј. Дневник. Т. 1. С. 179–186.
- 125 Цит. по: Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С. 316–317.
- 126 Вишняков Ј.В. Мајски преворот 1903 г. и развој српске државности // Двести лет новой српске државности. С. 210.
- 127 Цит. по: Винокуров В.С. Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.). СПб., 2006. С. 251.
- 128 Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С. 318.
- 129 Жујовић Ј. Дневник. Београд, 1986. Т. 2. С. 32.
- 130 Вучковић В. Унутрашње кризе Србији и Први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 188.
- 131 Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ.2. С. 352.
- 132 Терзић С. Јован Ристић и «заветна мисао српска» (1868–1876) // Историјски часопис. Београд, 1987. Књ. XXXIV. С. 281.
- 133 Цит. по: Игњић С. Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 156.
- 134 Цит. по: Митровић Ј. Никола Пашић о основним питањима унутрашње и спољне политике Србије после Сливнице // Историјски гласник. Београд, 1971. Бр. 1. С. 128.
- 135 В «пороховом погребу Европе». 1878–1914. М., 2003. С. 375.
- 136 Там же. С. 379.
- 137 Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије. 1906–1911. Београд, 1962. С. 270; Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Књ. 2. С. 70.
- 138 В «пороховом погребу Европе»... С. 381–382.
- 139 Казимировић В. Никола Пашић и његово доба... Књ. 2. С. 105.
- 14 °См. Епанчин Н.А. На служби три императора. М., 1996. С. 345; Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Кн. 1. С. 477–479; Поповић Д. Пашић и Русија (Из мојих личних сећања) // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1937. Књ. XLVI. С. 144; Раденковић Ђ. Пашић и Србија. Београд, 1997. С. 445.
- 141 Кузьмичева Л.В. Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равноправности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб., 2007. С. 361.
- 142 В «пороховом погребу Европы»... С. 382.
- 143 Подручје о закључењу србо-болгарског сојузног договора од 13 марта 1912 г. см.: Ђорђевић Д. Милован Миловановић. Београд, 1962.
- 144 Троцкий Л.Д. Балкани и Балканска војна... С. 508.
- 145 Подручје о невыполнении болгарскими условиями договора см.: Степанова Е.А. Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 157–169.
- 146 Шtrandман В. Балканске успомене. Београд, 2009. С. 195.

- 147 Пастухов А. Балканская война 1912–1913 гг. // Малые войны первой половины XX века. Балканы. М.; СПб., 2003. С. 283–284.
- 148 Барби А. Српске победе. Београд, 1913. С. 11–12; Штрандман В. Балканске успомене. С. 195.
- 149 Цит. по: Милошевић К. Од савезништва до непријатељства. Србија у Балканским ратовима 1912–1913. Београд, 2007. С. 38.
- 150 Мартынов Е.И. Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. С. 556.
- 151 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348 (Табурно И.П. Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах. С. 9–10).
- 152 Мартынов Е.И. Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца... С. 558.
- 153 Амфитеатров А.В. Славянское горе // Русские о Сербии и сербах. С. 466.
- 154 Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић. Београд, 2002. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. С. 75.
- 155 Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302. См. также: Радојевић М. Научник и политика. Политичка биографија Божидара В. Марковића (1874–1946). Београд, 2007. С. 78.
- 156 Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања... С. 302–303; 306.
- 157 Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы // Русские о Сербии и сербах. С. 371.
- 158 См.: Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 330–331.
- 159 Цит. по: Исић М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 78.
- 160 Ровинский П.А. Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 90.
- 161 Димитријевић Л. Како наш народ живи. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893. С. 24–25.
- 162 Ђорђевић Д. Српско друштво 1903–1914. // Марксистичка мисао. Београд, 1985. Бр. 4. С. 126.
- 163 Екмечић М. Стварање Југославије... Књ. 2. С. 67.
- 164 См.: Ђорђевић Ж. Земљишни минимум и земљишни максимум као ограничења развоја Србије у ново доба // Србија у модернизацијским процесима XIX–XX вв. С. 113–121.
- 165 Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. С. 348.
- 166 Вольский Ст. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. С. 538.
- 167 Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 230.
- 168 Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 610.
- 169 Ровинский П.А. Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. ... С. 109.
- 170 Кожухов А.Н. Сербия и сербы // Русские о Сербии и сербах. С. 585.
- 171 Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. С. 74–75.
- 172 Цит. по: Поповић-Обрадовић О. Војна елита и цивилна власт у Србији 1903–1914. године // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита. С. 204.
- 173 Катехизис за народ српски // Златибор. Народни лист. Ужице. 17 априла 1888 г. Бр. 17.
- 174 РОМС. Бр. М.14.045. Ђорђевић В. Успомене: културне скице из XIX века. Књ.3. «У војсци». XXVIII.

- 175 Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера СПб., 2000. С. 142.
- 176 Каниц Ф. Србија. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ. 1. С. 301.
- 177 Ровинский П.А. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. ... С. 92.
- 178 Там же. С. 109.
- 179 Ровинский П.А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II ... С. 74–75.
- 180 О происхождении этого термина и его изначальном значении см.: Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 154–155.
- 181 Ровинский П.А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II ... С. 75.
- 182 См.: Angyal E. Swiat slowian'skiego baroku (перевод с венгерского оригинала на польский язык). Warszawa, 1972. S. 327–331.
- 183 Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67.
- 184 Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 23, 28.
- 185 Цит. по: Лафан Р. Срби – чувари капије... С. 275.
- 186 Кузьмичева Л.В. Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв. К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76. 187 ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 8–8 об. (П.А. Кулаковский – Ап. А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

Глава 2

Черногория

Экономические проблемы и административная реформа. Многие процессы, протекавшие в начале XX в. в Черногорском княжестве, имели, с одной стороны, общий для Балканского полуострова характер, а с другой, были окрашены в особые тона, не свойственные ни одной стране региона или Европы в целом. Специфика исторического развития Черногории связана с ее племенным укладом, который в начале XX в. все еще давал о себе знать. Несмотря на то, что страна втягивалась в экономические связи с соседями, она по-прежнему была довольно замкнута и изолирована от развитых держав. Только после Берлинского конгресса исчезли внешние препятствия, мешавшие модернизации черногорского общества. 70-90-е годы XIX в. стали временем, когда война не отвлекала силы от мирного строительства, а международную ситуацию можно было назвать почти благоприятной. За этот период княжество заметно продвинулось вперед в экономическом и государственно-политическом отношении, но тогда же определились проблемы, без успешного решения которых нельзя было добиться процветания Черногории.

В экономике это были задачи подъема сельского хозяйства и обеспечения страны продовольствием, развития ремесла и промышленности, которых фактически не было до освобождения, создания полноценной финансовой системы, включая введение национальной валюты для развития торговли. В государственном строительстве нужно было заниматься созданием эффективного управленческого аппарата, для него требовались квалифицированные кадры. В социальной сфере самой острой была проблема бедности. Очень низкий материальный уровень жизни черногорцев накладывался на почти поголовную безграмотность и неразвитую систему образования, на отсутствие необходимой медицинской помощи. Наконец, в последней трети XIX в. черногорское государство должно было переключиться с прежнего внешнеполитического курса, суть которого борьба за свободу, на новый, обеспечивающий мирное сотрудничество с соседними странами. Сделать это было нелегко из-за того, что Османская империя и Австро-Венгрия в той или иной мере продолжали угрожать суверенитету молодых государств региона. С этим багажом княжество вступило в XX век.

В 1909 г. в Черногории проживало около 222 тыс. жителей, из них только 15,57 % в городах, сельское население абсолютно преобладало¹. В аграрном секторе в начале XX в., несмотря на интеграцию вновь присоединенных к княжеству областей и перераспределение скудного земельного фонда (от турок-землевладельцев к черногорцам), дела шли тяжело. Из-за неурожаев и примитивной техники обработки пашен 1900, 1903, 1904, 1911, 1913 годы были голодными². Княжеское правительство заключало займы за границей, пыталось вести общественные работы, чтобы дать возможность заработать голодающим. Сами черногорцы выход из ситуации видели в эмиграции, которая приобрела широкий размах.

Попытки интенсификации сельского хозяйства в начале XX в. были очень скромными. В 1909 г. сдвинулось с мертвой точки строительство мелиоративных сооружений в окрестностях Скадарского озера. Болотистую местность предстояло осушить, и сделать пахотными 4 тыс. гектаров земли³. Работой руководил российский военный инженер Болотов, которому пришлось приложить максимум усилий, чтобы преодолеть и сопротивление турецких пограничных властей, и непонимание со стороны черногорских чиновников, не столько помогавших, сколько мешавших ходу строительства. Этот проект был единственным крупным начинанием черногорской администрации в земледелии. В другой аграрной отрасли, скотоводстве, также был застой. Традиционно черногорцы торговали скотом с соседями, турками и австрийцами. Однако на приграничную торговлю влияла политическая ситуация. Австрийские чинов-

ники нередко чинили помехи старинным связям, давая понять княжескому правительству, насколько все зависит от расположения Австро-Венгрии. Это заставило черногорцев искать выходы на другие рынки, находить покупателей во Франции и Италии.

Но все же самыми уязвимыми местами черногорской экономики являлись ремесло и промышленность. Несмотря на то, что в начале XX в. относительно быстро развивались Цетинье, Даниловград, Подгорица и другие городские поселения, их было трудно назвать ремесленно-промышленными центрами. Большая часть жителей, по-прежнему, пренебрежительно относилась к ремеслу и рабочим профессиям. Старинные предрассудки мешали малообеспеченным горожанам искать применения своим силам в ремесленных мастерских и на фабриках, этим, по мнению черногорцев, должны были заниматься представители других народов. Для себя они считали престижным только военную профессию или чиновничью должность. Вместе с тем ремесленник или квалифицированный рабочий мог обеспечить своей семье сносное существование, а чиновник нижнего ранга или младший офицер должен был жить на очень скромное жалование, которое часто не выплачивали в срок. Тем не менее, черногорцы отказывались на родине заниматься тем, чем они поголовно занимались в эмиграции – наемным фабричным трудом. В самом княжестве промышленные предприятия были малочисленными и небольшими. Пивоваренный завод в Никшиче, табачная фабрика в Подгорице, несколько паровых мельниц и лесопилен не играли определяющей роли в хозяйственной жизни страны.

Власти Черногории, не располагая капиталами, которые можно было направить на подъем промышленности, постарались привлечь иностранные инвестиции. В первую очередь надеялись на российских предпринимателей, но эти надежды не оправдались из-за отдаленности черногорских рынков от России. Ближайшим партнером могла стать Австро-Венгрия, однако австрийцы рассматривали Черногорию только в качестве места сбыта своих собственных промышленных товаров. Единственный сосед, пожелавший вложить деньги в черногорское хозяйство – Италия. В начале XX в. итальянцы выразили готовность построить железную дорогу от Вирпазара до Бара. Одновременно в Баре шло строительство портовых сооружений. К 1906 г. было налажено регулярное морское сообщение между Италией и Черногорией. Железная дорога и порт стали приносить итальянцам солидные доходы⁴.

За свои услуги итальянцы попросили у черногорского князя Николы Петровича передать им концессию на монопольное производство и реализацию всего черногорского табака. Князю было обещано, что скоро будет выстроена большая табачная фабрика, которая даст работу нуждавшимся и увеличит поступление денег в черногорскую казну. В результате синдикат Дж. Вольпи получил право монопольно устанавливать цены на производимый в княжестве табак. Эти цены были такими разорительными, что многие черногорцы предпочитали уничтожить выращенный табак, чем за бесценок сдать его синдикату. Наряду с пассивной формой протеста имели место и активные действия, потасовки и физические расправы. При этом оказалось, что член княжеского правительства, министр финансов Л. Миюшкович, назначенный посредником между итальянцами и черногорцами, был заранее введен хозяевами синдиката в административный совет компании. Подкупались и местные власти. Российский дипломат П.А. Лобачев сообщал, что «дельцы-итальянцы... покупая табак у какого-нибудь главаря, оплачивают его гораздо выше, чем табак, получаемый от простого черногорца»⁵. То, с каким особым рвением чиновники грозили нарушителям монополии штрафами и арестами, наводило на мысль о коррупции. К тому же спустя несколько лет выяснилось, что обещанные прибыли так и не поступили в казну. Княжеское правительство сочло, что слишком доверчиво отнеслось к итальянским партнерам и из-за неопытности не смогло составить концессионный договор так, чтобы в любом случае защитить свои интересы⁶.

Несомненной заслугой князя Николы и его администрации можно считать быстрое дорожное строительство, без которого невозможно было поднимать экономику. К началу XX в.

было построено 464 км дорог. Развитие транспортной сети способствовало оживлению внутренней торговли, в 1907 г. основано крупное по меркам Черногории акционерное торговое общество в Никшиче, обороты которого ежегодно возрастали. Однако складывалась парадоксальная ситуация, когда в черногорских городах царила дороговизна, трудно было купить самое необходимое, а сельские жители не желали поставлять в города свою продукцию, например, мясо и молоко⁷. Дело было в патриархальных взглядах, в предубеждении против мирного труда и торговли, которые веками в воинственной стране считались занятием второго сорта.

Власти старались развивать и международную торговлю, заключив торговые договоры со многими странами, но большей частью эти соглашения оставались на бумаге. Не совсем удачной, по мнению современников, была таможенная политика властей, так как установленные по иностранным образцам тарифы не столько поощряли, сколько стесняли черногорских купцов. К тому же тарифы постоянно росли, влияя на рост внутренних цен, и без того высоких. Покупательская способность простых черногорцев, напротив, почти не увеличивалась. Население было вынуждено нарушать установления правительства. В начале XX в. наблюдался рост контрабандной торговли⁸.

Торговая и таможенная политика была неразрывно связана со становлением собственного денежного обращения. Еще в конце XIX в. в стране ходили иностранные, в основном, австрийские деньги. Долгое время Австро-Венгрия мешала черногорцам узаконить собственную валюту, но князь Никола проявил настойчивость и добился заключения в 1911 г. монетарной конвенции, по которой австрийцы признали право использовать черногорскую валюту на рынках империи⁹. Правда, австрийцы пытались подорвать ее курс, скупая черногорские золотые монеты и переливая их в собственные деньги, но в 1912 г. (последний мирный год для Черногории) денежный курс королевства оставался относительно стабильным. Усилия властей в этой сфере способствовали возникновению банков и сберегательных обществ в Цетинье, Подгорице, Никшиче и других городах.

Если хождение национальной валюты хоть и с трудом, но удалось наладить, то проблема улучшения финансового положения страны и избавления от огромного внешнего долга оказалась непосильной. К началу XX в. положение в финансовой сфере было катастрофическим. Российский министр-резидент К.А. Губастов доносил в Петербург: «Все решительно, начиная с княжеской семьи и до последнего писаря, живут в долг, не платя ни одного, даже самого ничтожного счета... Мне трудно даже представить... картину того, неподдающегося описанию бедственного положения, в котором находятся в настоящее время здешние финансы»¹⁰. Поскольку доходы княжества складывались, в значительной степени, из российских субсидий, российскому министерству финансов пришлось командировать в Черногорию специалиста, который должен был разобраться в причинах этого кризиса. Выводы, сделанные инспектором из России, сводились к тому, что в княжестве не было бюджета, единой кассы и эффективного контроля за тем, как тратятся деньги. Министерство финансов Черногории, в сущности, не управляло этой сферой, а просто выполняло приказы князя Николы, который расходовал гораздо больше, чем позволяли доходы страны. Наделав немало долгов, черногорский двор был вынужден действовать по такой схеме: когда подходил срок выплаты процентов по займам, а денег в казне не было, срочно заключался новый заем, часто на самых тяжелых условиях. Текущие проценты погашались, но общая сумма долга стремительно росла.

По настоянию России в 1901 г. началась финансовая реформа, был издан закон о государственном бюджете, в котором говорилось не только о принципах расходования средств, но и об условиях получения кредитов. Также был принят закон о Главном государственном контроле, обязанностью которого было наблюдение за исполнением бюджета. Однако практика осталась прежней, княжеское семейство продолжало бесконтрольно залезать в казну. По утверждению

тогдашнего министра финансов Черногории Л. Миошковича, в 1903 г. на содержание двора ушла четверть всех государственных средств¹¹.

Финансовые трудности стали настолько очевидными, что дело дошло до неслыханного. Из отдаленных областей к князю пришла делегация старейшин, задавших убийственный вопрос: почему в стране постоянно нет денег и происходят задержки жалования чиновникам, если народ исправно и вовремя платит немалые налоги?¹² Еще более остро встал этот вопрос в первой черногорской Скупщине, отправившей в отставку правительство и вскоре распущенной князем. Скупщина успела внести поправки в закон о бюджете и постаралась ужесточить финансовую дисциплину, но не смогла принципиально изменить ситуацию. До начала Первой мировой войны закон о бюджете постоянно нарушался, внешние долги росли, казна оставалась пустой.

В 1902 г. князь Никола собрал в своем дворце крупнейших чиновников и старейшин, также были приглашены иностранные представители. Монарх торжественно объявил о начале «государственных реформ», после чего были приняты законы о Госсовете, Совете министров, Великом суде, порядке престолонаследия, государственной службе, налогах и сборах, госбюджете, Главном государственном контроле и др. Строго говоря, в это время перестройка госорганов уже шла полным ходом. Началась исключительно важная для Черногории административная реформа, которая должна была покончить с остатками племенного сепаратизма. Вместо старых племенных границ вводилась новая система управления на местах, в основе которой лежало деление страны на области и округа, а самыми мелкими административными единицами становились города и села. Во главе области стоял губернатор, округа – капетан (окружной начальник). В города князь назначал градоначальников, а в селах выбиралась общинная управа. Реформа местного управления оказалась удачнее всех прочих начинаний правительства, но не покончила с племенными различиями окончательно.

Одновременно с органами управления менялась судебная система страны. Создавались областные и окружные суды, высшей судебной инстанцией стал Великий суд, состав которого полностью зависел от князя¹³. К тому же, черногорский правитель часто вмешивался в полномочия судебных органов, лично пересматривал те или иные вопросы, по которым уже было вынесено решение в установленном законом порядке. Понятно, почему многие не доверяли суду и были уверены, что все будет так, как скажет князь. Патриархальный патерналистский взгляд на правосудие, свойственный черногорцам, подрывал доверие к только что реформированной судебной системе. В эти же годы под руководством российских офицеров шла военная реформа, цель которой состояла в том, чтобы превратить народное ополчение в современную армию¹⁴.

Не успела страна привыкнуть к новым органам власти и управления, как княжество сделало еще один шаг вперед. 18 октября 1905 г. было объявлено о введении конституционного строя. Готовясь к этому, князь Никола поручил некоторым членам правительства изучить сербские конституционные акты. 19 октября был опубликован специальный избирательный закон. 14 ноября 1905 г. прошли выборы в своего рода учредительное собрание, особую скупщину, которая должна была одобрить дарованную монархом конституцию. Во время работы скупщины некоторые депутаты выразили определенное недовольство положением дел в княжестве и сделали попытку обсудить текст основного закона, но князь решительно воспротивился этим попыткам. 6 декабря 1905 г. октроированная конституция вступила в силу.

Черногория провозглашалась наследственной конституционной монархией. Князь обладал высшей властью, неприкосновенностью, никому не подчинялся и не должен был давать отчет в своих действиях (ст. 2). Он объявлялся верховным главнокомандующим (ст. 5), представлял Черногорию на международной арене (ст. 7), назначал и смещал членов высших органов власти (ст. 8). Несколько статей конституции определяли правовой статус членов

княжеской семьи. Законодательную власть монарх делил с парламентом, из которого все законопроекты должны были поступать на утверждение к князю, ему же принадлежало право обнародовать законы. Князь собирал и распускал скупщину, которую предстояло выбирать каждые четыре года (ст. 17, 42, 43). Вводились прямые выборы, каждая административная единица имела право прислать в парламент одного депутата. В выборах принимали участие все совершеннолетние мужчины, независимо от размера уплачиваемого налога (ст. 46, 47, 48). Пассивное избирательное право было таким: депутатом мог быть только подданный Черногории, достигший 30 лет, постоянно проживающий в стране и выплачивающий определенную сумму налога (ст. 53). Кроме выбранных народом депутатов, в скупщине должны были заседать главы трех конфессий княжества (митрополит, муфтий, архиепископ), члены Госсовета, председатели Великого суда и Главного государственного контроля, а также три названных князем военачальника (ст. 43–45). Видимо, эти высокопоставленные лица, введенные в скупщину «по положению», должны были компенсировать отсутствие в черногорском парламенте верхней палаты. Князь имел право отложить созыв скупщины, но не больше, чем на три месяца; мог досрочно распустить парламент. В вопросах, связанных с государственной безопасностью, князь располагал особыми полномочиями. Он мог лично принять решение, имеющее силу закона, если скупщина распущена или еще не собралась. Работа скупщины заключалась, главным образом, в формировании бюджета и налогообложения (ст. 75, 77). Если скупщина распускалась до принятия нового бюджета, автоматически продлевалось действие прежнего¹⁵.

В конституции 1905 г. говорилось не только об избирательных правах населения, но и о неприкосновенности жилища, свободе слова, отмене цензуры, тайне переписки, праве на проведение собраний и создание общественных организаций, о праве граждан подавать петиции. Объявлялась свобода всех вероисповеданий и защита всех религий (ст. 6). Привлечение к уголовной ответственности могло производиться только на основании закона. Вводилась презумпция невиновности и состязательный судебный процесс. Уголовное наказание должно было назначаться только в строгом соответствии с законом. Смертная казнь отменялась, исключение делалось только для военных преступников и тех, кто станет покушаться на жизнь князя и членов его семьи (ст. 196–199, 200, 201 и др.). В целом, эта конституция вполне соответствовала духу октроированных европейских конституций второй половины XIX – начала XX вв., ее можно сравнить, например, с Основными государственными законами Российской империи 1906 г.

Политическая борьба. В начале 1906 г. шла подготовка к выборам в первую законодательную скупщину. В стране еще не было политических партий, которые могли бы предложить избирателям предвыборные программы. Поэтому правительство стало использовать газету «Уставност» («Конституционность»), на страницах которой разъяснялись основы конституционного порядка. Там же имитировались политические споры с несуществующей оппозицией, таким образом черногорцы приучались к мысли о необходимости принимать участие в политической жизни княжества. При этом правительство предполагало, что народ полностью его поддерживает и одобряет. Однако это заблуждение быстро исчезло.

В сентябре 1906 г. в Никшиче представители немногочисленной черногорской интеллигенции начали выпускать газету «Народна мисао» («Народная мысль»), которая стала настоящим, а не вымышленным оппонентом правящей элиты. Редколлегия «Народной мысли» обращала внимание читателей не только на просчеты и упущения властей, но и на то, что, не дождавшись открытия парламента, правительство наспех приняло несколько важных законов (например, о деятельности итальянских компаний), серьезно затрагивавших интересы населения. То есть, «Народная мысль» стремилась укрепить авторитет будущего парламента и заставить избирателей ответственно подойти к вопросу о том, кто достоин чести работать в

законодательном органе. По мнению современников, сравнивших два издания, интереснее и содержательнее выглядела «Народная мысль»¹⁶.

Появившейся критикой встревожился сам князь Никола. Он совершил поездку в Никшич и соседние населенные пункты, выступил перед народом и призвал «не поддаваться наущениям недовольных; пуше всего остерегаться школьных учителей, литераторов и журналистов, и горячо советовал производить выборы из сословия чиновного – блюстителя законности и порядка, и военного – носителя боевой славы страны и оплота ее безопасности»¹⁷. Такие же поездки предприняли члены правительства.

14 сентября 1906 г. прошли выборы в парламент. Из 67 депутатов почти три четверти оказались действующими или бывшими чиновниками. Казалось, скупщина будет послушным инструментом в руках исполнительной власти. Но социально-экономическая и политическая ситуация в княжестве была настолько тяжелой, что даже этот социально однородный депутатский корпус оказался расколотым на два враждебных политических лагеря – сторонников и противников правящего режима.

Начало работы первого полноценного черногорского парламента совпало по времени с судебным разбирательством, которое затеяло правительство против черногорских студентов, обучавшихся в Сербии. Молодые люди позволили себе опубликовать брошюру, в которой содержалась острая критика действий официальных властей, обвинения в коррупции и злоупотреблениях. Ход судебных заседаний ярко описан П.А. Ровинским, который показал, как удачно студенты построили свою защиту, зачитав на процессе выдержки из писем члена действующего кабинета, в которых выражения и оценки были еще резче, чем в студенческом памфлете. Неприятным для обвинителей обстоятельством было и то, что открывшаяся скупщина получила много обращений из-за границы, от черногорских студентов, учившихся в разных европейских странах, но требовавших одного и того же – полного оправдания авторов брошюры. Суду пришлось ограничиться формальным выговором и отпустить обвиняемых. Их встретила толпа сочувствовавших, которые устроили манифестацию под окнами княжеского дворца. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Да здравствует правосудие!», «Да здравствует князь!». А монарху пришлось выйти к народу и провозгласить: «Да здравствует молодежь!»¹⁸.

Этот эпизод показал, до какой степени накалились политические страсти в стране еще до того, как скупщина приступила к обсуждению животрепещущих проблем. Также этот случай характеризует князя Николу, как опытного и хитроумного политика, умевшего даже поражение делать своей победой.

Скупщина с первых дней работы продемонстрировала свой решительный настрой. С одной стороны, она подвергла сокрушительной критике действия министров и отправила кабинет в отставку. С другой, некоторые депутаты заговорили о необходимости уточнить ряд положений конституции. Они не соглашались со статьями, разрешавшими заседать в парламенте неизбранным лицам, а также настаивали на том, что членами правительства должны быть люди, пользующиеся поддержкой скупщины, а значит, народа. Как видим, идея ответственного кабинета буквально витала в воздухе, хотя и не была облечена в точную юридическую формулировку. В ходе парламентских прений зародилась первая политическая партия Черногории, которая стала называть себя Народной (Народна странка). Сторонники партии основали самый первый политический клуб (парламентскую фракцию) в княжестве, за что в народе были прозваны «клубаши».

Процесс партийного строительства Народной партии оказался нелегким, так как в ее рядах оказались очень разные политики. Одни когда-то уже были министрами и оказались в отставке по различным причинам. Резко критикуя кабинет, эти люди забывали, что сами в свое время поступали также. Они не гнушались обманом, спекулировали на том, что якобы только им будет оказана российская помощь, по словам российского министра-резидента П.В.

Максимова, умышленно разжигали страсти¹⁹. Скупщина и Народная партия для этих деятелей были только инструментом борьбы за власть в личных целях.

Другие сторонники партии – это учителя, литераторы и журналисты, против которых был так настроен князь Никола. Отличительной чертой таких депутатов была искренняя вера в возможность демократического развития Черногории, в силу народного представительства, в нерушимость конституционных свобод. Именно эти члены Народной партии настояли на проведении парламентского расследования злоупотреблений правительства. Они же сформулировали основные положения политической программы Народной партии, опубликованной в газете «Народная мысль». Программа имела демократический характер, в ней содержались требования подъема экономики и улучшения жизненного уровня населения за счет реформ сельского хозяйства и финансов, развития общинного самоуправления, народного начального и профессионального образования. Во внешней политике Народная партия выступила за прочную дружбу с Россией и Сербией. Несмотря на преследования, которым «клубаши» подвергались с 1907 г., партия постоянно совершенствовала свою программу, включая в нее новые актуальные задачи, например, борьбу против повальной эмиграции и оттока из страны самых молодых и энергичных сил.

Вторая политическая партия, появившаяся чуть позже, стала называть себя Истинная народная партия. Ядром партии стали те официальные лица, которые вошли в скупщину «по положению», видимо поэтому черногорцы прозвали их «вирилцы». Создателем партии в первую очередь следует считать самого князя Николу. В отличие от членов правительства, совершенно растерявшихся в столкновениях с оппозицией и неумело оправдывавшихся, черногорский монарх не медлил ни одного дня. Он провел беседы с теми представителями оппозиции, которые не до конца определились в своих взглядах, и быстро переманил их в ряды «вирилцев». Как писал П.В. Максимов, князь «очень умело, отчасти увещеваниями, а отчасти угрозами, не более как в три недели перевел из рядов Народной партии все недостаточно сплотившиеся с нею элементы на сторону вирилцев, так что Скупщина явилась разделенною на два почти равных лагеря»²⁰.

После этого Истинная народная партия стала бойкотировать заседания парламента, лишив его кворума. Так и не выступив с ясными программными требованиями, правительственная партия настолько дезорганизовала работу скупщины, что вскоре князь объявил о роспуске парламента и назначил на октябрь 1907 г. новые выборы. В эти же дни произошел разгром редакции оппозиционной «Народной мысли», в котором приняли участие монархически настроенные офицеры армии. Во время предвыборной кампании 1907 г. Истинная народная партия сосредоточилась на разоблачениях Народной партии, изображая соперницу послушным орудием в руках сербского короля Петра Карагеоргиевича, который, якобы, решил расправиться с династией Петровичей и погубить черногорскую свободу. Внутренние проблемы княжества «вирилцы» старались обходить молчанием.

Период со второй половины 1907 г. до конца 1909 г. стал трагическим в политической истории Черногории. В ходе избирательной кампании преследования Народной партии приняли самый жестокий характер. Аресты, отказ в регистрации в качестве кандидатов, угрозы физической расправы ослабили оппозицию²¹. Новая скупщина стала относительно послушной, а правительство, которое возглавил Л. Томанович, никто иначе, как безликим не называл. Не смирившись с изгнанием Народной партии из парламента, черногорские студенты, учившиеся в Белграде, решили свергнуть режим князя Николы. Они привезли из-за границы бомбы и предприняли попытку составить политической заговор с целью убийства правителя. Полиция быстро обнаружила бомбы и арестовала несостоявшихся террористов. В мае 1908 г. суд вынес шесть смертных приговоров, остальные участники заговора были осуждены на каторгу, тюремное заключение и т. д.²² Позже смертную казнь заменили каторгой.

Процесс о бомбах не только усилил политическую реакцию в Черногории, но и привел к международным осложнениям. Черногорский двор обвинил в подготовке покушения официальные круги Сербии, отношения двух близких государств были разорваны. Только разразившийся в октябре 1908 г. аннексионный кризис положил, по крайней мере формально, конец распри двух династий.

Однако внешнеполитические вопросы не могли полностью заслонить внутривнутриполитических проблем. Положение в княжестве никак не напоминало те конституционные порядки, которые были обещаны в 1905 г. Поэтому решительно настроенные противники режима создали во второй половине 1908 г. подпольную организацию в Подгорице. Ее Центральный комитет разработал настоящий план вооруженного восстания. Этот план предусматривал захват средств связи и путей сообщения, а также правительственных зданий, арест правительства и обращение к народу с манифестом, в котором предполагалось объявить о свержении Николы, сделать правителем Черногории его старшего сына Даниила, освободить политзаключенных и т. д. Хотя молодые конспираторы надеялись создать свои ячейки по всей Черногории, позже в своих мемуарах они признавали, что их круг был слишком узким, чтобы добиться успеха. Тем не менее, несколько членов организации на свой страх и риск, не поставив в известность остальных, сделали попытку захватить военный арсенал недалеко от городка Колашин. Эта «колашинская афера» спровоцировала новый виток правительственного террора осенью 1909 г.²³

Расправы над членами Народной партии, парламентской оппозицией, подпольными молодежными организациями не только показали, до какой степени формальный характер носила черногорская конституция, но и обострили общественные противоречия в княжестве. Ни либеральные начинания в духе конституционной монархии, ни репрессии против инакомыслящих не сняли с повестки дня насущные проблемы народа – бедность, непосильные налоги, невозможность получить образование и применить свои силы в отечестве, застой в социальной сфере. Черногорцы продолжали «голосовать ногами», в массовом порядке уезжая за границу. Масштабы эмиграции вызвали тревогу даже в России, которая щедро финансировала военную реформу в княжестве, рассматривая черногорскую армию как свой резерв на Балканах. Уже в 1906 г., по сведениям российской дипломатической миссии, из страны выехало около 10 тыс. человек. Понятно, что после казней и расправ 1908–1909 гг. эта цифра выросла²⁴.

Чтобы укрепить пошатнувшийся авторитет, черногорский монарх затеял грандиозные и непозволительные с точки зрения княжеских финансов юбилейные торжества в честь 50-летия своего правления в августе 1910 г., во время которых провозгласил себя королем. Эта акция по-разному оценивалась и за рубежом, и в самой Черногории. Внешне празднества прошли красиво, в них приняли участие представители разных династий и дипломаты Великих держав. Однако по сути эти мероприятия не улучшили политический климат новоявленного королевства. Противники Николы считали, что королевский титул не сулит народу ничего, кроме увеличения трат на содержание двора. Многие современники, посетившие Черногорию в 1910 г. обратили внимание на тягостную атмосферу, сложившуюся в стране.

Во внутривнутриполитической жизни королевства наступило затишье, продолжавшееся до 1913 г. Выборы в скупшину 1911 и 1913 гг. прошли на безальтернативной основе, в бюллетени для голосования вносились только фамилии кандидатов, выдвинутых правительством. Накануне выборов местные власти должны были вести активную предвыборную агитацию. Чиновникам, пренебрегавшим этой обязанностью, грозило увольнение. С каждым избирателем, проявившим недовольство официальным кандидатом, проводились «разъяснительные» беседы; в сущности, это было настоящее давление и запугивание. Так как у избирателей не осталось никаких способов повлиять на исход голосования, некоторые недовольные правительством черногорцы призывали бойкотировать выборы. На это правительство ответило тем, что спу-

стило местным чиновникам строжайшие инструкции, в которых говорилось, какое число избирателей обязательно должно опустить свои бюллетени в урны²⁵. Такие предвыборные технологии на время обеспечили королю Николе лояльность со стороны парламента.

Однако эта относительная политическая стабильность продолжалась очень недолго. В 1913 г. система «официальных кандидатов» дала сбой. В роли оппозиционера неожиданно выступил крупный государственный деятель Йован Пламенац. Именно он, будучи министром внутренних дел, принимал активное участие в расправах над членами Народной партии в 1908–1909 гг. В разные годы Пламенац занимал высокие посты в государстве, в 1913 г. был членом Госсовета. Правительство, выдвигая такого человека кандидатом в депутаты скупщины, было уверено в его лояльности. И вдруг член Истинной народной партии Пламенац обратился к избирателям с программой, которая почти дословно повторяла требования Народной партии. В ней говорилось о необходимости внести поправки в конституцию с целью улучшения работы парламента, предлагалось разработать продуманную стратегию социально-экономического, в первую очередь аграрного развития Черногории. Также ставилась задача сократить масштабы эмиграции, снизить налоги, усовершенствовать работу судов и администрации, бросить все силы на подъем народного образования и т. д.

Реакция двора была незамедлительной. Председатель правительства потребовал уволить Пламенаца с госслужбы, уже отпечатанное обращение к избирателям было конфисковано²⁶. Казалось, возрождавшаяся оппозиция задушена в зачатке. Состав последней скупщины был таким, каким его хотел видеть монарх, из 62 депутатов 44 человека – чиновники. А на деле парламента все же был оппозиционным. Только 16 депутатов составили придворную партию («вирилцы»). 17 депутатов были членами Истинной народной партии, которая перешла на позиции Народной партии, 25 избранных прямо назвали себя членами Народной партии, пять человек заявили, что являются участниками молодежного движения («Омладина») и выступили с теми же заявлениями, которые содержались в студенческой брошюре 1907 г.²⁷

Последний черногорский парламента накануне Первой мировой войны попытался начать социальные преобразования, приняв законы о помощи инвалидам войны и семьям тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей, о пенсиях для госчиновников и учителей и др. Война помешала этой работе. Черногория была оккупирована, король Никола и его правительство бежали, встал вопрос об объединении черногорцев с другими югославянскими народами в одно государство. Политическая история династии Петровичей-Негошей закончилась.

Новое качество внешней политики. На описанные выше внутривластные процессы большое влияние оказывала внешняя политика, проводимая Черногорией в начале XX в. Целью черногорской дипломатии в это время было активное участие во всех важных процессах, протекавших на Балканском полуострове, и установление самых широких связей на международной арене. С 1900 по 1914 г. черногорское правительство заключило около ста двухсторонних и многосторонних экономических, политических, военных, культурных и проч. соглашений²⁸. Правда, иногда складывается впечатление, что черногорские дипломаты чрезмерно увлеклись самим процессом подписания договоров, внешней юридической формой, но не всегда подкрепляли ее практическим содержанием. Вместе с тем, некоторые направления внешней политики княжества никогда не носили «бумажного» характера и были исключительно актуальными. Действия, предпринятые в этих направлениях, динамично менялись под воздействием международной обстановки. В первую очередь это относится к двухсторонним связям Черногории и России.

В 1900 г. размер русских субсидий княжеству и черногорских долгов империи был таков, что российские руководители не допускали мысли о возможной самостоятельности союзника на международной арене. «Наш боевой отряд на Балканах», «возможный резерв

русской армии», – такими эпитетами наделяли Черногорию представители официальной России. Между тем, уже в 1901 г. министр-резидент П.М. Власов сообщал в Петербург, «что князь Николай стал постепенно уклоняться от откровенных объяснений... по таким делам, где голос русского представителя мог бы иметь... существенное значение»²⁹. Тогда в МИД России сочли, что сам Власов проявил чрезмерную резкость в своих суждениях о положении дел в княжестве и княжеском семействе. На смену П.М. Власову прислали А.Н. Щеглова, снабдив его инструкциями, в которых настоятельно призывали облекать любые советы «в подобающую форму».

Подобная рекомендация сочеталась со следующей оценкой черногорской ситуации: «Неурядицы во внутреннем управлении княжества; расстройство денежного его хозяйства, вызванное главным образом отсутствием сколько-нибудь правильного контроля, а также и непосильными для страны расходами княжеского двора; чрезмерная задолженность, в связи с природной бедностью края и отсутствием у населения его капиталов и промышленной предприимчивости – все это создает для Черногории в высшей степени тяжелое финансовое положение, нередко угрожающее княжеству потерей экономической самостоятельности. Так, в 1900 г. лишь великодушная помощь, оказанная по высочайшему повелению черногорскому правительству выдачей ему ссуды в 750.000 рублей, спасла княжество от закабаления его западноевропейскими капиталистами. В истекшем 1901 г. его императорскому величеству благоугодно было вновь прийти на помощь княжеству, повелев не требовать возврата означенной ссуды и отпускать в субсидию Черногории вместо прежде выдававшихся 222 тысяч по 500.000 рублей в год»³⁰.

Однако ни щедрость царя, ни повышенная тактичность российских дипломатов не убедили черногорского монарха следовать внешнеполитическим курсом XIX в. Во всех донесениях российской миссии начала XX в. отмечалось стремление князя «оказать всевозможные любезности» западным странам, в первую очередь Италии и Австро-Венгрии. Такое, «кокетничание», по мнению российских дипломатов, было связано, во-первых, с тем, что правительство России попыталось поставить определенные границы, за которые русская денежная помощь княжеству не должна выходить. Во-вторых, неудовольствие князя Николы вызвали попытки российских официальных лиц проверить, насколько эффективно расходуются средства, отпущенные из русской казны на вполне определенные цели государственного и военного строительства в Черногории. В-третьих, охлаждение пылкой любви черногорской камарильи «к матери-России» было связано с неудачами Российской империи в Русско-японской войне, которые черногорский двор «был склонен преувеличивать»³¹.

Понимая горечь тех, кто немало потрудился над укреплением российско-черногорской дружбы, приходится все же заметить, что лавирование и игра на противоречиях Великих держав, которую черногорское правительство позволяло себе в начале XX в., говорит о новом качестве внешней политики княжества. Небольшая балканская страна выросла из роли послушного ученика и стремилась быть самостоятельной во всем. Поскольку собственные возможности Черногории были минимальными, ее правители научились жить за чужой счет, извлекать материальную выгоду из стремления ведущих европейских держав держать под своим контролем балканский регион.

Каждый визит черногорского монарха за границу приносил ему немалую пользу, независимо от того, посещал он Россию, Австро-Венгрию или Османскую империю. Во время этих поездок князь Никола почти всегда добивался помощи в тех или иных делах. Также успешно он использовал для достижения своих целей представителей Великих держав, работавших в Цетинье. Приближая к себе то одного, то другого дипломата, давая понять, что именно этому человеку готов доверить решение насущных черногорских проблем, Никола добивался того,

что в Вену, Рим, Петербург или Париж шли депеши, в которых содержались развернутые планы помощи черногорцам.

Вместе с тем, ситуация на Балканах была такой напряженной, что никаких дипломатических талантов не хватило для того, чтобы положить конец аннексионным планам Австро-Венгрии в отношении славянских земель или убедить турецкие власти добровольно освободить Старую Сербию. Когда дело доходило до принципиальных вопросов балканской политики, интересы России и Черногории объективно совпадали, две страны оказывались вместе в одном военно-политическом лагере. Причем княжество играло роль застрельщика в борьбе за окончательное освобождение Югославии, а Российская империя – роль главнокомандующего, решавшего, когда проявить сдержанность и осторожность, а когда идти в бой. Так было в 1908 г. во время аннексионного кризиса, в 1910 г. во время подписания русско-черногорской военной конвенции, в 1912–1913 гг. во время балканских войн. Словом, несмотря на все трения и ссоры, имевшие место в начале XX в., российско-черногорские отношения были союзническими.

Напротив, никакие ухищрения князя Николы не могли сделать Австро-Венгрию менее опасной для соседей-славян, в том числе и для Черногории, треть территории которой граничила с монархией Габсбургов. До 1904 г. отношения соседей были крайне напряженными, так как Австро-Венгрия требовала от черногорских властей выдать ей боснийцев и герцеговинцев, принявших участие в антиавстрийских выступлениях и укрывшихся на территории княжества. Короткие периоды смягчения этой напряженности сменялись новыми конфликтами и угрозами со стороны австрийского правительства.

Современные черногорские исследователи считают, что после начала Русско-японской войны Австро-Венгрия начала концентрировать свои войска на границе со славянскими странами и что именно эти приготовления заставили князя Николу сделать несколько дружественных шагов навстречу Вене, например, пригласить в Цетинье начальника австрийского генерального штаба барона Бека, совершавшего инспекционную поездку в Боку Которскую³².

Чем хуже шли у России дела на Дальнем Востоке, тем приветливее к австрийцам становился черногорский правитель. В 1905 г. он посетил Берлин, в 1906 г. Вену. Эти попытки сближения со странами Тройственного союза вызвали резкую критику и со стороны России, и со стороны черногорской общественности. Дело шло к тому, что российское правительство было готово прекратить финансирование черногорской армии, а Австро-Венгрия, наоборот, вынашивала амбициозный план строительства железнодорожного пути от Боснии и Герцеговины через Черногорию в Косово.

Однако князь Никола не собирался быть послушным инструментом и в руках австрийского двора. Немного обнадежив австрийских дипломатов, он вскоре (март-апрель 1908 г.) посетил Петербург, был принят Николаем II, убедил своих российских покровителей, что австрийские планы ему претят, что вооруженные силы Черногории крайне необходимы России, и что военную субсидию нужно увеличить почти в три раза (с 331 тысячи рублей до миллиона). Субсидию увеличивать не стали, но поставки оружия из России в Черногорию заметно возросли³³.

Аннексия Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г., казалось, свела на нет любую возможность улучшения отношений Черногории и Австро-Венгрии. Но уже в 1910 г. черногорский монарх возобновил дипломатические маневры. Накануне торжества в честь 50-летнего юбилея своего правления Никола организовал визит австрийского военно-морского флота в черногорский порт Бар. Провозгласив себя королем, он делал вид, что никак не может решить, Петербург или Вену он посетит сначала в новом качестве.

Маленькие хитрости принесли большой успех. В ноябре 1910 г. была подписана русско-черногорская военная конвенция, в соответствии с которой русская военная субсидия была увеличена до 600 тыс. руб., а черногорское правительство взяло на себя обязательство

«не предпринимать своей армией никаких наступательных действий без предварительного соглашения с императорским правительством»³⁴. Российские политики считали, что одержали дипломатическую победу над австрийцами и укрепили свое влияние на Балканах. На самом деле победу одержал король Никола, который добился дополнительного финансирования своей армии, но не собирался отказываться от собственных замыслов в угоду союзникам из России. В 1913 г. он без колебаний нарушил конвенцию и, несмотря на протесты русского правительства, захватил албанский город Скадар (Скутари, Шкодер), считая, что Черногория имеет право на эти земли.

Несколько неожиданным для России и Австро-Венгрии было укрепление черногорско-итальянского экономического и политического сотрудничества в начале XX в. Первые признаки беспокойства по поводу наметившегося итальянского влияния сотрудники русской миссии в Цетинье проявили уже в 1903 г., когда в одной из школ Подгорицы по желанию князя Николы стали преподавать итальянский язык. Тогда же вернувшийся из поездки по Черногории драгоман миссии П.А. Ровинский сообщал, что «страна кишит итальянскими, изыскателями»³⁵. Вслед за экономическим сотрудничеством наметилось и сближение в военной области. В 1906 г. итальянский король подарил Черногории несколько пушек, а министр-резидент П.В. Максимов подозревал, что черногорский двор не скрывает от итальянцев подробности русских военных планов в Черногории. Но экономическое сотрудничество и политическое сближение оказались недолгими и не удовлетворили черногорское правительство. Итальянские концессии в Черногории обогатили самих итальянцев, но не принесли тех доходов в казну, о которых мечтал князь Никола. В 1907 г. черногорско-итальянские отношения вообще разладились из-за семейного конфликта между старшим сыном князя Николы Даниилом и итальянским двором³⁶.

Исключительно важное место во внешней политике Черногории занимала Сербия, связи с которой носили неоднозначный и иногда непредсказуемый характер. В конце XIX в. многие в этих странах верили в идею объединенного сербского государства. Однако между ними лежал Новипазарский санджак, оставшийся под властью Османской империи и находившийся под неослабным контролем Австро-Венгрии, сделавшей все возможное, чтобы уничтожить перспективу слияния двух стран. Ситуация осложнялась острым политическим соперничеством правящих династий Карагеоргиевичей и Петровичей. Несмотря на близкое родство, король Петр Карагеоргиевич и князь Никола Петрович не скрывали подозрительного и даже враждебного отношения друг к другу. Конфликт двух династий достиг своего апогея в 1907–1909 гг., когда правительство Черногории обвинило сербские власти во вмешательстве в политическую борьбу в княжестве и в покушении на жизнь черногорского монарха. Разгорелся дипломатический скандал, замять который российским дипломатам удалось нескоро и с большим трудом.

Между тем, ситуация на Балканском полуострове требовала совместных усилий двух государств в борьбе против реальной угрозы, исходившей от Австро-Венгрии. В 1908 г. после аннексии Боснии и Герцеговины Сербия и Черногория заключили договор, в соответствии с которым решили вместе защищать свои права и интересы, если понадобится, то и вооруженными средствами³⁷.

В 1909 г. на передний план опять вышли династические споры, снова во внутренних событиях черногорские власти увидели сербский след, а сербская периодика публиковала статьи, в которых описывала политический террор династии Петровичей в самом критическом духе. Провозглашение князя Николы королем в 1910 г. в Сербии оценили как удар по делу объединения.

Все эти разногласия и взаимные обвинения пошли на спад только тогда, когда на Балканах в очередной раз обострилась политическая ситуация и встал вопрос о войне против Турции. В 1912 г. был заключен знаменитый Балканский союз, важной составной частью которого

была сербско-черногорская военно-политическая конвенция. Начались балканские войны, в ходе которых у Сербии и Черногории, наконец, появилась общая граница.

К началу Первой мировой войны сербско-черногорские отношения оставались союзническими. Но застарелая вражда двух династий дала о себе знать в самый неподходящий момент, летом 1915 г. Без согласования с Сербией, король Никола начал наступательную операцию в Северной Албании, между тем австро-венгерские войска вместе с союзниками (немцами и болгарам) готовились к большому наступлению. В результате и Сербия, и Черногория были оккупированы, их правительства оказались в эмиграции. История соперничества подошла к концу, в 1918 г. появилось новое государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев, а Черногория вошла в его состав.

Как видим, итог внешней политики, проводимой черногорским правительством в начале XX в. был неоднозначным. С одной стороны, княжество смогло занять такое место в системе международных отношений, которое было явно непропорциональным его внутреннему потенциалу. «Почему-то сочли нужным устроить свое представительство в Черногории даже такие державы, которые, как Франция, Англия, Америка и Германия, не имеют к ней абсолютно никаких коммерческих или иных реальных интересов», – удивлялся российский дипломат в 1906 г.³⁸ Несомненно, далеко не каждому маленькому европейскому государству удалось оставить такой заметный след в истории дипломатии начала XX в. Это был очевидный успех на международной арене.

С другой стороны, во внешней политике Черногории обнаружились слабые места, например, стремление решать свои проблемы, опираясь не на собственные силы, а за счет Великих держав; неумение находить компромисс с соседями, соперничество с которыми мешало решению стратегических задач, стоявших перед балканскими странами; эгоизм придворной камарильи, корыстные побуждения которой иногда брали верх над национальными интересами. Видимо этим и объясняется падение авторитета правящей черногорской династии в глазах самих черногорцев и всех югославян к началу Первой мировой войны. В 1918 г. на так называемой Подгорицкой скупщине народ Черногории принял решение о детронизации Николы Петровича и об объединении с Сербией в одно государство под эгидой Карагеоргиевичей.

Примечания

- 1 Булајић Ж. Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959. С. 16.
- 2 Државни музеј – Цетиње. Архивско одељење. Ф. Књаза и краља Николе. Ф. Приновљени рукописи. Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа.
- 3 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3371. Л. 29 об.
- 4 Там же. Д. 3370. Л. 223.
- 5 Там же. Л. 128 об.
- 6 Вуковић Г. Мемоари. Из дипломатских односа Црне Горе. Цетиње; Титоград. Б.г. Ч. 3. С. 118; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3370. Л. 130.
- 7 Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1915. Т. III. С. 434–438.
- 8 Там же. С. 86, 125.
- 9 Монетарна конвенција између Црне Горе и Аустро-Угарске са изјавом, Цетиње 13 / 26. септембар 1911. // Перазић Г., Распоповић Р. Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992.
- 10 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3350. Л. 2.
- 11 Там же. Д. 3334. Л. 193 об.
- 12 Там же. Д. 1561. Л. 57–58.
- 13 Р-ц (Ровинский П.А.) Реформы в Черногории // Славянские известия. 1904, № 4–8.

- 14 Хлебникова В.Б. Черная дыра. Как Россия пыталась реформировать черногорскую армию // Родина. 2006. Специальный выпуск.
- 15 Устав за књежевину Црну Гору. Цетиње, 1905.
- 16 Донесение № 52 поверенного в делах Е.Ф. Штейна министру иностранных дел от 20.09.1906 г. Државни музеј – Цетиње. Архивско одељење. Ф. Приновљени рукописи (далее – Ф. Прин. рук.). Фас. LIVB, 1906.
- 17 Там же, донесение Е.Ф. Штейна № 49 от 10.09.1906.
- 18 Ровинский П.А. Черногория... С. 111–117.
- 19 Ф. Прин. рук. Фас. LVIX, 1907. Делеша № 20 министра-резидента П.В. Максимова министру иностранных дел от 12.04.1907.
- 20 Там же, донесение П.В. Максимова № 17 от 31.03.1907.
- 21 Прибильешке о Црној Гори. Рад Спасоја Пилетића. Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 266. С. 68–71.
- 22 Јанко Тошковић. Мемоари. Биљешка из уставне владавине краља Николе и њеног трагичног свршетка од 1905. до 1918. године. Цетиње, 1974. С. 67–68.
- 23 Там же. С. 72–89.
- 24 Ф. Прин. рук. Фас. LIVB, 1906.
- 25 Извештај о досадашњем раду и изгледу за избор народних посланика у Никшичкој области. 4.09.1911. Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 99.
- 26 Там же. Фас. 81.
- 27 Јагош Јовановић. Стварање Црногорске државе и развој црногорске националности-Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918. године. Цетиње, 1948. С. 407.
- 28 Перезић Г., Распоповић Р. Међународни уговори...
- 29 Ф. Прин. Рук. Фас. XLIX. Д. 1. 1901. Письмо министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа П.М. Власову от 11 июля 1901 г.
- 30 Ф. Прин. рук. Фас. L. Д. 1, 1902. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф А.Н. Щеглову 2 октября 1902 г.
- 31 Ф. Прин. рук. Фас. LI-A. 1904. Доверительное письмо графа Капниста из Вены 1/14 ноября 1904 г.
- 32 Распоповић Р. Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица – Београд, 1996. С. 434.
- 33 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3355.
- 34 Военное между Россией и Черногорией соглашение. СПб., 2.12.1910, Цетиње 17.11.1910. // Перезић Г., Распоповић Р. Међународни уговори... С. 624–628.
- 35 Ф.Прин. рук. Фас. LI A. 1903, доверительная депеша А.Н. Щеглова № 30 от 21 мая 1903 г.; черновик письма А.Н. Щеглова от 7 августа 1903 г.
- 36 Ф. Прин. рук. Фас. LI A. 1907 (I), донесение министра-резидента П.В. Максимова министру иностранных дел № 29 от 19 июня 1907 г.
- 37 Уговор између Србије и Црне Горе склопљен 24.10–1908. // Перезић Г., Распоповић Р. Међународни уговори ... С. 569.
- 38 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 265 об.

Глава 3

Македония и Косово

В начале XX в. в составе Османской империи по-прежнему оставались историко-географические области Македония, Косово и Метохия, Новипазарский санджак (Рашка).

Территория Косово ограничивается хребтами Шар-Планина на юге и Капаоник на севере и разделена на две равнины – Метохия (вдоль реки Белый Дрим) и собственно Косово вдоль реки Ситница. В административном отношении Косово и частично Македония входили в состав Косовского вилайета Османской империи со столицей в городе Ускюб (современное Скопье).

Восточную географическую границу Македонии составляет река Нестос (Места), северную – междуречье рек Моравы и Вардара и гора Шар, западную – линия от горы Шар до реки Альякмон (Бистрица), южную – побережье Эгейского моря от реки Альякмон до реки Нестос. Территорию Македонии охватывали Салоникский (Солунский) вилайет со столицей в Салониках, Битольский или Монастирский вилайет со столицей в Битоле (Манастире) и частично Косовский, в частности, Ускюбский санджак данного вилайета.

Согласно Сан-Стефанскому прелиминарному мирному договору, заключенному 19 февраля (3 марта) 1878 г., в состав автономного Болгарского княжества вошла большая часть Македонии. Но по итогам Берлинского конгресса, пересмотревшего результаты Сан-Стефанского договора, Македония была возвращена Османской империи с условием проведения там реформ (ст. 1 и ст. 23 Берлинского договора). Турции поручалось провести реформы во всех своих европейских вилайетах¹.

Невероятная этническая чересполосица Косово и Македонии, вызванная как объективными историческими причинами, так и сознательной переселенческой политикой Османской империи², предопределила им судьбу конфликтной зоны. Эти территории становились также балканским «яблоком раздора», поскольку на них претендовали многие соседние государства.

В частности, территории Косово и Метохии и северо-западной Македонии (вместе с южными районами современной Сербии и Новипазарским санджаком известные после Первого сербского восстания под именованием Старой Сербии³) стали одним из главных приоритетов внешней политики Сербского государства. Это произошло после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Планы присоединения населенных сербами районов Боснии наткнулись на непреодолимое препятствие. Руководящие круги Сербии занялись поисками возможностей для продвижения влияния и господства на юго-восток. Тем более что это направление обещало выход к морю по долине реки Вардар через греческий порт Салоники⁴.

Сербия, испытавшая поражение в недолгой войне с Болгарией в 1885 г., в последние годы XIX в. основной акцент сделала на пропагандистской и дипломатической работе на юго-восточном направлении. После заключения в 1886 г. сербско-турецкой консульской конвенции были открыты сербские консульства – в 1887 г. в Ускюбе и в Солуни, в 1888 г. в Битоле, в 1889 г. в Приштине. Деятельность консульств координировалась Политико-пропагандистским отделением МИД Сербии. В 1893 г. Сербия получила разрешение турецкого правительства открывать сербские школы там, где местное население признавало себя сербами.

В ноябре 1901 года вопрос о Старой Сербии был вынесен на заседание Королевского сената, которое было целиком посвящено данной теме. В результате прений по данному вопросу Сенат принял постановление, поддерживающее активные действия правительства Сербии. Однако, приняв эту одобрительную резолюцию, Сенат так и не смог принять или выразить четкой программы по проблеме Старой Сербии⁵.

Вместе с тем сербские интересы в Старой Сербии простирались весьма далеко. Об этом свидетельствует следующий факт. В декабре 1902 г. генконсул Сербии в Солуни Ненадович в частной беседе с русским генконсулом А.А. Гирсом признался, что хотя в этом городе и ряде других пунктов Солунского вилайета открыты сербские гимназии и школы, в указанном регионе «настоящих сербов не имеется»⁶.

Хорошо известно высказывание Н. Пашича: «История показывает, что тот, кто владел Македонией, всегда был первым на Балканах»⁷. На Македонию в той или иной мере претендовали, кроме Сербии, Болгария и Греция. История этих стран, так или иначе, была связана с Македонией. Проблема осложнялась спорами о национальной принадлежности славянского населения Македонии⁸. Русский консул в Битоли доносил в ноябре 1885 г., что «македонские болгары никогда не делали разницы между болгарами и сербами»⁹. Русский военный корреспондент П.А. Риттих, посетивший Македонию летом 1901 г., писал: «Турки не делят македонцев по национальности, а лишь по вероисповеданию, которое с точки зрения мусульманской гораздо важнее и существеннее»¹⁰. По сути, в начале XX в. Македония являлась не только настоящим «яблоком раздора» Балкан, но стала «гордиевым узлом» Балканского полуострова, «разрубленным» в ходе Балканских войн.

Пункт Сан-Стефанского договора о вхождении в состав автономного Болгарского княжества большей части Македонии имел для Болгарии судьбоносное значение. «Сан-Стефанская Болгария» стала национально-государственным идеалом болгарских граждан, воплощавшим идею «Великой Болгарии», которая объединяла бы в своих границах всех болгар Балканского полуострова¹¹. Как справедливо заметил Г.Н. Трубецкой, русский посланник в Сербии в 1914–1917 гг., Сан-Стефанский договор «поставил ясную определенную цель перед Болгарией, и освятил народный идеал высшим признанием его Россией-освободительницей. Для достижения этого идеала болгарский народ уже имел в своем распоряжении мощное орудие в лице такой организации, как Экзархия»¹².

Болгарский Экзархат (Экзархия) был учрежден султанским указом в 1870 г. В состав Экзархата были включены две епархии не только с болгарским, но и с сербским населением (Пиротская и Нишская) и часть Македонии. Предусматривалось, что к Экзархату могут присоединиться и другие епархии, в которых 2/3 православного населения выступают за присоединение¹³. Уже через два года после этого к Экзархату присоединились Скопская и Охридская епархии, и ряд сел в смешанных епархиях признали его власть.

В октябре 1893 г. в городе Салоники были заложены основы Внутренней македонской революционной организации, созданной болгарскими – выходцами из Македонии. После долгих дискуссий целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т. е. реализация его 23-й статьи.

В первые месяцы 1894 г. цель Организации была конкретизирована – достижение автономии Македонии. Один из основателей организации Х. Татарчев вспоминал, что ее основоположники не могли провозгласить своей целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», так как осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов».

Существенным является признание основателями Организации того факта, что непосредственным толчком к ее созданию стало усиление иностранной, особенно, сербской пропаганды в Македонии. Так, по воспоминаниям еще одного из первых болгаро-македонских революционеров, Д. Груева, еще в 1891 г., когда группа студентов из Македонии задумывала

в Софии создать революционную организацию, они имели в виду необходимость противодействия сербской пропаганде⁴⁴, необходимость поставить на повестку дня идею освобождения Македонии, «прежде чем сербская пропаганда усилится и раздробит народ»¹⁴.

До 1896 г. организация, созданная в Салониках, носила название Македонской революционной организации, затем, до 1902 г. называлась Болгарские македонско-одринские⁴⁵ революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. Тайная македонско-одринская революционная организация, а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМРО)¹⁵.

В Софии находился Верховный македонский комитет (ВМК), созданный выходцами из Македонии. В разные исторические периоды взаимоотношения между ВМК и революционной организацией складывались по-разному – от теснейшего сотрудничества до силового противостояния.

В 1899 г. ЦК Организации постановил, что во всех районах Македонии должны быть созданы небольшие четы из революционных деятелей, находящихся на нелегальном положении. В 1897–1899 гг. действовало более 20 чет под руководством революционных деятелей-нелегалов, или под командованием бывших разбойников (харамии), перешедших на сторону Организации¹⁶. От деятельности таких чет страдало прежде всего мирное сельское население и христианское, и мусульманское. Об этом свидетельствует множество фактов из консульских донесений. Кроме того, четы усердно избегали столкновений с регулярными частями турецкой армии и полиции. Видимо, деятельность чет была ни чем иным, как одной большой провокацией, призванной разбудить мусульманский фанатизм и вызвать резню христиан в Македонии и тем самым привлечь внимание международной общественности к положению дел в этой области, заставить Европу воздействовать на Турцию, чтобы та ввела автономию Македонии.

Рубеж XIX–XX вв. в Старой Сербии ознаменовался заметным усилением албанской активности. Несомненное влияние в этом отношении оказала греко-турецкая война 1897 г. Например, за одну майскую неделю 1897 г. в Ускюб прибыли возвратившиеся с греко-турецкой войны 4800 албанских добровольцев. Они привезли с фронта множество оружия, и свободно продавали его в городе¹⁷. В январе 1898 г. русский консул в этом городе докладывал в Константинополь об участвовавших «в последнее время» «гонениях и угнетениях» албанцами христиан, что вызвано победой Турции над греками в 1897 г. и «Виницким делом»⁴⁶.

Побывавший в начале XX в. на Балканах известный русский литератор А.В. Амфиатов так отзывался об албанцах: «Самые отвратительные подданные [Османской империи], самая восхитительная орда»¹⁸. С молчаливого согласия Порты и при подстрекательстве Австро-Венгрии албанцы терроризировали неалбанское население Старой Сербии и Македонии, которое, опасаясь убийств и грабежей, оставляло родные места.

Тогда же, в начале XX в. русский консул в Ускюбе В.Ф. Машков в донесении в российское посольство в Константинополе с горькой иронией отмечал: Старую Сербию «вследствие поразительно быстрого разжижения славянского элемента и замещения его арнаутским, уже давно правильнее было бы называть Новой Албанией»¹⁹. Машков описывал сложившуюся в крае ситуацию: «Предоставленные самим себе арнауты повели дело так, что еще живущие между ними христиане стали их бесправными рабами... Всякий... самый негодный из арнаутов может

⁴⁴ В Сербии только летом 1902 г. была создана четническая революционная организация, под руководством Главного совета (комитета), аналога ЦК македонской революционной организации, но ее деятельность проявилась уже после Илинденского восстания 1903 г.

⁴⁵ От болгарского названия Адрианопольского вилайета Османской империи – Одрински.

⁴⁶ В 1897 г. турецкие власти обнаружили в македонском селе Виница склад оружия, устроенный членами македонской революционной организации.

невозбранно отобрать и дом, и имение, и скот, и дочь, и жену, и детей христианина. Люди, почему-либо имеющие несчастье не понравиться тому или иному арнауту, а, тем более, осмеливающиеся протестовать против насилий, безжалостно исчезают с лица земли... Благодаря такому ужасному положению, православное население Старой Сербии поразительно быстро рдеет, и уже теперь эта исконно славянская земля остается славянской лишь по имени. Еще десять, много – два десятка лет такого режима, – и христиане останутся лишь по городам.

Огромное значение в поддержании анархии играет и то обстоятельство, что арнауты вооружены, как говорится, до зубов. Эта постоянная близость оружия, при полной уверенности в безнаказанности, естественно ведет к слишком поспешному и частому его употреблению, как в счетах между собой, а особенно против христиан, так даже и против правительства. Правом ношения оружия пользуются и католики. И лишь одно православное население обездолено в этом отношении, хотя в Старой Сербии и на западной периферии Македонии существование без оружия прямо-таки невыносимо. Тут и женятся, и крестят детей, и пахут землю, – все с ружьем под рукой. Но лишь арнауты узнают, что такой-то христианин обзавелся не капсульным ружьем, а „доброй пушкой“, т. е. „Мартинкой“⁴⁷, – на него тотчас устраиваются форменные облавы, он травится наравне с дикими зверями. Еще памятливы всем здесь события 1901 года в Колашине²⁰, когда власть и простые, не имеющие никакого официального положения арнауты в трогательном согласии ополчились против 43-х сербских сел, возымевших величайшую дерзость обзавестись полуторасотней „мартинкой“, безусловно необходимых для самозащиты. Каких тогда только жестокостей и издевательств не чинилось – до катаний заповязанных⁴⁸ и арнаутов на православных старцах-попах включительно! Не помогло тогда и вмешательство Императорского правительства, добившегося было от султана формально, но затем не исполненного, обещания оставить христианам ружья... и даже наказать арнаутов»²¹.

Да и сами албанские племена враждовали между собой. Очередное обострение ситуации в Старой Сербии произошло в 1902 г. в связи с междоусобными албанскими конфликтами в Призрене²².

В Македонии обстановка также постепенно накалялась – не в последнюю очередь благодаря деятельности македонских революционеров. А осенью 1902 г. ВМК отправил в район Горна-Джумаи несколько сот четников, втянувших в «восстание», названное Горноджумайским, несколько десятков приграничных сел. Достаточно быстро выступление было подавлено, но оно привело к сотням жертв среди мирного населения. Три тысячи человек оказались беженцами в Болгарии.

Сам факт «восстания» и, особенно, его подавление вызвали широкий резонанс в европейских столицах и привлекли внимание дипломатии России и Австро-Венгрии⁴⁹. Султан в конце 1902 г. объявил о намерении провести реформы в европейских владениях. В конце концов, в феврале 1903 г. послы России и Австро-Венгрии в Константинополе вручили турецкому правительству ноту, с перечислением реформ (одобренных всеми великими державами), которые Турция должна была реализовать. Программа предполагаемых реформ получила название «Венской». Среди основных мер, предусмотренных реформами, были следующие – допуск христиан в полицию и жандармерию, политическая амнистия, назначение сельских сторожей (полевых стражников) в христианских селах из числа христиан, замена десятины поземельным налогом, учреждение для македонских вилайетов поста специального Генерального инспектора (его занял Хильми-паша) и т. д.

---

⁴⁷ Винтовка системы Мартини.

⁴⁸ Турецкие жандармы.

⁴⁹ Еще в 1897 году обе державы заключили соглашение, предусматривающее поддержание status quo на Балканах. Соглашение представляло собой обмен нотами, имевшими значительные расхождения, открывавшими пути для различной трактовки подписанных договоренностей.

В сущности, эта программа так и не была реализована (только политзаключенные были освобождены) из-за противодействия албанцев, саботажа местных властей и подстрекательства революционных комитетов. 1 марта 1903 г. в Ипеке⁵⁰ состоялось собрание представителей от всех албанских племен, решительно высказавшихся против реформ. По Старой Сербии прокатились албанские беспорядки. Наряду с сербами их жертвой пал и русский консул в Косовско-Митровице Г.С. Щербина.

Оживление европейской дипломатии после Горноджумайского «восстания», в частности, активизация России и Австро-Венгрии в деле принуждения Турции к проведению реформ, создало у болгаро-македонских революционеров впечатление, будто складывается благоприятная обстановка для нового «восстания», которое заставит европейские державы еще активнее вмешаться в македонский вопрос и вынудить Турцию ввести автономию Македонии.

В январе 1903 г. в Солуни прошел съезд Революционной организации, принявший решение о восстании. Присутствовали 17 делегатов, на деле плохо осведомленных о реальной обстановке на местах. Восстание было назначено на весну текущего года²³.

Между тем, серьезное сопротивление противников восстания заставило инициаторов несколько изменить постановление съезда. В итоге, было решено, что «восстание» будет «массовым» только в Битольском революционном округе (он был разделен на семь повстанческих районов), а в остальных округах ограничится лишь акциями четников (то есть – терактами). Сроки восстания отодвигались на несколько месяцев.

Много позже, в 1925 г. новые лидеры ВМРО признают: «Даже Илинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»²⁴. Естественно, такое «восстание» было обречено.

Что говорить о каких-то перспективах восстания, если по некоторым данным, имеющимся по 73 четам в период с 1897 по 1903 гг., только 22,55 % из них были вооружены современным оружием, а остальные устаревшим, уже не применяемым в армии. Только после восстания встал вопрос о перевооружении²⁵.

Восстание началось вечером 20 июля (2 августа, Ильин день) 1903 г. в Битольском вилайете. Повстанцы напали на турецкие части, расположенные в селах и небольших городках, взорвали телеграфные линии и железнодорожные пути. Русское консульство в Битоли доносило в Константинопольское посольство: «Все население с трепетом ждало 20 июля, которое, однако, прошло спокойно, но в ночь на 21-е инсургенты перерезали все телеграфные провода... и банды напали на мусульманские села, жители коих пользовались... дурной репутацией. Нападения эти не увенчались особенным успехом... Дороги шоссейные разрушены, мосты взорваны»²⁶.

В Декларации ЦК Революционной организации, врученной дипломатическим агентам великих держав в Софии и опубликованной в печати, были изложены требования повстанцев: автономное правление Македонии, во главе которой должен стоять управляющий-христианин, не служивший в турецкой администрации и независимый от Турции в исполнении своих обязанностей, учреждение международного контроля за проведением реформ.

В сентябре Главный штаб восстания обратился к Болгарии с просьбой о помощи путем прямого военного вмешательства. Болгарское руководство осознавало военную слабость страны и сложность международной обстановки, поэтому никакого ответа на призыв Главного штаба не последовало. Собственно, в Штабе знали, что болгарское правительство не в состоянии прийти на помощь. А потому через два дня после упомянутого обращения Штаб принял

---

⁵⁰ А. Амфитеатров: «Арнауцы – всюду разбойники и своевольцы, но Ипек – гнездо их буйств, очаг и центр анархии». (*Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 92.)

решение прекратить восстание²⁷. Но столкновения между повстанцами и турецкими войсками длились еще два с половиной месяца.

В Битольском вилайете за время восстания произошло 150 боевых столкновений между повстанцами и турецкой армией. Погибли 746 четников. В Солунском вилайете -38 столкновений, 109 погибших. В Косовском вилайете – 15 столкновений, 93 убитых. В результате турецких репрессий, только в Битольском вилайете было полностью или частично сожжены 122 села с 8646 домами. Без крова осталось 51 606 человек. Убиты 1779 сельских жителей. Всего же было сожжено более 200 сел, число убитых составляло несколько тысяч, а беженцев – около тридцати тысяч²⁸.

В ноябре 1903 г. Россия и Австро-Венгрия заключили в австрийском Мюрцштеге соглашение, предусматривавшее расширенную программу реформ для Македонии. Данный проект предполагал прикомандирование сроком на два года двух гражданских агентов из России и Австро-Венгрии к главному турецкому инспектору Хильми-паше, реорганизацию турецкой жандармерии, новое административное деление Македонии, преобразование административных и судебных учреждений в крае и т. д. Осуществление Мюрцштегской программы реформ началось в январе 1904 г., и поначалу были достигнуты некоторые результаты – освобождены политические заключенные, в родные места вернулись до шести тысяч беженцев, частично реформирована жандармерия. Но постепенно местное население стало разочаровываться в реформах из-за низкой эффективности действий органов иностранного контроля и их ограниченных полномочий. В 1905 г. ВМРО начала дискредитировать программу реформ и призвала население к саботажу²⁹.

Включению Косово в сферу действия реформ активно противодействовали албанцы, поощряемые Австро-Венгрией. В отношении Старой Сербии Габсбургская монархия строила те же планы, которые сумела осуществить после Берлинского конгресса в Боснии и Герцеговине. Австрийская дипломатия настояла на том, чтобы албанские и старосербские округа были изъяты из Мюрцштегской программы реформ³⁰.

Особенно сложным было положение дел в северо-западной части Старой Сербии – Санджаке (Рашке). Здесь сербы оказались меж двух огней. С одной стороны – турки и потурченцы, а с другой – австрийцы, пытавшиеся склонить сербское население на свою сторону. По условиям Мюрцштегских соглашений, Австро-Венгрия могла произвести здесь военную интервенцию в случае возникновения беспорядков. Тогда бы Рашку ждала участь Боснии и Герцеговины. Поэтому в крае активно действовали австрийские агенты, выдававшие себя за представителей сербского правительства, пытавшиеся спровоцировать местных сербов на восстание. Сербским дипломатам приходилось прикладывать немало усилий для умиротворения сербского населения, уже отказывавшегося платить налоги и готового взяться за оружие³¹.

Несмотря на «введение» реформ ситуация в Македонии после подавления восстания приобретала все более запутанный характер. Этому отчасти способствовало положение Мюрцштегской программы о новом административном делении Македонии с учетом расселения национальностей, которое Афины, София и Белград «истолковали весьма расширительно». Предполагая грядущий раздел Македонии по этнографическим границам, противоборствующие стороны интенсифицировали формирование вооруженных отрядов, которые должны были расширять сферы влияния³².

Болгарская сторона все еще не оправилась от потерь в ходе Илинденского восстания. Случаи проникновения на македонскую территорию греческих и сербских отрядов заметно участились. Греческое правительство направило в феврале 1904 г. в Македонию специальных агентов-офицеров для ознакомления с обстановкой на месте с целью изучения перспектив подготовки нового – греческого восстания – антитурецкого и антиболгарского одновременно.

Вернувшись, греческие офицеры рекомендовали правительству создавать отряды добровольцев под командованием кадровых военных для засылки в Македонию.

Греческое правительство стало содействовать созданию партизанских (андартских) отрядов, деятельность которых охватила практически всю территорию Центральной и Южной Македонии (т. е. вплоть до линии Охрид – Горна-Джумая). В 1905 г. только в Битольском вилайете действовало от 800 до 1000 андартов. По сведениям австро-венгерского гражданского агента в Македонии, с 14 марта 1906 г. по 14 марта 1908 г. андарты убили 531 и ранили 175 македонских славян³³. Греческие отряды придерживались той же тактики, что и болгарские – они старались избегать стычек с подразделениями турецкой армии и полиции. Если болгарские четы заставляли села, находящиеся под ведомством Константинопольского патриархата переходить под начало Болгарского экзархата, то андарты заставляли «экзархистов» записываться в «патриархисты».

В 1905 г. греческое правительство предприняло ряд шагов в Константинополе, убеждая турецкие власти в том, что деятельность андартов направлена исключительно против болгар и «не посягает на целостность османских владений в Македонии». В ответ турецкое правительство уведомило Афины, что турецкие войска будут стараться избегать столкновений с греками³⁴. В результате, греческим отрядам удалось прочно утвердиться в южных и некоторых центральных районах Македонии.

Начиная с 1904 г. в северные районы Македонии сербские четы стали проникать чаще. В 1906 г. сербы прочно утвердились в районах Куманова, Прилепа, Велеса и др. В период 1903–1908 гг. в ведение Патриархии перешли 152 села, «признавшие себя» греческими или сербскими³⁵.

Россия и Австро-Венгрия направили в середине 1907 г. Афинам, Белграду и Софии тождественную ноту с требованием прекратить раздувание междоусобной войны в Македонии.

Главным препятствием для сербского руководства на пути разрешения вопроса о Старой Сербии в период до 1904 г., было отсутствие политической воли и последовательности в действиях. Смена состава правительства приводила к замене даже мелких чиновников на местах. Новые чаще всего не ориентировались в порученном им направлении деятельности³⁶. Серьезные изменения в политике Сербии в Косово и в Македонии произошли после 1903 г., когда в самом королевстве был совершен Майский переворот, в Македонии произошло Илинденское восстание, а Россия и Австро-Венгрия приняли Мюрцштегскую программу реформ. Уже в октябре 1903 г. в Белграде был сформирован Главный комитет помощи сербам в Старой Сербии и Македонии. В 1905 г. при МИД Сербии создается специальный отдел пропаганды, а в 1906 г. вся деятельность в этом направлении сосредотачивается в Центральном совете сербских организаций. Усиливается и экономическое проникновение Сербии в Македонию.

Выше упоминалось о создании в 1902 г. в Сербии Главного комитета четнической организации. Его деятельность стала активно проявляться с 1904 г. По методам она ничем не отличалась от деятельности болгаро-македонских революционеров, с некоторыми из которых Главный комитет ненадолго установил контакты на рубеже 1903–1904 гг. Четники пользовались такой же поддержкой сербского правительства, как комитаджи (члены ВМОРО) болгарского. Сербские консулы в Старой Сербии и Македонии помогали четникам деньгами и оружием. Сербские четники, так же как и члены ВМОРО, вершили суд в селах, ликвидируя неугодных им лиц, невзирая ни на их вероисповедание, ни на национальность³⁷.

В июне 1908 г. в городе Ревель состоялась встреча императора России Николая II и короля Великобритании Эдуарда VII, на которой они согласовали новую программу реформ для Македонии, направленную на ее «автономизацию» под усиленным контролем Великих держав, что фактически означало отторжение провинции от Османской империи.

Дабы предотвратить подобное развитие событий – потерю европейских владений и вообще вмешательство европейских государств в дела Турции – в июле 1908 г. члены младотурецкого комитета «Единение и прогресс» свергли абсолютистский режим в Константинополе, восстановили конституцию 1876 г. и провозгласили равенство всех народов империи.

В октябре 1908 г., в одностороннем порядке нарушив Берлинский договор, Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Действия Вены дестабилизировали Балканский полуостров. Воспользовавшись этим прецедентом, Болгария провозгласила себя царством, полностью независимым от Турции. В Софии и Белграде активизировалось руководство революционных организаций, действующих в европейской Турции. Аннексия Боснии и Герцеговины окончательно закрыла для Сербии выход к Адриатике и заставила ее бросить все силы на юг – в Македонию. Болгария стремилась добиться автономии Македонии, а затем ее полного присоединения. Белград (как и Афины) настаивал на разделе провинции. Проводимая младотурками политика централизации и оттоманизации также способствовала подъему национальных движений в Македонии и Старой Сербии. Албанцы проявляли недовольство в связи с тем, что их заставляли платить налоги, а некоторые христиане даже получили право носить оружие.

В 1911 г. восставшие албанцы потребовали административно-территориальной автономии. Данное требование нашло поддержку у Англии. Кроме того, Австро-Венгрия поддержала стремление албанцев включить в границы своей автономии Старую Сербию и значительную часть Македонии. И хотя после ряда уступок и льгот албанцам со стороны Турции вопрос об автономии был тогда снят, призрак большой Албании своей вполне реальной материализацией пугал и Сербию, и Болгарию.

В октябре 1911 г. начались сербо-болгарские переговоры о союзном договоре. Весной 1912 г. договор был подписан, к нему присоединилась Греция. После этого косовские албанцы восстали вновь, требуя признания своих старинных обычаев, албанского языка в качестве официального, несения воинской службы в пределах Косовского вилайета и назначения туда только чиновников-албанцев. Начавшиеся переговоры с турецким правительством затягивались. Восставшие захватили Косовско-Митровицу, Печ, Джаковицу, Ораховац, Призрен, Суву-Реку, Приштину, Лаб, Урошевац и Качаник. Албанские отряды двинулись на Вардарскую Македонию, заняли Ускюб и Тетово. Готовился поход на Салоники. Но после согласия Турции на удовлетворение большинства требований албанцев, подкупа их вождей и угроз Балканского союза мятежники оставили Ускюб³⁸.

В августе 1912 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии Бертольд выступил с новыми инициативами по утверждению албанской автономии. Сербия и ее балканские союзники решили взять инициативу в свои руки, и перешли к активным действиям.

Примечания

1 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 192, 205–206.

2 Например, русский консул в Ускюбе В.Ф. Машков отмечал в январе 1900 г.: «Турецкое правительство после войны 1878 г. задалось целью переорганизовать западные и центральные вилайеты Балканского полуострова таким образом, чтобы административные границы ни одного из них не совпадали бы с этнографическими пределами населяющих их народностей. Этим, по-видимому, путем имелось в виду затруднить применение разных реформ и частичных автономий, а может быть и способствовать расселению арнаутов (вошедших в каждый из тогда реформированных вилайетов) и по таким местностям, где христианское население до сих пор оставалось более или менее сплошным»). АВПРИ. Ф. 151. Д. 1472. Л. 8–9.

3 Авторитетный сербский историк Д. Батакович пишет: «Под Старой Сербией в XIX в. сербские писатели и ученые подразумевали земли, на которых возникла, развивалась и откуда

начала распространяться вширь средневековая сербская государственность». После Первого сербского восстания 1804 г. «все территории, входившие когда-то в Сербию, но остающиеся под турецкой властью, со временем стали называться Старой Сербией. Судя по всему, первым это название употребил Вук Стефанович Караджич в 1818 г.» (*Батаковић Д.* Предговор // Савременици о Косову и Метохији. 1852–1912. Београд, 1988. С. VII).

4 Подробнее о сербских планах см.: *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007.

5 *Тимофеев А.* Истоки косовской драмы. М., 1999. С. 89, 93.

6 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2298. Л. 117–117 об.

7 Цит. по: *Шатилова Л.В.* Македонский вопрос в период балканских войн 1912–1913 гг. и политика России // Балканские исследования. Россия и славяне. М., 1992. Вып. 15. С. 189.

8 По болгарским данным, собранным в 80-90-е годы XIX в. и опубликованным в 1900 г., в Македонии проживало 2 258 224 человека. В том числе: болгар – 1 181 336 чел., греков – 228 702 чел., сербов – 700 чел., влахов – 80 767, албанцев – 128 711, турок – 499 204, евреев – 67 840 чел. и т. д.

Согласно сербской статистике 1889 г. (учитывавшей население «Старой Сербии», т. е. Македонии, Косово и Метохији), в Македонии проживало 2 870 620 человек. Из них: сербов – 2 048 320 чел., болгар – 57 600 чел., греков – 201 140, албанцев – 165 620, турок – 231 400, влахов – 69 665, евреев – 64 645 чел. и т. д.

По греческим данным, опубликованным в 1904 г., в Македонии (без Косовского вилайета) насчитывалось 1 724 818 человек. Из них: греков – 652 795 чел., болгар – 332 162, турок – 634 017, влахов – 25 101, евреев – 53 147 чел. и т. д.

(См.: Report of the International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. (Доклад международной комиссии по расследованию причин и ведения балканских войн. Вашингтон, 1914.) P. 28–30.)

9 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1437. Л. 202–203.

10 *Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С. 141.

11 «Политическим идеалом болгарина после Освобождения, – пишет болгарский историк Д. Вечев, – независимо от задач конкретного момента, была Сан-Стефанская Болгария, разрушенная решениями Берлинского конгресса» (Русия и българският национален въпрос в края на XIX и началото на XX век // България 1300. Институции и държавни традиции. София, 1983. Т. 3. С. 223).

12 *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 38–39.

13 *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 188.

14 *Пандев К.* Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878 // Борбите в Македония и Одринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 9; *Он же.* Националноосвободителното движение в Македония и Одринско. 1878–1903. София, 1979. С. 67–70; *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1983. С. 39–40.

15 *Пандев К.* Националноосвободителното... С. 77, 129, 204.

16 *Петров Т.* Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899–1908). София, 1993. С. 25–26.

17 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1469. Л. 32.

18 *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 90.

19 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2021. Л. 107.

2 °См. подробнее об этом: *Батаковић Д.* Истрага оружја у Ибарском Колашину 1901. године // Косовско-метохијски зборник. Београд, 1990.

- 21 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2021. Л. 165–167 об.
- 22 Тимофеев А. Истоки косовской драмы. С. 52.
- 23 Пандев К. Националноосвободителни... С. 18–19.
- 24 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. М., 2000. Ч. 1. С. 272.
- 25 Петров Т. Ук. соч. С. 97–99.
- 26 Струкова К.Л. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянский архив. М., 1963. С. 272–273.
- 27 Владева Л. Официална България и Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // 90 години Илинденско-Преображенско въстание. София, 1994. С. 81.
- 28 Силянов Х. Указ. соч. С. 409, 425.
- 29 Подробнее см.: Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: вопросы истории и культуры. М., 1999. С. 72–99.
- 30 Исаева О.Н. Проблема Косово и Россия в начале XX века // Новая и новейшая история. Саратов, 2000. Вып. 19. С. 137.
- 31 Тимофеев А.Ю. Сербские четы в Старой Сербии (1904–1912) // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 164–165.
- 32 Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт... С. 90–91.
- 33 Австриски документа за историјата на македонскиот народ 1907–1908. Скопје, 1981. Т. 2. С. 110–111.
- 34 Цехмистренко С.П. Греция и македонский вопрос // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 206–208.
- 35 Петров Т. Указ. соч. С. 170–174, 176.
- 36 См., например: Тимофеев А. Истоки косовской драмы. С. 70. См. также: Ямбаев М.Л. Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX вв. глазами русских консулов // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 214–222.
- 37 «Кроме вооружения сербских чет чиновники МИД в Косовском вилайете использовали сербских четников как одно из средств в борьбе за поддержание сербского населения в Старой Сербии. Благодаря этому сербский консул получал колоссальную неофициальную власть», – пишет А.Ю. Тимофеев (см.: Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007. С. 105).
- 38 Исаева О. Проблема... С. 142–144.

Глава 4

Хорватские земли и Воеводина

Хорватия и Славония. Во второй половине 60-х годов XIX в. югославянские территории империи Габсбургов в результате заключения двух договоров претерпели коренную политическую и административно-территориальную трансформацию. По австро-венгерскому соглашению 1867 г., превращавшему Австрийскую монархию в Австро-Венгрию, в состав Венгерского королевства (Транслейтании) помимо Венгрии вошли территории Трансильвании, Хорватии и Славонии, Воеводины, Закарпатской Украины и город Риека. Австрийскую часть монархии (Цислейтанию) составили Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия, Каринтия, Тироль, Зальцбург, Форарльберг, Крайна, Горица и Градишка, Триест, Истрия, Далмация, Богемия, Моравия и Силезия, Галиция и Буковина.

Королевство Хорватия и Королевство Славония, независимые друг от друга административные единицы венгерской части Австрийской империи, по венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. объединились в новое Королевство Хорватия-Славония короны св. Стефана⁵¹. Королевство Хорватия-Славония состояло из Гражданской Хорватии (или банская Хорватия, находившаяся под управлением бана) и включала три округа (Загребский, Вараждинский и Крижевацкий), и Гражданской Славонии (Вировитицкий, Пожегский и Сремский округ). Территориально Хорватия и Славония не были едины, их разделяла Военная Граница⁵². Хорватия получила возможность соединиться со Славонией после издания императорского рескрипта от 8 января 1881 г., согласно которому территория демилитаризованной Военной Границы объединялась с Хорватией и Славонией в венгерскую административно-территориальную единицу Королевство Хорватия и Славония. Таким образом после ликвидации Военной Границы Королевство Хорватия и Славония было расширено на значительную часть сербского пространства, поскольку население Военной Границы на 90 % состояло из сербов¹.

В конце XIX – начале XX вв. Королевство Хорватия-Славония являлось гетерогенным в национальном отношении территориями без выраженного хорватского характера населения в славонской и сремской части. В 1890 г. население Загреба составляло 40 000 человек, из которых четверть приходилась на иностранцев, в первую очередь, немцев. Немецкий язык был доминирующим в употреблении даже на бытовом уровне семей, не являвшихся по происхождению немцами.

---

⁵¹ Хорватские территории сохраняли очень скромные атрибуты государственности: территорию, границы и, на местном уровне – законотворчество и управление внутренними делами. Исполнительной властью для Хорватии являлись венгерские министерства, полностью контролировавшие хорватскую экономику. Зависимость всех сфер внутривнутриполитического жизни от венгерского правительства и венгерского министра-председателя была настолько велика, что хорватско-славонские отделы в совместных министерствах, предусмотренных соглашением, вскоре прекратили свое существование. Автономные права Хорватии и Славонии выражались в том, что главой правительства Хорватии являлся бан, назначаемый императором по представлению венгерского премьер-министра. Он мог обращаться к австрийскому императору, но только при посредничестве венгерского министра по хорватским делам. Статья 52 австрийской конституции власть бана определяла как исключительно гражданскую (т. е. она не могла соединяться с военной властью). Хорватия и Славония были практически полностью исключены из участия в законодательных и исполнительных органах власти Австрийской империи: в состав венгерской делегации (60 депутатов) в имперский парламент – рейхсрат – входили только пять депутатов от Хорватии и Славонии, причем избирал их не парламент Банской Хорватии – сабор, а венгерский парламент. Хорватский сабор должен был практически без обсуждения принимать законопроекты венгерского парламента.

⁵² К Военной Границе (Военной Крайне) принадлежали географические регионы Лика, часть Горского котара, Кордун, Бания, Крижевцы, Джурджевац с окрестностями и присавский пояс до Земуна. Военная Граница начала формироваться в XV в. в период продвижения турок на Балканы – к Славонии и Хорватии, находившихся под австрийским (венгерским) управлением. Задачей граничар была защита Австрийской монархии от Турции, взамен они объявлялись свободными от феодально-кметских повинностей. С 1630 г., когда император Фердинанд II даровал граничарам Диплом, территория Военной Границы находилась под прямым управлением Вены (до 1881 г.). (См. *Илић Ј., Николић Д., Влаховић П., Кишчићев С...* Срби у Хрватској: насељаванје, број и територијални размештај. Београд, 1993. С. 26.).

В австрийской монархии перепись населения проводилась каждые десять лет, но этническими показателями являлись вероисповедание и родной язык. В 1890 г. население Королевства Хорватии-Славонии составляло 1 841 000 человек, в 1910 г. более 2 600 000, из них римокатоликов различного национального состава было 1 863 847 (с 1869 по 1910 г. отмечается увеличение католического населения на 600 000 чел.), римокатоликов-славян (сербов, буневцев, шокцев и хорватов) – 1 550 000, православных – 649 453 чел. Особенно увеличилось венгерское население: если по переписи 1880 г. венгров насчитывалось 41 417, 1890 г. – 68 794, 1900 г. – 90 180, то в 1910 г. уже 103 000². Население Хорватии и Славонии на 84 % было крестьянским (наивысший процент в монархии), и после Истрии эти земли являлись наиболее отсталыми в экономическом отношении³.

После заключения венгерско-хорватского соглашения венгерское правительство развернуло систематическое политическое и экономическое наступление с целью подрыва его положений и интеграции хорватских территорий. В 1882 г. началась реорганизация финансового управления Королевства Хорватии-Славонии, включающая введение, помимо хорватских, венгерских символов (герба) и двуязычных надписей на вывесках зданий финансового управления. Кроме того, составной частью венгерской политики в отношении хорватского населения было немилосердное опустошение его карманов: так, например, за период с 1873 по 1883 гг. налоги выросли на 82 %⁴.

Меры венгерской власти вызвали массовые демонстрации протеста, показавшие, что венгерскую гегемонию хорваты воспринимают как тяжкое бремя, а нарушение условий соглашения – и без того несправедливого – как беззаконие и насилие. Движение охватило практически всю банскую Хорватию, причем не только городские, но и широкие слои сельского населения. Из политических партий наиболее заметную роль в народных волнениях сыграли сторонники Партии права (праваши)⁵³. Волнения перешли в широкое крестьянское антивенгерское движение. Крестьяне протестовали против высоких налогов, принудительных мер изъятия задолженностей, ростовщичества, коррумпированности чиновников, а также против венгров вообще. Его подавление стало главной задачей венгерской власти – для этого на хорватских территориях был назначен военный комиссар – генерал Х. Рамберг, силами армии справившейся с народными бунтами.

Упомянутые события повлекли за собой изменения на хорватском политическом поле. Прежние баны, И. Мажуранич (1873–1880) и Л. Пеячевич (1880–1883) не являлись прямыми экспонентами венгерского правительства, они были связаны с хорватскими политическими силами и посредством правящей Народной партии, несмотря на вынужденные уступки, доступными средствами пытались сохранить хорватскую автономию. Новый же бан Куэн-Хедервари (1883–1903) был проводником исключительно интересов Венгрии (также он пользовался особым доверием австрийского императора). Идеологической основой правления бана Куэна служили два тезиса: сильное, единое и неделимое венгерское государство может существовать лишь в рамках Габсбургской монархии как великой державы; венгерской политической элите необходимы поддержка австрийского двора и австро-германских правящих кругов.

Для сохранения системы дуализма Куэн-Хедервари на хорватских территориях использовал такие методы, как борьба с национальными политическими движениями административно-полицейскими мерами (вне закона объявлялась любая оппозиционная, по сути, политическая деятельность); допускалась лишь активность в культурно-просветительной сфере, но

---

⁵³ Формирование политических партий в Хорватии-Славонии началось в начале 60-х годов XIX в., и до конца XIX – начала XX вв. на ее политическом пространстве появились Народно-конституционная партия (Narodno-ustavna stranka, 1861–1873), Народно-либеральная партия (Narodno-liberalna stranka, 1861–1873), Самостоятельная народная партия (Samostalna narodna stranka, 1863–1866), Партия права (Stranka prava, 1861–1895), Народная партия (Narodna stranka, 1873–1906), Независимая народная партия (Neodvisna narodna stranka, 1880–1903), Сербская народная самостоятельная партия (Srpska narodna samostalna stranka, основана в 1881).

и она рассматривалась как потенциально опасная для власти, поскольку была неотделима от процесса национального возрождения. В практическом плане Куэн-Хедервари своей задачей считал не допустить присоединения Далмации к Хорватии-Славонии и способствовать обособлению Славонии.

Основой работы Куэна-Хедервари стал лозунг «сильное управление» – т. е. формирование административной системы, позволяющей осуществлять неуклонное наступление на автономные права Хорватии-Славонии, а также принцип «разделяй и властвуй», который нашел отражение в мерах по разделению сербов и хорватов путем некоторых уступок и обещаний первым. Итогом должна была стать денационализация Хорватии-Славонии, сведение хорватского национального самосознания до географического уровня и превращение Хорватии-Славонии в несколько областей единого венгерского государства.

Куэн-Хедервари развернул систематическое наступление на Соглашение 1868 г. В период с 1884 по 1887 гг. был проведен ряд законов (о реорганизации судебной системы и управления, об отмене суда присяжных для типографских правонарушений, новый регламент работы сабора и закон о выборах), в результате которых, во-первых, чиновничий аппарат превращался в дисциплинированную армию, которая на всех уровнях – от сабора до органов общинного самоуправления – выполняла задачу подавления оппозиционной активности. Во-вторых, зависимые от власти суды превратились в средство для расправы с оппозиционными изданиями – в результате оппозиция открыто могла проявить себя лишь в саборе. В-третьих, Куэн-Хедервари установил свои правила и в саборе, поскольку новый регламент передал в руки председателя сабора абсолютную власть, который с помощью проправительственной партии не допускал проявлений оппозиционных настроений. Кроме того, Народную партию Куэн превратил в послушный инструмент своего режима и, по сути, она прекратила существование как партия. Таким образом в хорватском саборе оказался мощный административный ресурс венгерской власти, подпитываемый ее благосклонным вниманием в виде включения в систему управления и предоставления экономических привилегий вплоть до сотрудничества с собственным банком Куэна-Хедервари. В результате он настолько преуспел в плане создания системы административного давления и коррупции, что Народная партия утратила следы самостоятельной позиции.

В-четвертых, по новому закону о выборах формировалось саборское большинство, послушное инструкциям бана. Высокий ценз и другие меры привели к тому, что правом голоса располагали всего 2 % населения, что стало своеобразным антирекордом в Европе. При этом правом голоса обладали и чиновники венгерских учреждений, которые наряду с собственно хорватскими чиновниками составляли значительную часть избирателей. Более того, Куэн-Хедервари применил систему «выборной геометрии» – территориальной реорганизации избирательных округов в ущерб тем регионам, в которых предположительно победу могла одержать оппозиция. Избирательный срок продлевался с трех до пяти лет, голосование было открытым – т. е. сторонник оппозиции тут же становился известен.

В экономическом плане в 1889 г. квота в 45 %, определенная соглашением 1868 г. от суммы прямых и косвенных налогов, предназначенная Хорватии-Славонии для покрытия собственных нужд, сокращалась до 44 %. Это положение сохранилось до распада монархии⁵.

С 80-х годов XIX в. на политическом поле Хорватии-Славонии основными являлись три хорватские политические партии – Народная партия, Независимая народная партия и Партия права, а также Сербская народная самостоятельная партия.

Духовными вождями Народной партии Хорватии были видные представители римско-католического духовенства – джаковский архиепископ Йосип Юрай Штроссмайер и историк, каноник Франьо Рачки. Паства архиепископа насчитывала около 300 000 верующих, под его управлением находились приходы с общим доходом более 1 млн форинтов ежегодно, так что джаковский владыка мог оказывать партии не только моральную, но и солидную матери-

альную поддержку. Штроссмайер утверждая, что культура является основой успешной политической работы, что нет и не может быть политического единства народа без необходимой предпосылки – культурной общности⁶, финансировал ряд культурных учреждений – Югославянскую академию наук и искусств, университет и Галерею искусств. Его целью было превратить Загреб, а не Белград, в культурно-политический центр «народного единства югославян»⁷.

По структуре Народная партия не была гомогенной: оппозиционный блок в ее составе (неоформленный официально), представляли «староунионисты»⁵⁴ – в основном это была оппозиция одиночек, неудовлетворенных вторыми ролями в политической жизни. Лидером «староунионистов» являлся известный публицист М. Маканц, подвергавший резкой критике политику Народной партии за отказ от концепции федерализма в рамках монархии и также разнородную структуру партии, объединявшую людей с разным политическим прошлым и настолько различными представлениями о будущем хорватского народа, что он ставил под сомнение право партии представлять хорватский народ и именовать себя «народной».

Независимая народная партия появилась в 1880 г. в результате раскола в Народной партии в связи с разногласиями в отношении политики мадьяризации хорватского пространства. Печатным рупором «независимцев» стала газета «Obzor» («Обзор»), в связи с чем членов партии именовали также обзорашами. Среди лидеров партии были такие видные общественно-политические деятели, как М. Мразович, К. Войнович, Ф. Врбанич, к которым вскоре присоединился и Ф. Рачки. Партию поддерживал также архиепископ Штроссмайер, в этой связи партия привлекла в ряды своих сторонников круги интеллигенции, разделяющие идеи Штроссмайера, а также римско-католическое духовенство. В целом партия носила умеренный оппозиционный характер. Ее программа содержала пункты о полной автономии Хорватии, Далмации и Риеки в рамках венгерской части монархии, борьбе против мадьяризации хорватских органов власти и общественных институтов и, по сути, являлась переходной ступенью от дуализма к триализму (формирование третьей, югославянской, государственной единицы Габсбургской монархии). Партия не отказывалась от сотрудничества с другими политическими силами и не впадала крайность беспредельной уступчивости венгерскому правительству, подобно Народной партии. Однако массовой, широкой поддержки народа эта партия не снискала. Со временем отчетливо проявилось ее стремление к сотрудничеству с Партией права (однако против этого был лидер Партии права А. Старчевич, находящийся в остром конфликте со Штроссмайером, Старчевич вообще предпочитал не сотрудничать с другими политическими организациями).

Превращение Народной партии в средство реализации политики Куэна-Хедервари лишило хорватское политическое поле силы, защищающей хорватскую автономию хотя бы на базе соглашения 1868 г. В 1885 г. была создана центристская политическая группа – Центрум – во главе с И. Драшковичем, выступающая за соблюдение соглашения и за реализацию национальных прав хорватов в его рамках. Опираясь Центрум на венский двор, рассчитывая на покровительство императора Франца Иосифа. Практически все депутаты Независимой народной партии перешли в лагерь Центрума, партия практически перестала существовать, но и Центрум, не получив столь ожидаемого содействия императора, который, напротив, поддерживал Куэна-Хедервари, распался через год после своего создания.

Ключевым вопросом хорватской национальной политики в конце XIX в. являлась проблема объединения территорий. На путях к поиску путей осуществления задач территориального единства и создания единого хорватского государства перед хорватскими политическими кругами сразу же возникла главная дилемма: способны или нет хорваты разрушить монархию или, по крайней мере, переустроить ее на основе федерализма? Перспектива федерализа-

⁵⁴ Унионистами назывались сторонники Народно-конституционной партии, которыми в основном являлись крупные землевладельцы, выступающие за союз с Венгрией.

ции Австро-Венгрии выглядела более реалистично, нежели ликвидация монархии как таковой. Лидеры Партии права Анте Старчевич и Эуген Кватерник осью своей политической деятельности избрали идею реализации хорватских интересов посредством «огосударствления» хорватской нации на основе «хорватского исторического государственного права»⁸. По венгерскому примеру, когда на территории

Венгрии признавалось существование лишь одной, венгерской «политической нации», Старчевич и Кватерник сформировали доктрину о существовании «одного-единственного хорватского политического народа». Теория государственного права хорватов с течением времени стала представлять большую опасность для сербского населения, составлявшего в Хорватии-Славонии и Далмации от одной трети до почти половины населения, особенно в Военной Границе, где сербов было подавляющее большинство⁹.

Идеологию хорватского национализма в публицистических трудах сформулировал А. Старчевич – культовая фигура хорватской национально-политической жизни. Политическая идеология Старчевича – противника западной цивилизации, анархии, революции и абсолютной демократии – основывалась на простых и ясных формулах. Таковыми являлись тезисы «свободная, независимая, объединенная Хорватия», «Бог и хорваты», «восстановление хорватского исторического государственного права», «в Хорватии существует лишь один политический народ», «ни с Веной, ни с Пештом, но с законным хорватским королем», «в Хорватии не признается ни сербская национальность, ни сербское имя», «самый большой враг Хорватии – Австрия», «хорваты должны позаботиться о себе, славянство их не касается» и т. п. Его национализм сводился к отрицанию всего того, что, по его мнению, не является национальным, он хотел «защитить хорватский дух от всего чуждого» и создать свой идеал «хорвата-гражданина» (Старчевич в определенном смысле стал творцом «*civis croatus*»).

Спецификой основанного им правашского движения стало соединение в его идеологии государственно-правового историзма, национализма (вплоть до шовинизма) и легитимизма¹⁰. Идеологию, ориентированную на славянство или «славянское братство», Старчевич осуждал самым решительным образом, полагая, что «это пустые слова, у этих фантазий нет никаких оснований в прошлом и перспектив в будущем». Он утверждал, что все южные славяне, соответственно, и сербы в Сербии, являются хорватами¹¹ и ввел в политический оборот термин «славосербы» (от лат. «*sclavus*» и «*servus*»). Оспаривая этнический характер наименования сербского народа и с претензией на серьезный исторический труд он пытался в ином свете объяснить историю хорватского народа, отстаивая право хорватов на «реставрацию прежней исторической государственности», в ходе создания которой был подчинен и с помощью христианства «абсорбирован» народ – «раб-пленник-кмет» (т. е. сербы). В целом характер правашского движения был непримиримо антисербским, сам Старчевич стал основоположником хорватского эксклюзивизма, генетически обусловившего возникновение впоследствии фашистского усташского движения. В свете событий Второй мировой войны зловещим предзнаменованием выглядят слова Кватерника: «Ах эти сербы – нож в горле моего народа!»¹². Являясь рассадником идеологии хорватской национальной исключительности, Партия права ознаменовала собой поворот к идеологии построения этнически чистого хорватского государства. Под последним праваша подразумевали территорию практически всего югославянского пространства, где сербам, словенцам и мусульманам Боснии и Герцеговины предстояло, по представлениям идеологов партии, ассимилироваться в хорватов¹³.

Правашское течение времени Старчевича не было политической партией в полном смысле, скорее оно являлось общественно-значимым национальным явлением, движением национальных традиций и национальных ожиданий. Партии так и не удалось четко сформулировать свою программу, ее лидеры оставались верны двум основным столпам своей поли-

тической идеологии – хорватской национальной идее и отрицанию существующей государственно-правовой системы.

Социальную программу партия практически игнорировала, в том числе и острый аграрный вопрос, не рассматривая возможность проведения земельной реформы с наделением крестьян землей. Она концентрировалась лишь на национальной и государственно-правовой сфере. Однако Старчевич говорил об экономической отсталости хорватских территорий, росте налогообложения и общем обнищании населения. Идеология партии включала также пункты о сохранении традиционного социального порядка (семейной задруги), сопротивлении индустриальной цивилизации и учениям социалистического толка, недопущении раскола нации в виде классово-борьбы, расширении гражданских свобод, введении всеобщего избирательного права, самоуправлении общин и выборах приходского духовенства и епископов.

Интересна позиция Старчевича относительно роли и места римско-католической церкви в жизни хорватского народа. С одной стороны, в его идеологии ясно прослеживается антиклерикальная линия, он полагал, что «всем своим несчастьям хорваты обязаны попам»¹⁴. С другой – как бывший священник он оставался убежденным католиком, и в его идеях особенно важной представляется обоснование исторической миссии римско-католической церкви в «растворении с ее помощью в хорватской среде пришлого сербского населения».

Политическая борьба осложнялась тем, что на выборах в сабор административный ресурс власти бросался на поддержку кандидатов проправительственной Народной партии, а в отношении избирателей применялись методы прямого запугивания и подкупа. Это приносило результаты: силы хорватской оппозиции в парламенте были значительно ослаблены. Следствием стал выход правашей за стены сабора: идеи Партии права о независимом хорватском государстве и суверенности хорватского народа получили распространение среди мелкой буржуазии, а также молодежи. Появление на хорватском политическом поле «правашской молодежи» (правашская оmlадина), которая активно заявила о себе в ходе Народного движения 1883 г., привнесло в жизнь хорватов новый дух и острый интерес к актуальным общественно-политическим вопросам современности.

В 1881 г., после присоединения Военной Краины, в Хорватии и Славонии с целью защиты сербской национальной индивидуальности и равноправия сербов и хорватов, католической и православной церквей, была основана Сербская народная самостоятельная партия. Сербская оппозиция сгруппировалась вокруг газеты «Србобран», выдвинув требование предоставления сербам церковно-школьной автономии и ревизии венгерско-хорватского Соглашения. Партия поддерживала требование хорватских политических кругов об объединении Хорватии и Славонии с Далмацией, однако позиции сербских и хорватских политических сил в Хорватии-Славонии разошлись по ряду вопросов – оккупации Боснии и Герцеговины, школьной реформы бана Мажуранича и антисербской пропаганды правашей. Югославизм Независимой народной партии также вызывал у сербской общественности недоверие, в том числе в связи с влиятельным положением в ней римско-католической иерархии, воспринимавшейся как угроза политической и экономической основе жизни сербского народа – церковно-школьной автономии. Опасность заключалась и в политике мадьяризации территории Хорватии-Славонии. Однако, несмотря на совпадение интересов сотрудничества Сербской народной самостоятельной партии с хорватскими политическими силами не получилось – хорватские претензии на Боснию и Герцеговину привели к отказу сербской партии от идеи присоединения Далмации к Хорватии-Славонии и сосредоточении исключительно на сербских интересах. В этом направлении в 1884 г. сабор принял закон о церковно-школьной автономии (самостоятельное решение вопросов, касающихся церкви и школьного образования, на церковных соборах, финансирование православных церквей и школы из бюджета, равноправие кириллицы и латиницы). В том же году сербские депутаты сабора в целом поддержали экспозитуру Куэна-Хедервари – Народную

партию. Сложившийся расклад политических сил сохранялся до окончания правления Куэна-Хедервари в практически неизменном виде¹⁵.

Давление Куэна и – во внешнеполитическом плане – ослабление позиции России на Балканах привели практически к исчезновению идеи общей хорватско-сербской борьбы против монархии под российским патронатом и к значительному подрыву сил хорватской оппозиции в саборе. На выборах 1887 г. праваша потерпели поражение. Фактически с хорватской оппозицией венгерская власть справилась, превратив ее в неопасную для режима группу.

После падения в 1890 г. венгерского правительства К. Тиссы, а спустя три года – австрийского правительства Э. Таафе в монархии наступил период внутренних кризисов. Кризис дуализма охватил период с 1890 по 1903 гг., барьером, отделившим нестабильность от тяжелых потрясений, стал 1895 г. С одной стороны, в Венгрии на власть остро нападала Независимая партия, с другой – ситуацию усугубляли австро-германские столкновения. Общественно-политическая жизнь Хорватии-Славонии в 90-х годах XIX в. в целом ознаменовалась конфликтом между сербскими и хорватскими политическими элитами, в ходе которых в ход шли все средства – отрицание существования сербского/хорватского народов, приписывание культурных достижений лишь одному из них, взаимные распри, претензии и т. д.

В 1892 г. бан Куэн-Хедервари создал финансовую основу для своего режима: при помощи венгерского и германского капиталов был основан Ипотечный банк, находящийся под контролем венгерского правительства и получивший статус привилегированного относительно местных банков. Более того, он являлся монополистом на ипотечное кредитование, составляющее основу банковских операций в аграрной стране. Кроме того, фонды всех местных органов власти Хорватии-Славонии направлялись исключительно в Ипотечный банк. Свое монопольное положение он сохранил до 1907 г.

Кризис дуализма и рост социальной дифференциации (рост числа торговцев и ремесленников, отмежевавшихся от крестьянства и в большинстве своем выдающих займы под проценты) привели к сужению социальной основы сторонников правашей. Утверждение о том, что Партия права представляет интересы всего народа, стало беспочвенным. Изменение социально-экономической ситуации привлекло в ряды правашей римско-католическое духовенство, в основном, молодого возраста, старшее поколение больше поддерживало Независимую народную партию. Почти все католическое духовенство, кроме верхушки, зависимой от власти, находилось в оппозиции – связано это было с усилиями венгерского правительства по проведению церковной реформы, прежде всего, по введению гражданского брака. Опасения, что реформы затронут хорватские территории, способствовало оппозиционным настроениям духовенства¹⁶.

Партия права, продолжавшая отстаивать идею создания самостоятельного хорватского государства (не связывая при этом его существование с монархией Габсбургов) рассматривалась в Вене как «изменническая». Ярлык, приклеенный властью, принес партии дополнительные сложности в ее деятельности. Тогда группа правашей, сторонников так называемого современного правашства, выдвинула инициативу приспособления Партией права ее политической программы к существующей политической ситуации и избавления, таким образом, от характеристики «изменников».

С 1891 г. особенно активно эту идею проводили в жизнь Фран Фолнегович и Йосип Франк, каждый на свой манер. Фолнегович прилагал все силы для трансформации партии и превращения ее в мощную и твердо организованную всенародную партию. И небезуспешно – партия действительно расширила свои ряды среди хорватского народа, включая Далмацию и Истрию. Тогда Фолнегович посчитал, что настало время «реальной политики» и попытался наладить контакт с правящими кругами Вены, чтобы «изнутри монархии» работать над осуществлением идеала единой Хорватии. Последняя, по его мнению, отвечает жизненно важным

интересам империи Габсбургов, поэтому Хорватия должна стать опорой династии против итальянцев и сербов¹⁷.

Одновременно в партии появился человек, полностью изменивший ее идеологию и политическую практику – Йосип Франк⁵⁵. Его вхождение в партийные ряды было связано с экономическими мотивами – он обещал поправить тяжелое материальное положение изданий партии, и руководство решило передать главный печатный орган партии, газету «Hrvatska» («Хрватска»), в его руки, т. е. доверили газету человеку, не разделявшему идеи Партии права. Именно тогда, в 1890 г., начался процесс превращения Партии права в свою полную противоположность – франковскую партию (франковцы). При этом Франк использовал имя и авторитет Старчевича, подчинив его, уже к тому времени тяжело больного и пожилого человека, своему влиянию. Таким образом Франк не только фактически уничтожил изначальную Партию права, но, более того, ему удалось убедить большинство членов партии и ее сторонников в том, что именно он отстаивает «чистоту» идей Старчевича.

Франк также стремился убедить правящие круги Австрии, что партия является про-династической и может быть полезной монахи, а ее деятельность не противоречит интересам ни Австрии, ни Венгрии (Старчевич всегда выступал категорически против подобного подхода, полагая, что государственно-правовые изменения в монархии после 1848 г. являются незаконными). С этого времени от прежнего правашства остались лишь формальные лозунги. Франк утвердил новое направление развития Хорватии – «стать мостом, по которому Австрия вступит на Балканы». Он также инициировал систематическую антисербскую пропаганду и антисербскую деятельность Партии права.

Изменения в идеологии партии заключались в том, что от ультрарадикальной антидуалистической оппозиции партия трансформировалась в «мягкую» оппозицию Куэну-Хедервари. «Современные» правашаи взяли курс на объединение с обзорашами (реанимировавшими себя как партия после распада Центрума Драшковича), переговоры с которыми закончились в 1894 г. принятием общей программы. В качестве основного принципа деятельности она декларировала «хорватское государственное право», а своей главной задачей ставила использование законных средств для того, чтобы хорватский народ, проживающий в Хорватии, Славонии, Далмации, Риеке с окрестностями и Междумурье, Истрии и Боснии и Герцеговине, объединился в единое государственное образование в рамках Габсбургской монархии. Это было компромиссное решение: обзорашаи перешли на позицию правашей относительно предполагаемых границ хорватского государства, правашаи, в свою очередь, согласились решать хорватский вопрос в рамках монархии. Однако именно в этот момент Франк неожиданно выступил против, положив начало острым дискуссиям, перешедшим в серьезные столкновения двух партий. Так была ликвидирована опасность для режима Куэна-Хедервари со стороны так, по сути, и не сложившейся объединенной хорватской оппозиции. Сама же программа, нечто среднее между дуализмом и триализмом, являлась основой деятельности хорватских оппозиционных групп вплоть до ликвидации монархии.

В июне 1894 г. была предпринята попытка создания единой Партии права «всех хорватских территорий», однако реализации этих планов неизменно противостоял Франк, взявший в свои руки руководство партией в Загребе. Внутренние конфликты привели к попытке Фолнеговича, а также далматинской и истринской группы правашей отстранить Франка от руковод-

---

⁵⁵ Йосип Франк – адвокат, независимый депутат сабора с 1884 г., известный в промышленно-финансовых хорватских кругах как специалист по финансовым отношениям Венгрии и Хорватии. Он отстаивал тезис о финансовой самостоятельности хорватских территорий, но его идеи не имели ничего общего с Партией права, он был сторонником Центрума И. Драшковича, его доктрины «чистоты Соглашения 1868 г.» и необходимости формирования хорватского правительства из числа лояльной династии хорватской аристократии. Франк был одержим идеей политического лидерства и потому присоединился к самой популярной на хорватских территориях партии. Если еще в 1889 г. он остро нападал на Старчевича, то уже в следующем году он стал членом его партии (*Šidak J., Gross M., Karaman L., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 145.*)

ства. Однако именно в это время произошло событие, использованное Франком для контрастности. В ходе визита австрийского императора Франца Иосифа в Загреб в сентябре 1895 г. загребская молодежь, в основном студенты, провела акцию сожжения венгерского флага (перед памятником бану Елачичу), чтобы продемонстрировать то, что Хорватия не является покорной венгерской провинцией⁵⁶. Хорватская общественность студенческую акцию приветствовала единодушно, хотя сами ее участники подверглись репрессиям со стороны властей – арестам и исключению из университета. Правда, большинство исключенных студентов затем продолжило обучение в Пражском университете, впитав там еще более радикальные политические идеи⁵⁷.

Фолнегович, исходя из опасений, что акция протеста подорвет его усилия по приходу партии к власти на основе умеренной оппозиционной платформы и в целом по созданию продинастического образа, выступил с осуждением действий молодежи. В результате в рядах партии в 1895 г. произошел раскол: из ее рядов вышли Франк, А. Старчевич, М. Старчевич и Э. Кумичич, основавшие клуб Чистой (Истинной) партии права, а затем создавшие новую – Чистую партию права (ЧПП или франковцы, 1895–1910)¹⁸. Эта партия встала на наиболее экстремистскую позицию в отношении сербского народа и создания «единого независимого хорватского государства, объединяющего все принадлежащие хорватам на основе исторического права территории». ЧПП стала издавать газету «Hrvatsko pravo» («Хорватское право»), оставившая за собой прежнее название – Партия права (1895–1903), которую возглавил Фолнегович – газету «Хорватское отечество» («Hrvatska domovina»), в связи с чем за последними закрепилось название домовинаши.

Между двумя группами правашей разгорелась беспощадная борьба, в которой каждое крыло пыталось присвоить себе авторитет А. Старчевича. При этом франковцы вначале склонились к либеральному направлению, а домовинаши – к клерикальному. С течением времени сильнее всего проявило себя клерикальное направление, на сторону которого постепенно перешел и Франк¹⁹.

В феврале 1896 г. умер Анте Старчевич. Правашские партии, существовавшие после 1895 г., представляли собой взаимно конфликтующие течения, ни одному из которых не удалось приблизиться к его влиянию и авторитету. Дальнейшая идейная эволюция франковцев и домовинашей заключалась в том, что Фолнегович постепенно склонялся к дуализму, а Франк уверенно дрейфовал к безусловному подчинению Вене. Со временем бановинское правашество свелось только к франковскому движению.

Период 1883–1903 гг. стал временем крайнего обострения сербско-хорватских отношений. В Хорватии сербские политические факторы во многом поддерживали Куэна-Хедервари, который, в свою очередь, старался превратить их в послушный инструмент своего режима. Хорватские правашские круги изображали сербов как «врагов свободы хорватов», сербы в ответ на усиление хорватской политики в Боснии и Герцеговины и в Приморье видели «руку Вены» и обвиняли хорватов в «прислуживании Австрии»²⁰.

Начало XX в. в монархии ознаменовалось резким обострением политической ситуации. Тяжелый внутренний кризис вызвали национальные столкновения в Чехии, конфликт австро-германских с венгерскими правящими кругами, новый виток мадьяризации, вторгшейся в культурно-просветительную сферу невенгерских народов, а также экономическое и политиче-

⁵⁶ Этой акции предшествовали антисербские демонстрации, вызванные появлением сербского флага на здании православной церковной общины.

⁵⁷ Самый глубокий след оставили идеи чешского профессора Т. Масарика, который предложил заменить революционные меры умеренной оппозицией, «большую политику» – теорией «малых дел», полагая залогом успеха национально-политической борьбы кропотливую, каждодневную социально-культурную работу в народной среде. Также одной из основных концепций Масарика было выдвижение идеи славянской солидарности в противовес германскому «Drang nach Osten».

ское усиление Германии (вплоть до появления в монархии течения, нацеленного на распад монархии и присоединение к Германии немецких и славянских территорий).

В начале столетия Королевство Хорватия и Славония являлось одной из наиболее экономически отсталых территорий Австро-Венгерской монархии. Несмотря на то, что в первом десятилетии число индустриальных рабочих на его землях выросло на 90 тыс. чел., основой экономики оставалось сельское хозяйство²¹. Главная проблема заключалась в невозможности для крестьян приобрести землю, основную прибыль из сельхоз-производства извлекали банки и иностранцы, в их руках оказались практически все значительные земельные владения. Население в основной массе беднело, крестьянство «увязало в векселях и ипотеках», становясь «рабами капиталистических банков и ростовщиков»²². Публицисты того времени отмечали: «иностранец, заклятый враг нашего рода, надменный венгр или лукавый немец, скупает земли наших крестьян и заселяет их, строит себе школы и вытесняет хорватов из Хорватии»²³. Слаборазвитая индустрия, большая часть которой состояла из иностранных предприятий с венгерским капиталом, не могла вместить всех нуждающихся в заработках. В результате около одной десятой части населения вынуждено было переселиться в более развитые страны. В целом в период с 1900 по 1914 г. из Хорватии и Славонии за границу (преимущественно в США) переселилось около 230 000 чел.²⁴

На фоне сокрушительного поражения оппозиции на выборах 1901 г. на политическом пространстве Хорватии-Славонии наступили значимые перемены: политические процессы получили развитие в двух направлениях – образование новых партий и движений и слияние прежних политических групп; политически активные слои хорватского общества раскололись на два основных противоборствующих фланга – либерально-демократический и консервативно-клерикальный.

Новые идеи, вызревшие в среде весьма воинственно настроенной прогрессивной молодежи (напредна омладина, 1897–1903) выразились в отречении от правашской доктрины об исключительно хорватском характере хорватского пространства, выдвинув вместо нее тезис о единстве хорватов и сербов; взамен католической направленности хорватской культуры они обратились к критике римско-католической церкви и обличению клерикализма; отвергли прежнее культурное наследие и мировоззренческие ценности как «устаревшие» и обратились к их источнику за хорватскими пределами – к идее общеславянского единства или к либеральной идеологии²⁵. В 1896 г. была основана организация «Объединенная хорватская и сербская омладина». Печатным рупором ее идей стал альманах «Narodna misao» («Народная мысль»), на переломе веков выступивший с критикой существующей политической ситуации, основное внимание уделяя актуальной общественно-политической проблематике, но не обходя вниманием области науки, культуры и искусства.

Организационно прогрессивная молодежь оформилась в 1901 г. Через год домовинашская Партия права и обзоршская Независимая народная партия соединились под именем Хорватская оппозиция, которая постепенно смягчила свое прежде неприязненное отношение к омладине. В 1903 г. Хорватская оппозиция продолжила деятельность под именем Хорватская партия права (Hrvatska stranka prava, 1903–1910) – так была оформлена партия, объединившая домовинашей, обзоршшей и омладину. Таким образом впервые после десятилетнего перерыва хорватская оппозиция было консолидирована (однако на очень краткий период).

Новая волна развития омладинского движения появилась в условиях борьбы хорватских городов против венгерского доминирования, развернувшейся в 1903 г. Тогда о своем протесте, как следует из донесений чиновников о волнениях в Загребе, заявили «не только студенты университета, но и дети в возрасте 10–14 лет, выступившие впереди всех, разбивая окна при поддержке интеллигентных слоев населения и журналистов». Среди агитаторов в донесениях как «особо агрессивный и опасный» отмечался С. Радич²⁶.

В том же 1903 г. в Хорватии-Славонии была создана Сербская народная радикальная партия (*Srpska narodna radikalna stranka*). Весной 1904 г. лидеры прогрессивной молодежи приступили к изданию собственной газеты «*Pokret*» («Движение»), тем самым продемонстрировав нежелание продолжать деятельность в рамках Хорватской партии права. В декабре 1904 г. была создана их собственная Прогрессивная партия (*Napredna stranka* или *напредняки*, 1904–1906), ставшая впоследствии главным союзником политики «нового курса» в Далмации. Тогда же, в декабре 1904 г. была основана и Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП, *Hrvatska rička seljačka stranka*) под руководством братьев Антуна и Степана Радичей.

Хорватская народная крестьянская партия отличалась и от «старых» партий, и от оmlадинского движения. Основы ее идеологии сформулировал А. Радич: основу народа составляет крестьянство; народную культуру следует поднять до уровня современной цивилизации; крестьянство должно стать главным политическим фактором; народная культура должна включить интеллигенцию, образованную в чуждом духе; основой народной крестьянской культуры является римско-католическая религия; между южными славянами следует развивать идеи братства и солидарности. В 1899 г. А. Радич основал газету «*Дом*» («Дом»), сыгравшую важную роль в идейном оформлении ХНКП. В то время как Антун являлся идеологом партии, его младший брат Степан возглавил практическую политическую и пропагандистскую деятельность.

В национальном вопросе Радичи не поддерживали Соглашение 1868 г., выступали за федеративное переустройство Австро-Венгрии с созданием пяти бановин: альпийской (немецкой), польской, чешской, галицийской и хорватско-сербско-словенской. Центром последней бановины предполагался Загреб.

Расхождения С. Радича с оmlадиной было обусловлено различным подходом к ряду вопросов: в то время как оmlадина уделяла значительное внимание социальной проблематике, Радичи относились к ней скорее негативно, осуждая социалистическое учение и идею революционных изменений общественных отношений, предпочитая мирную эволюцию и культурно-экономический прогресс народа. Тем не менее в целом братья Радичи выступали против имущественного расслоения в хорватском обществе и подвергали критике крупный капитал (особенно иностранный), считая необходимой проведение аграрной реформы с ограничением земельных владений до 300 га с выплатой компенсаций для тех, у кого излишки земли пришлось бы отрезать.

Объединяли Радичей с оmlадиной требования демократизации общественной жизни, осуждение политики оппозиции в «государственно-правовом направлении» и поддержка идеи хорватско-сербского единства²⁷. Так, ХНКП выдвигала требование о введении всеобщего голосования и была пронизана «народническими настроениями». Ее социальная опора – крестьянство – была несравнимо более сильной, нежели у *напредняков*, однако ее политическая деятельность была ограничена избирательным правом, исключавшим широкие народные массы из процесса участия в выборах. Именно в связи с ограниченной избирательной активностью населения взлет партии начался после реформы избирательной системы 1910 г., а в общем югославянском государстве, созданном в 1918 г., ХНКП стала ведущей политической силой хорватов²⁸.

Социал-демократическое движение получило развитие на территории Срема, восточной Славонии и Хорватского Загорья. Оно выразилось в создании осенью 1894 г. Социал-демократической партии Хорватии и Славонии, первой югославянской социалистической партии. В 1895 г. был проведен первый конгресс Социал-демократической партии Хорватии и Славонии, принявший проект программы партии. В основном он базировался на Эрфуртской программе германской социал-демократии, но в отличие от нее включал требования о легализации профсоюзов, а также национальную и аграрную программы. Кроме того, процесс перехода от капиталистической к социалистической стадии развития предполагался не революционным путем, а исключительно легальными средствами. В национальном аспекте проект содержал

пункты о расширении хорватской автономии, необходимости культурного единства югославян и отрицал какое бы то ни было национальное или религиозное доминирование одного народа. Социалисты были единственными, кто последовательно отстаивал идею хорватско-сербского сотрудничества. Программа была принята на втором конгрессе партии в 1896 г. и оставалась в силе до 1914 г.²⁹

Примечательно, что Й. Франк попытался взять под свой контроль и социалистическое движение в Хорватии-Славонии. Так, в 1895 г. он основал альтернативную, националистическую организацию хорватских рабочих, целью которой была, во-первых, борьба с социалистами, а во-вторых, превращение движения в еще одну франковскую организацию. В противовес Франку домовинаши, влияние на которых оказало римско-католическое духовенство, основали христианско-социальную организацию по примеру схожих объединений в Австрии и Словении. Также противниками социалистической идеи выступала прогрессивная молодежь.

В 1895 г. возникло крестьянское социалистическое движение в Среме, определяющую роль в котором сыграл известный сербский социалист Васа Пелагич. Однако власть Куэна-Хедервари беспощадно расправилась с социалистическим движением в Хорватии-Славонии посредством проведения судебных процессов («митровский процесс») над членами загребского руководства социалистов. Хотя обвинению не удалось доказать ни одного пункта обвинительного заключения, обвиняемые, включая лидеров движения И. Анцела и В. Корача, были осуждены на тюремное заключение.

Политическая деятельность католической церкви. Принципиально новым явлением в общественно-политической жизни Хорватии стал клерикализм – стремление высшей римско-католической церковной иерархии получить доступ к контролю и управлению общественно-политическими процессами. Начало этому новому политическому явлению положил 1897 г., когда в рамках домовинашско-обзорашской коалиции с целью противостояния напреднякам и социалистам была сформирована самостоятельная клерикальная организация.

Несмотря на выдвижение к началу XX в. на первый план общественно-политической жизни светской интеллигенции, роль духовенства по-прежнему оставалась решающей. Клир контролировал такие сферы, как национальное просвещение, политическую борьбу в ходе избирательных кампаний и организации национального характера³⁰. Таким образом, единственным влиятельным представителем политических интересов хорватского народа в тот период, как подчеркивает современный хорватский историк Ю. Кришто, являлась католическая церковь, представители которой успешно отбивали критику, утверждая, что недовольство народа обусловлено либо бюрократией, либо коррупцией. Либеральные же круги выражали уверенность в «оглуплении» народа духовенством и его «противодействии прогрессу», церковные иерархи, напротив, были уверены в том, что «прогресс несет в себе неминуемую гибель»³¹.

Однако в целом распространение к началу XX в. либерализма и неразрывно связанного с ним антикатолицизма (и – более широко – антихристианства) на хорватских землях заметно ослабили положение католической церкви. Большинство представителей клира, столкнувшись с этим явлением, не знали и не могли знать, как следует реагировать на это новое явление. Однако римско-католическая церковь не осталась сторонним наблюдателем попыток низвести ее влияние в обществе. Охарактеризовав либеральные движения «изошренными спекуляциями идеальными понятиями просвещения, прогресса и свободы»³², представители католической иерархии предприняли «контрнаступление» с целью расширения общественно-политического, социального и культурного влияния церкви. Новые идеи должны были обрести практическое применение, и этой цели был подчинен Первый общехорватский католический конгресс (Загреб, 3–5 сентября 1900 г.).

Конгресс стал точкой отсчета в организационно-идеологическом оформлении хорватского католицизма и получил как у современников, так и у последующих исследователей характеристику создателя «клерикальной программы на весь XX в.»³³. Принципиальным отличием деятельности клира в XX в. от предыдущего периода стал выход из рамок политических партий, самостоятельная общественно-политическая деятельность вплоть до усилий по постановке политических партий под свой контроль.

Боснийский архиепископ Йосип Штадлер, определивший путь развития хорватского национального движения в Боснии и Герцеговине, сформулировал основные цели клерикальной деятельности – закрепление консервативного клерикального компонента в идеологии хорватского национального движения. Аргументируя необходимость проведения католических съездов, Штадлер указывал, что «поздно готовиться к войне, когда она уже идет, если хочешь стать героем в войне, готовься к ней во время мира... Католические конгрессы – это боевые учения для подготовки к войне»³⁴. Он, приняв на себя роль флагамена хорватского национального движения, взял курс на слияние политического клерикализма и общественно-политической жизни, при этом вся последующая религиозно-политическая деятельность боснийского архиепископа стала носить ярко выраженный воинствующий характер.

Для участия в работе Первого общехорватского католического конгресса в небывалом количестве собрались хорватские прелаты: Загребский архиепископ Юрай Посилович, Джаковский архиепископ Йосип Юрай Штроссмайер, епископ острова Крка Антун Махнич, Люблянский епископ Антун Еглич, епископ Дубровника Йосип Марцелич, Боснийский архиепископ Йосип Штадлер и др. На первом торжественном заседании присутствовало 5 тыс. человек³⁵.

На конгрессе были поставлены три основные задачи: отделение католиков от «гибельных» либеральных и революционных течений, определение религиозно-национальной программы хорватского народа и поиск наиболее эффективных методов ее реализации. В целом была сформулирована общая парадигма общественно-политической практики римско-католической церкви на югославянском пространстве.

Так, для решения вопроса о территориальных границах хорватов выстраивалась сложная схема. Вначале следовал вывод о том, что обязательной предпосылкой для выполнения хорватским народом миссии, возложенной на него римско-католической церковью, является появление устойчивого хорватского национального сознания. Затем этническое самосознание должно укрепиться и распространиться «среди близких хорватам народов», «на хорватских территориях». Относительно конкретных национальных целей архиепископ боснийский Й. Штадлер провозгласил «Да здравствует боснийская Хорватия!»³⁶.

В результате работы конгресса был принят ряд резолюций. Одной из наиболее значительных является резолюция относительно перспектив развития католической жизни. Ее пункты утверждали необходимость воспитания мирян католической церкви в Хорватии в направлении рационального знания догматов, прав, устройства и истории церкви с целью ее защиты наряду с духовенством и под руководством епископата. Также предполагалось основание в Загребском университете Католического союза для студентов-католиков. Католикам предписывалось исполнять гражданские права и обязанности согласно церковному закону, но в случае противоречия государственных постановлений им следовало под руководством епископата использовать все моральные и правовые средства с целью упразднения законов, противоречащих церковным³⁷. В рамках борьбы за права церкви на территориях с достаточно развитой системой политических партий выраженного христианского характера не рекомендовалось создавать отдельные католические партии, поскольку они могут расколоть, ослабить ряды католиков и воспрепятствовать доступу католикам, имеющим иные политические взгляды.

Последняя часть работы конгресса была посвящена социальному вопросу. В развернувшейся дискуссии авторитетный священник Ф. Иванишевич выделил основные препятствия для развития благосостояния хорватских земледельцев: практически непреодолимые барьеры в получении кредитов, отсутствие средств для рационализации хозяйствования, плохо развитое транспортное сообщение и т. п. Картина, нарисованная Иванишевичем, отражала тяжелые условия борьбы за существование хорватских крестьян. В частности, он отметил бесполезность взывания к чувству христианского милосердия богаташей, владельцев значительных земельных угодий, которые, за редким исключением, стремятся не облегчить жизнь крестьян, но, напротив, всеми правдами и неправдами отнять у них последнее имущество, прежде всего, землю. Для этого использовались различные средства, в том числе предоставление займов под высочайшие проценты и на очень короткий срок. В этом случае неурожай или стихийное бедствие приводили к продаже с молотка земли крестьянина в счет погашения долга. Патриотично настроенный католический священник, указывал Иванишевич, не может равнодушно наблюдать за подобными случаями бессмысленного и неоправданного «сдирания трех шкур» с плеч несчастных землепашцев. Выходом из порочной системы отношений, по его мнению, является пример организации крестьянских сберегательных касс и касс взаимопомощи в Германии, Бельгии, Франции, Италии и даже в различных частях Австрийской империи – Чехии, Тироле, Истрии, Каринтии и Крайне. Проблема хорватских крестьян и их пастырей, по мнению Иванишевича, заключается в разрозненности и отсутствии единого долгосрочного плана действий, в оторванности центров хорватской национальной жизни – городов, где сконцентрирована интеллектуальная и финансовая элита, от основной массы населения.

Иванишевич был одним из немногих, кто критиковал устроителей конгресса за стремление «скроить великую Хорватию на основе великих программ», при этом совершенно выпуская из вида самую большую часть населения – крестьян. В результате «пропадают целые села, одно за другим», земледельцы разоряются, они вынуждены искать лучшей доли в чужих краях, «на их место приходят иностранцы, скупают собственность, поселяются на хорватских землях и уничтожают хорватский дух и католическую веру». Основание под руководством священников нескольких сотен задруг, работа духовенства в школах с целью развития и укрепления среди населения христианского духа позволит, по убеждению Иванишевича, во главе с римско-католической иерархией создать «великую организованную армию хорватских крестьян, обороняющих и сохраняющих католическую веру и хорватское отечество»³⁸.

Тем не менее резолюции по наиболее насущному социальному вопросу напоминали печальную формулу «разговоров в пользу голодающих»: в них рекомендовалось улучшение гигиенических и жилищных условий рабочих³⁹. Таким образом, на конгрессе выявилось несоответствие между уровнем поставленных задач (борьба «по всей линии фронта» с наступающим капитализмом в социально-экономической области и либерализмом в сфере идеологии) и способами их реализации (не изменяя существующего положения вещей укрепить традиционными средствами влияние римско-католической церкви и принципы католицизма в общественном сознании)⁴⁰.

На конгрессе также был поставлен вопрос: угрожает или способствует развитию национальных и патриотических чувств универсальная католическая церковь? Ответ неожиданно прозвучал как программная установка: «римская церковь давно признает важность национальности, которая для отдельных народов является даже более широким понятием, нежели родина», «отечество может перестать существовать с ликвидацией государственных границ, в то время как некоторые национальности охватывают собой несколько государств и создают в этом веке свои государства, невзирая на географические границы государств, основываясь на силе своего культурного единства». На основании данного посыла был сделан вывод о бес-

смысленности для хорватов стремится к созданию независимой национальной католической церкви⁴¹.

Таким образом, главной целью, заявленной на конгрессе, стала консолидация хорватского общества во главе с римско-католической церковью как наиважнейшим национальным институтом и на основе разветвленной системы католических обществ, направленных на развитие национального сознания. Подчеркивалось, что у хорватского народа особая историческая миссия как «оплота христианства» («Antemurale Christianitatis»). После окончания Загребского конгресса на хорватских землях отмечается возникновение «организованного католицизма». По итальянской, австрийской и германской моделям параллельно друг другу стали развиваться христианская демократия, Хорватское католическое движение и Социальный католицизм (позднее оформившийся в так называемый L'Azione Cattolica – Католическую акцию⁵⁸), с четко выраженными общественными и политическими целями, где смешивалось «временное земное» и «вечное духовное». Путаница между этими течениями зачастую возникла вследствие того, что всеми тремя направлениями зачастую руководили одни и те же люди⁴².

Хронологически Хорватское католическое движение (ХКД) охватывает период с 1900 по 1941 гг., подразделяясь на три главных этапа: 1900–1918, 1919–1929 и 1929–1941 гг., каждый, в свою очередь, содержит собственные внутренние фазы развития. Так, на первом этапе Хорватского католического движения можно выделить следующие периоды: 1900 по 1910 гг. – «время Махничя», характеризующееся появлением первых лидеров, определением целей и формированием программы и основных участников. Вторая фаза (1910–1912 гг.) являлась «золотым периодом» католического движения, когда деятельность католической церкви в разных сферах общественной жизни получила мощное развитие. На третьей фазе (1913–1918 гг.) Хорватское католическое движение характеризовалось «духовной метаморфозой», в ходе которой «взрывные» подъемы активности сменялись полной стагнацией. В это время авангард движения развил идеологию ХКД привнесением трех новых идей: о национальном единстве хорватов, сербов и словенцев, о церковной унии с использованием кирилло-мефодиевской традиции и о необходимости смягчения антагонизма католической церкви с «либералами» ради сохранения целостности доктрины национального единства южных славян. Однако все указанные идеи и методы их реализации относились не столько к церковной, сколько к политической сфере, что и обусловило поворот лидеров ХКД к данной области общественной жизни⁴³.

На первом этапе ХКД формировалось без четкой программы или плана действий, его базовые идеи и методы вырабатывались на практике. Священник Б. Перович, один из видных активистов ХКД, в своих мемуарах отмечал, что до начала Первой мировой войны оно развивалось на основе принципов и норм европейской христианской демократии и постепенно охватывало разные области общественной жизни, преуспев на религиозно-образовательном, просветительском, информационном, культурном, социальном и экономическом фронте деятельности. Это было, как он указывает, время пробуждения национального самосознания, понимания необходимости объединения хорватских земель для образования современной нации, прежде всего территорий, находящихся в составе разных государственных образований

---

⁵⁸ Термин «Католическая акция» означал, что католическая церковь поставила задачу активно расширять сферу своего влияния на все слои общества – интеллигенцию, крестьян, рабочих и молодежь. Католическая акция была разделена на несколько направлений, включавших активизацию усилий по укреплению и распространению католической веры, создание католических культурно-просветительных и политических организаций, усиление контроля над прессой, образованием и искусством. Реализация того или иного направления зависела от места и времени осуществления конкретной задачи, поставленной Ватиканом.

с различной политической и общественной системой и иным религиозным и культурным менталитетом⁴⁴.

Первостепенной задачей ХКД стало построение общества, пронизанного католическими христианскими ценностями, второстепенной – борьба с либеральными и революционными течениями. Католическая паства, «не позволяя запереть себя в гетто», «вступила в открытый диалог с современным обществом, разговаривая с ним универсальным языком, охватывающим и объясняющим прошлое и будущее, понятным как широким слоям населения, так и образованным людям»⁴⁵.

Поставленные задачи с успехом начал выполнять епископ А. Махнич (1850–1920), профессор богословия Горицкой семинарии. Именно он стал вождем католического движения на хорватском пространстве, где сыграл одну из ключевых ролей как в истории католической церкви, так и в хорватской общественно-политической жизни. Прибыв в 1896 г. из Словении в Хорватию, он принял одну маленькую и бедную епископию на о. Крка. Тогда никто не расценил это как значимое событие. Более того, духовенство банской Хорватии, крайне чувствительное к «национальному вопросу», было изначально не особо доброжелательно настроено к епископу-«чужаку» и с глубоким недоверием отнеслось к появлению под его руководством молодежного католического движения. Однако новый епископ очень быстро зарекомендовал себя как человек, ревностно отстаивающий национальные интересы своей новой паствы. В 1899 г. Махнич основал типографию и приступил к изданию газеты «*Pučki prijatelj*» («Народный друг»)⁵⁹. Под его руководством началось формирование хорватского молодежного католического движения с целью «очищения» хорватского католицизма и общественно-политической жизни от «либеральных примесей». Первой мерой, от которой ведет свой отсчет Хорватское католическое молодежное движение, стал призыв А. Махнича к духовному обновлению и развитию массовой просветительской деятельности в народе. На его призыв откликнулось духовенство Крка, Сения, Сплита и Осиека – И. Буткович, А. Алфиревич, М. Павелич и М. Маньянич, немного позднее – загребский, боснийский и джаковский клир⁴⁶.

В Хорватии, соответствии с принятыми на Первом общехорватском католическом конгрессе решениями в 1900 г. в Загребском университете был основан Католический союз, объединяющий студентов-католиков и ряд «академических» (студенческих) обществ религиозно-просветительного характера. Основателями студенческого католического движения стали И. Буткович и Л. Маракевич, в период обучения в Вене создавшие в 1903 г. общество «Хорватия» («*Hrvatska*»), ставшее примером организации студенческих католических обществ и в других университетах империи.

На создание клерикального хорватского течения повлиял внешний фактор – в 1903 г. с изменением на папском престоле (наследником Льва XIII стал Пий X) отношения между Ватиканом и Австро-Венгрией значительно улучшились.

В мае 1904 г. под эгидой епископата была основана Хорватская католическая типография, издававшая газету «Хорватство» («*Hrvatstvo*»). В 1907 г. в Загребе был основан хорватский католический студенческий клуб «Домагой», ставший центром католического движения Хорватии⁴⁷. Кроме того, появились общества «Препород» в Граце, «Качич» в Инсбруке, «Дан» в Белграде, «Крек» в Праге, «Антунович» в Будапеште и «Бакула» в Далмации. Члены этих обществ проводили совещания с теологами и организовывали в период каникул лек-

---

⁵⁹ Еще в бытность свою в Словении Махнич основал газету «Римский католик», ставшую рупором его идей и средством агитации населения за идеи «всеобщего обновления во Христе» и объединения в различного вида католические организации. Уже тогда он отстаивал мысль о твердом определении всех верующих католиков своей позиции: либо они вместе с Богом и римско-католической церковью, либо они на стороне Дьявола и либералов. Однако позиция и методы его работы были настолько радикальны, что австрийские власти вынуждены были запретить издание. Для того, что вывести словенское население из-под влияния Махнича, его и назначили епископом за пределы Словении (*Kristo J. Dalekosežne posljedice...* S. 11.)

ции среди населения. С этой целью были созданы также особые «каникулярные» молодежные организации, как «Павлинович» в Сплите и Задаре, «Добрила» в Пазине, «Мартич» в Сараеве, «Штроссмайер» в Джакове и «Качич» в Загребе. В 1910 г. в Загребе был создан единый «Хорватский католический студенческий союз», хорватские литераторы объединились в «Литературное общество Св. Иеронима», издававшее свой «Вестник» (в 1913 г. это общество насчитывало 35 тыс. чел.). Между католическими организациями существовала тесная дисциплинарная, организационная и идейная взаимосвязь. Каждое создаваемое общество было обязано иметь соответствующую финансовую основу⁴⁸.

В первом периоде развития ХКД кроме уже существующих католических изданий «Dan» («День»), «Vrhbosna» («Вся Босния»), «Katolički list» («Католическая газета») и др. был предпринят выпуск католических изданий «Hrvatska straža» («Хорватский страж»), «Jutro» («Утро») и «Hrvatstvo» («Хорватство»), отстаивавших положения конгресса и идею всеобщей католицизации Хорватии как форпоста христианства. Затем появилось еще около 20 газет, ориентированных на учащихся и студентов, а в 1913 г. епископ Махнич основал газету книжного обозрения «Hrvatska prosveta» («Хорватское просвещение»), ставшую центром хорватской католической литературы и мощным фактором развития хорватской культуры.

В частности, в «Хорватском страже», редакторами которого были иезуиты А. Алфиревич и Ф. Бинички, цель деятельности декларировалась как поддержка созданной папой Львом XIII организации «Praeservatio fidei» для сохранения и защиты католической веры. «Хорватский страж» являлся «хранителем» хорватского народа от проникновения «либеральной заразы», защитником католицизма. Но защитником «любой ценой» всего того, что сам епископ Махнич считал католическим⁴⁹. Он полагал, что одним из основных преимуществ римско-католической церкви является ее способность быть «воинствующей», поэтому неудивительно, что в идеологической системе епископа так часто встречается армейская терминология: верующих он отождествлял с войском, а положение и роль церкви в обществе – с боевой диспозицией. Радикализм Махнича и его журнала заключался в абсолютной недопустимости иных взглядов даже не на церковные или национальные, а на философские и культурные вопросы, за что его упрекали другие церковные иерархи⁵⁰.

На первом этапе деятельности ХКД был создан Сеньорат, верховный орган движения. Махнич решил предоставить право руководства движением особой «коллегии» студентов, завершивших обучение. Именно они имели право называться «сеньорами», в их компетенцию входило определение направлений деятельности всего Хорватского католического движения.

Среди крестьян предпринимались попытки создания молодежных католических обществ, однако основными организациями католической церкви на селе оставались организации Католической акции – «Мариинские конгрегации». Созданные иезуитами еще в XVI в., в 1855 и 1910 гг. они были реформированы (энциклика «Regale comuni»). В Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговине в 1910 г. их насчитывалось около 80, позднее это число значительно выросло. В рамках «Мариинских конгрегаций» создавались ячейки с разделением по полу, возрасту, профессии и месту проживания (самой ответственной считалась категория юношей и девушек от 14 до 25 лет). «Мариинские конгрегации», задуманные как «апостолат мирян», кроме социального и национального воспитания, выполняли и вполне определенные политические задачи. Под контролем священника на заседаниях конгрегаций обсуждались актуальные жизненные проблемы в соответствии с учением католической церкви. В предвыборный период проводились отдельные заседания обществ, где осуществлялась агитация в пользу клерикальных кандидатов и осуждались свободомыслящие политики, т. е. в конгрегациях епископы напрямую обращались к населению с указаниями, за кого надо голосовать. Кто впоследствии не голосовал за католических кандидатов, исключался из конгрегации «в связи с нехристианским образом жизни»⁵¹.

Среди рабочих была предпринята попытка создания «Хорватского христианского рабочего союза». Его целью было оказание рабочим помощи в борьбе против капитализма, но в связи с тем, что до 1914 г. на хорватских территориях практически не было рабочего класса, деятельность церкви в этом направлении особым успехом не увенчалась.

Первые годы работы ХКД показали, что хорватское духовенство в своих общественно-политических воззрениях не однородно. Оно разделялось на сторонников Й.Ю. Штроссмайера, А. Старчевича, приверженцев группы «Хорватство» и ее противников и т. д. Кроме того, «старшее» поколение духовенства, в основном в той или иной форме включенное в деятельность политических партий, тезис Махничича о культурно-просветительной борьбе в молодежной среде стало воспринимать крайне негативно, полагая, что она только усиливает, а не ослабляет «безбожные настроения молодежи», в то время как участие католиков, особенно церковных иерархов, в политических партиях необходимо. Разгоревшаяся полемика Махничича и его последователей с прогрессивной молодежью с одной стороны и «старым духовенством», с другой, привели к обратному результату: большая часть интеллигенции (ученые, преподаватели, студенты и даже учащиеся гимназий) перешла на отстраненную позицию, которой в равной степени был чужд как радикальный католицизм движения Махничича, так и атеизм напредняков⁵². Прекращение выхода газеты «Хорватство» в 1910 г. и общее ослабление антикатолической агитации на хорватских территориях закрыло первую фазу в истории ХКД.

Далмация и Истрия. Далмация⁶⁰ по Кампоформийскому миру (1797) была передана Австрии и находилась под ее непосредственным управлением вплоть до 1918 г. (За исключением 1805–1813, когда Далмация, захваченная Наполеоном, входила в состав Иллирийских провинций). Практически все основные политические силы Королевства Хорватия-Славония жизненно важным считали «далматинский вопрос» и благоприятное его разрешение (в нужном для хорватов направлении) называли важнейшей стратегической задачей хорватской национальной политики. Требование о присоединении Далмации к Хорватии-Славонии было выдвинуто политическими силами банской Хорватии сразу после обновления политической жизни в 1860–1861 гг. В «территориальной целостности Тринединского Королевства Хорватии-Славонии-Далмации» они видели основу для его стабильного положения в монархии и ведущей роли среди остальных югославянских территорий.

Вслед за началом формирования политических партий в банской Хорватии в Далмации в 1861 г. была основана Народная партия (народняки)⁶¹, у истоков которой стояли видные хорватские и сербские общественно-политические лидеры. Первоначально далматинская Народная партия являлась единым фронтом сербских и хорватских политических сил, она способствовала смягчению сербско-хорватских противоречий, ее сторонники говорили на общем,

⁶⁰ В состав Австрийской Далмации, появившейся в начале XIX в., были включены прежде разрозненные территории: «узкая» Далмация (Венецианская Далмация от реки Зрмани до Неретвы), область Дубровника (бывшая Республика Дубровник) и Бока Которская. Управление осуществлялось по модели, созданной в период французского правления (1805–1813). Территория не делилась на много административно разделенных областей, все управление было сосредоточено в административном центре – Задаре, где находился губернатор. По переписи 1857 г. население Далмации составляло 415 628 чел. Официальным языком являлся итальянский, несмотря на небольшую долю итальянского населения – 15 000 чел. (в 1900 г.). С 1861 г. начал работу собственный сабор. Далмацию в экономическом аспекте отличало практически полное отсутствие промышленности, экономическая деятельность ограничивалась производством и продажей сельскохозяйственной продукции. В социальном плане в далматинском обществе существовало глубокое разделение на городские (образованные и проникнутые итальянской культурой слои) и обездоленное крестьянское население, которое могло получить образование и определенное положение в обществе лишь выбрав стезю священника. В этой связи в Далмации было значительное число римско-католического духовенства. В 1857 г. его число было практически равно количеству священнослужителей в значительно большей по территории банской Хорватии. В аграрном секторе доминировала система колоната, кметства и различного вида долговой зависимости. Также Далмацию отличала практически полная изолированность от остальных югославянских территорий, выраженный средиземноморский характер и наличие большого числа населенных пунктов городского типа (14), хотя и с малочисленным населением.

⁶¹ Narodna stranka (1881–1889), с 1889 г. Народная хорватская партия (Narodna hrvatska stranka, 1889–1905).

«югославянском», «сербско-хорватском» языке⁵³. Основной формой сопротивления политике Вены являлись усилия по расширению использования национального языка⁶² вместо итальянского и немецкого в системе местного далматинского управления и образования. Это была борьба за просвещение и культуру, в широком смысле – борьба за консолидацию народа на культурной основе.

С момента своего создания партия должна была выработать позицию применительно к острым общественно-политическим проблемам и вызовам – присоединение Далмации к Хорватии (главный пункт в программе партии), отношение к власти, сербскохорватские взаимоотношения, югославянская политика, столкновение либерального и клерикального течений. По всем этим аспектам расхождения наблюдались не только между хорватской и сербской частями, но и внутри каждой из них, в этой связи политика партии зачастую характеризовалась колебаниями, непоследовательностью и внутренними кризисами.

Хорватскую часть возглавили М. Павлинович⁶³, М. Клаич, К. Войнович, установившие тесные политические связи с Народно-либеральной партией банской Хорватии и солидаризировавшиеся с политическими концепциями круга Штроссмайера. Идеология Народной партии, не оформленная в системном виде, тем не менее, была достаточно полно представлена в публицистических работах ее лидеров и охватывала общественно-политическую, национальную и культурную области. Главная цель определялась как развитие нации, но для этого необходимо формирование национального сознания – в этом аспекте идеологи Народной партии разделились на два лагеря, в зависимости от того, к какому сословию они принадлежали.

---

⁶² Хорватский сабор в 1866 г. принял закон, по которому хорватско-сербский язык приобрел статус официального на территории Хорватии и Славонии. В конце 1860-х годов австрийское правительство издало закон, по которому государственные чиновники Далмации кроме итальянского должны владеть «иллирско-далматинским языком». «Хорватский или сербский» язык стал официальным языком далматинского сабора в 1883 г.

⁶³ М. Павлинович (1833–1887) – священник и политик, практически бессменный депутат далматинского сабора, знаковая фигура всей хорватской общественно-политической жизни, идеолог и лидер Народной партии в Далмации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.